

Декабрь № 6. 1990 г. 95 коп.

ISSN 0863 — 698X

СТОЛИЦА

Колбаса —
оружие аппарата

Афганский дневник.
Декабрь 1979 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

ПЕРВЫЙ УЖИН В УСЛОВИЯХ РЫНКА

ЗАВТРАК ХОЛОДНЫЕ ЗАКУСКИ

Масло сливочное	05
Кефир	08
Сыр голландский	13
Колбаса любительская	12
Колбаса докторская	09
Сосиски жареные	43
Творог со сметаной	10
Ябло вареное	17
Биточки из говядины	23

ГОРЯЧИЕ НАПИТКИ, ВЫПЕЧКА

Кофе по-восточному	44
Кофе с молоком	22
Какао на молоке	15
Чай с лимоном	07
Ч а й	03
Булочка	03
Тост	03
Джем	07

О Б Е Д ХОЛОДНЫЕ ЗАКУСКИ

Масло сливочное	05
Семга с маслом	1-20
Язык отварной с хреном	17
Салат деликатесный	1-19

ПЕРВЫЕ БЛЮДА

Суп овсяной с мясом	33
Суп-шоре из шампиньонов	58
Бульон спельменями	66

ГОРЯЧИЕ БЛЮДА

Судак отварной соус польский	79
Поджарка из телятины	1-46
Бризоль из вырезки	1-77
Голубцы с рисом и мясом	54

СЛАДКИЕ БЛЮДА

Мороженое с вареньем	34
Яблоко в сиропе	39

ХОЛОДНЫЕ НАПИТКИ

Напиток из брусники	20
---------------------	----

ГОРЯЧИЕ НАПИТКИ

по-восточному	44
черный	26
с лимоном	07

Х Л Е Б

ржаной	01
3 пшеничный	02

ЧЕТВЕРТ

М Е Н Ю

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ !

ПРИЯТНОГО ВАМ АППЕТИТА

В голодное время почему-то всегда хочется есть. Нынче Москва не очень хлебосольна. Но все-таки в истерзанной демократами столице еще сохранились заповедные места бывшего изобилия. Рекомендуем, к примеру, посетить столовую при гостинице ЦК КПСС «Октябрьская», где можно довольно вкусно и недорого поужинать. Даже с дамой.

Вот что Бог послал к столу посетителям этой столовой 1 ноября сего года, в день начала перехода России к рынку. Из холодных закусок: язык отварной с хреном по 17 копеек и галантин из кур по 51 копейке, а также широкий выбор свежих овощей: помидорчики, огурчики, редисочка. И вся эта зелень подавалась всего за 19 копеек. Чуть дороже стоили семга с маслом и севрюга горячего копчения.

Из горячих блюд можно было заказать бризоль из вырезки либо поджарку из телятины. К сожалению, шампанского там не подают. Все-таки столовая. Но в любой день можно принести с собой вино любой страны. И услужливо-вышколенный официант весь ужин будет подливать эту праздничную влагу в хрустальные бокалы.

Отрадно, что вышеназванная столовая расширяет контингент обслуживаемых. Если раньше сюда допускались лишь члены ЦК КПСС и зарубежные гости, то теперь здесь можно встретить и депутатов Верховного Совета СССР.

Меню

АКЦЕНТ

Доктор экономических наук Геннадий Иннокентьевич ФИЛЬШИН родился в 1931 году. Экономист по призванию и образованию. Работал в хозяйственных и плановых органах, в Сибирском отделении Академии наук СССР. Народный депутат СССР от Иркутской области. В настоящее время — заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, Председатель Государственного комитета по экономике.

Геннадий ФИЛЬШИН:

НЕ НАДО СПАСАТЬ ОБРЕЧЕННЫХ

В МАРТЕ этого года Межрегиональная депутатская группа совместно с другими группами ВС СССР предложила президенту страны проект Союзного федерального договора. В его основе лежала концепция делегирования функций от республик — президенту и центральному правительству (оно вообще нам представлялось как правительство при президенте).

Именно эта концепция могла лечь в основу построения нового Союза. В Архангельском, где представители всех республик собрались в августе, чтобы обсудить программу «500 дней», данный раздел (он назывался «Экономический союз суверенных республик») получил поддержку 14 из 15 республик. (Эстонцы не подписали его отнюдь не по идеологическим, а по чисто тактическим, внутриреспубликанским мотивам.)

Суть предложения была предельно проста: республики добровольно отдают президенту и правительству Союза определенные функции (в таких сферах, как оборона, внешняя политика, атомная энергетика) и беспрекословно — в их рамках — выполняют все распоряжения. Те же вопросы, которые республики оставляют в своей компетенции, для Центра — неприкасаемы. Но именно в ответ на эти простые предложения посыпались малопонятные обвинения в экстремизме, автаркии, стремлении развалить государство.

фото Ю. Шлукина

Вспоминать это приходится со смущением, так как сейчас данную концепцию все чаще называют «президентской».

Объяснение простое: президенту понадобилось несколько месяцев, чтобы проникнуться и понять необходимость такого закона. Увы, за эти месяцы в стране произошли столь значительные перемены, что тот закон, который устраивал, по существу, всех, сегодня никому не нужен. Откройте газеты: Украину и Молдавию раздирают свои противоречия, Литва и Эстония живут своей жизнью, у Азербайджана и Армении — свои проблемы, все свое также у Грузии, у среднеазиатских республик...

Тогда, в марте, Закон о федерации при поддержке президента мог быть принят Верховным Советом СССР в течение двух недель. И, глядишь, сегодня у республик было бы меньше своих проблем, да и общие решались бы проще. Но, как принято говорить, жизнь рассудила иначе. Президент в очередной раз (вспомните истории с Карабахом, с 6-й статьей Конституции, с выборами от общественных организаций, с учреждением поста президента и т.д., и т.п.) отказался от мнения, которое станет его собственным спустя энное количество дней или месяцев. Ах, опять это хроническое запаздывание президента с решениями...

Известно, что в Архангельском по инициативе правительства РСФСР программа «500 дней» обсуждалась как базовая модель для перехода к рыночным отношениям всех республик. После одобрения ее их представителями бумаги отправили наверх.

Президент рассматривал программу совместно с Председателем Совета Министров СССР в течение 6 часов. И в тот период всем казалось, что президент понял главное. Что это не просто программа для России или для отдельных республик, а программа консолидации всех сил страны. Исходное ее положение — представление о Союзе как экономическом пространстве, где всем республикам выгодно взаимодействовать на основе единых правил игры. В ней было показано,

СТОЛИЦА

Декабрь, № 6, 1990 г.

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22

Телефон: 928-23-49
Телекс: 411700 MALPEK
Телефакс: 2002216 MALPEK
2002217 MALPEK

**Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета**

**Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН.**

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Валерий КИЧИН
(зам. главного редактора)
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Сергей СТАНЖЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

*Мнения авторов не всегда совпадают с
точкой зрения редакции.*

*Рукописи не рецензируются и не возвра-
щаются.*

*При перепечатке ссылка на «Столицу»
обязательна.*

Редакция в переписку не вступает.

*С предложениями о рекламе звоните по
телефону: 928-83-40*

*Первая страница обложки — фото Ю. Шту-
кина*

Номер набран в типографии
издательства «Известия» с участием творче-
ского объединения «Интерпракс» советско-
американского фонда «Культурная инициа-
тива». Отпечатан в типографии издательства
«Горьковская правда». Зак. 3979

Номер подписан в печать 29.XI.90. Тираж
300000. Цена 95 к. «Столица», 1990. ©

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

АКЦЕНТ

1 Геннадий ФИЛЬШИН: Не надо спа-
сать обреченных

ВЛАСТЬ

5 Будет ли после зимы весна?..
Академик Никита Моисеев беседует
с обозревателем «Столицы» М. По-
здняевым
8 А с другой стороны (Ю. Богомолов)

СИЛУЭТ

10 Рабочий при дворе Президента: за
кулисами одной политической карье-
ры (Ю. Лесунов)

ПРАВОПОРЯДОК

16 «Пройдемте, СЭ-Э-Р...» (Е. Салина)
17 Такие милые люди...
20 Неестественный отбор (Е. Салина)

24 ...В стране разворачиваются частные
фирмы промышленного шпионажа
(В. Ирбис)

СИТУАЦИЯ

23 Гейдар приехал (А. Зуйченко)

ЗАКРЫТАЯ ЗОНА

27 Армянский Калугин? Журналистское
расследование истории ареста майо-
ра республиканского КГБ (Г. Кара-
петян)
15 Джек-Потрошитель выходит на
след?.. (В. Оскоцкий)

ТЕАТР АБСУРДА

30 Новоселье по-советски (Е. Гонча-
ренко)

СПЕЦХРАН

35 «Объект № 1 ликвидирован...» Из
афганского дневника полковника Ев-
гения Чернышева
40 Подлинная румынская революция —
вперед! (Аттила Ара-Ковач)

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

42 Догонять ли Америку? (В. Война)

ПРИЛАВОК

46 У папы Карло, или Секретный про-
виантский склад
47 Почему капуста?
48 Мокрое место

СВЕТСКАЯ ХРОНИКА

МИКРОКЛИМАТ

50 Национальность — москвич (А. Ма-
каров)

КУЛЬТУРА

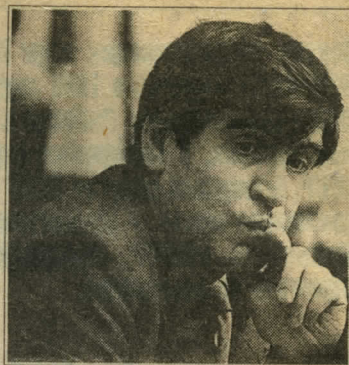
52 Артист с протянутым стаканом
(Т. Ерохина)
55 Я и кинемеханик Сталина
(А. Липков)
58 Это вам не рок-шоу!.. (В. Кичин)

НЕСЕРЬЕЗНОЕ

60 В ружье! Нет слов! Веселая путани-
ца. Продолжение полемики. Здра-
вствуй, столица!.. (Г. Дробиз)

АРТ-САЛОН

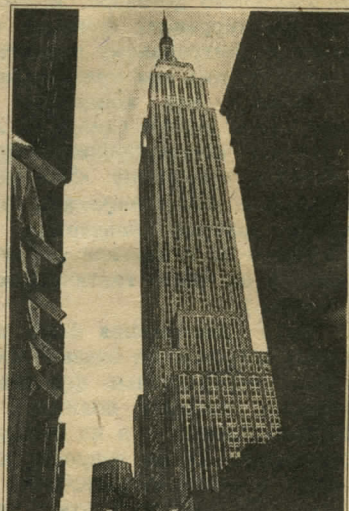
62 Ирина Меснянкина. Из книги «Авто-
портрет с шестью глазами»
64 С. Моргенштерн. «Вызывается Саму-
ил — сын Якова»

10. За один год — от «про-
стого» кандидата в на-
родные депутаты СССР
до члена Верховного и
Президентского советов!
Что же дальше?

20. Человеческая жизнь об-
рела сегодня устойчи-
вую цену. В Москве она
— 10.000 рублей

42. Американский миф о
бедном, но счастливом
Советском Союзе

что выгода эта превышает все другие — неважно какие — экономические действия, лежащие за ее пределами. А значит, все будут стремиться ее выполнять. Больше того, из программы следовало, что на основе делегирования Центру определенных функций можно реализовать любые разумные политические, а не только экономические идеи. Если сказать откровенно, это делегирование позволяло удовлетворить любые политические амбиции. В то же время там был пункт, позволяющий каждой республике, скажем, быть ассоциированным членом с особым политическим статусом. Но в экономике ни у кого особого экономического статуса быть не могло, здесь правила игры были одни для всех. И это особо подчеркивалось в программе «500 дней».

О чем же совещались так долго президент с премьером? Помимо вопросов, связанных с программой «500 дней», существовала, как известно, так называемая «правительственная программа» перехода к рынку. И была довольно простая дилемма: в случае принятия первой программы и отклонения второй правительство уходит в отставку. И вот тут-то для того, чтобы спасти обреченное правительство, президент отказался от крайне важного для всех решения.

В ТОМ, ЧТО правительство Рыжкова было обречено, сомнений нет, его действия давно вызвали глубокое недоверие народа, постоянно приводили к негативным результатам. Я не хочу погружаться в проблему, могло ли оно поступать иначе, нужно ли было делать что-то другое. Одно ясно: это правительство было лишено доверия, прежде всего, из-за своей приверженности административно-командной системе. И каждый день своего существования оно усугубляло ситуацию в стране, отсрочками каких-либо действительных мер загоняло нас в тупик, в тяжелейшее экономическое положение.

Так вот, чтобы спасти это правительство, начались маневры с программами. Интересы кучки людей поставили выше интересов сотен миллионов.

По законом аппаратных игр, а вначале упорно пытались создать видимость принятия правительственной программы, начались бесконечные обсуждения, которые в конечном счете выхолостили экономическую часть программы Шаталина и на время спасли Рыжкова. «Основные направления», идея которых заимствована нынешним руководством у своих предшественников, не имеют никаких точек отсчета. Даже про те «направления», что принимались при Хрущеве и Брежнев, сегодня невозможно сказать — были они реализованы или канули в Лету. Не сможем мы это сделать и в данном случае, весьма хитрая формула типа «реализм без берегов» не позволяет этого. В итоге — декларативное, привычное сердцу аппаратчиков изложение общих положений заменило реальную экономическую программу.

Вообще вся сложившаяся в экономике ситуация возникла не сразу, не в один день. За пять прошедших лет правительство не сделало решительных шагов ни по одному из ключевых направлений. Эта катастрофическая ситуация — следствие целого ряда некомпетентных действий, свидетельствующих о профнепригодности тех, кто их совершил. Разовыми ошибками такого развала экономики достичь было нельзя. Это как в Чернобыле: персонал должен был совершить целую цепь ошибок, чтобы произошла катастрофа.

Вся эта совокупность ошибок системно сводится к одному факту: объявив изменение структуры народного хозяйства в сторону отраслей конечного производства, в сторону социальной сферы и человека, правительство

ничего в этом направлении за пять лет не сделало.

Львиную долю народнохозяйственных ресурсов по-прежнему, как и в былые годы, вытягивал военно-промышленный комплекс (ВПК). Он всегда был основой структуры хозяйствования, именно его существование определяло остаточный принцип в развитии и социальной сферы, и потребительских товаров. Даже те 25 процентов, которые потребительские товары всегда составляли в общей массе промышленного производства (столь низкой цифры нет нигде в мире), далеки от реальности. (Этот показатель, кстати, не изменился, несмотря на все потуги ВПК производить кастрюли и пылесосы.) А если убрать наши нереальные цены и посчитать не в наших, а в мировых ценах, то картина станет еще более удручающей.

Чтобы упразднить существующую структуру ВПК, нужно было давно и решительно пойти на конверсию, коренную реорганизацию предприятий военно-промышленного комплекса. Историческая заслуга перестройки — в изменении внешнеполитической среды. С нас уже давно снят груз «капиталистического окружения», разомкнуто «вражеское кольцо», исчез враг, который хочет нас сломить, но не знает, чем после этого кормить.

Мы же этим не воспользовались. Конечно, и сейчас хватает «ястребов», чьи голоса в Верховном Совете страны постоянно напоминают о том, что надо «крепить обороноспособность и могущество», об «ответственности армии» и т.д. Эти безответственные речи должны быть услышаны избирателями этих депутатов.

А ведь за эти годы многое можно было сделать. Не удалось это потому, что ВПК и представлявшее его правительство (посмотрите, кто в него входил), а также монопольные структуры в лице ЦК КПСС и властные структуры на местах — вся эта система работала на военно-промышленный комплекс. И без него та же система утратит свое влияние, основу своего могущества. Вспомните, как утверждалось это правительство? Да очень просто, по выражению Ю. Н. Афанасьева, послушным сталинско-брежневским большинством. И, как всегда, мы хотели бы получить результат, не ущемляя и не затрагивая главных виновников. Вот в чем я вижу главные причины экономической и политической катастрофы, к которой привели действия союзного правительства.

А что же президент? Думаю, даже абсолютно уверен, что именно эти монопольные структуры власти вместе с нынешним правительством сумели убедить Горбачева, что их уход будет одновременно и его уходом с политической арены. На Верховном Совете я слышал слова самого Михаила Сергеевича о том, что Политбюро заседало по вопросу о рынке 13 часов. И эти его метания можно объяснить только сильнейшим давлением на него, иначе не понять тот бескровный переворот, который произошел в его представлениях о переходе к рыночной экономике.

НАИВНО ОБЪЯСНЯТЬ все нерешительностью — то ли президента, то ли правительства — в решении жизненно важных для страны вопросов. Там, где надо было бы повременить, обдумать, посоветоваться не с обезличенным «народом», а со специалистами, правительство проявило как раз завидную прыть. Даже не дожидаясь решения ВС СССР по программам рыночной экономики, оно приняло решение, которое радикально изменило ситуацию, сделало, по существу, неизбежным директивное повышение цен всех видов. Сначала были повышены закупочные цены на зерно, на комбикорма, объявлено о повышении закупочных цен на мясо. В расчете на то, что крестьяне, естественно, станут передерживать скот, ожи-

дая повышенных цен, скармливать зазря и без того ограниченные запасы кормов, а правительства республик будут вынуждены пойти на повышение цен. Подготовив указ президента, предопределивший повышение оптовых цен, правительство проигнорировало такие важные экономические требования, как их сбалансированность и четкое ограничение в тех отраслях, от которых зависит резкое повышение розничных цен. Все это уже сегодня привело к огромному дефициту бюджета. Б.Н. Ельцин называл цифру в 300 миллиардов, а сегодня мы уточнили, что это уже 350 миллиардов рублей! В этой ситуации правительству не обойтись без весьма непопулярных мер экспроприации: изъятия у предприятий части доходов. В противном случае не избежать повышения и без того громадного — 500-миллиардного — внутреннего долга государства. Не избежать также повышения розничных цен, причем компенсацию, конечно, частичную, удастся организовать только для очень узкого, наименее обеспеченного слоя населения. А пострадает основная часть людей, причем наиболее активная, от которой как раз и зависит будущее страны. Мы всегда наказываем в первую очередь тех, кто может вытянуть экономику.

Итак, что же мы имеем сегодня? Слова и заклинания, которые произносились все пять лет перестройки, ничуть не повлияли на главное: все так же велик спрут, пронизавший все народное хозяйство, высасывающий из него последние соки. Существование экономики на двух уровнях — военном и гражданском — близко к физическому истощению. Две трети машиностроения, причем лучшего, принадлежит ВПК. Гражданское машиностроение последние четверть века получало и получало только 5 процентов всех инвестиций в народное хозяйство, более половины предприятий, по сути, находится в руинах.

За последнее пятилетие удельный вес оборудования, которое работает 20 и более лет, удвоился. Например, в ангарском объединении «Нефтеоргсинтез», гигантском предприятии, перерабатывающем 22 миллиона тонн нефти в год, 60 процентов оборудования уже полностью амортизировано, большая часть его была депортирована из Германии после войны. Не только в нефтехимической, но и в легкой, пищевой промышленности до двух третей оборудования изношено физически, а не только морально. Отечественного машиностроения для целлюлозно-бумажной промышленности, для полиграфии практически вообще нет.

Лишь 10 процентов оборудования в гражданских отраслях, причем, как правило, также выполняющих заказы ВПК, соответствует современному техническому уровню. А мы ждем от этих отраслей конкурентоспособной продукции, высокой производительности труда, ждем повышенного интереса к этому труду. Ну, а разговоры о техническом прогрессе давно обрели дежурный, для галочки, характер.

Обратите внимание, насколько непоследовательно правительство решало вопросы экономической реформы. Разве можно было принимать Закон о предприятии, всякого рода постановления о снятии ответственности с министерств за результаты хозяйственной деятельности без рынка материально-технических ресурсов? Все эти постановления без учета материальной базы для их выполнения ничего не стоят. А потом делаются широкозвучающие заявления, что предприятия оказываются несостоятельными. Естественно, другого и быть не могло.

О какой предпринимательской деятельности можно говорить, когда нет рынка инвестиций? Жалуемся, что

кооператоры занимаются в основном торгово-посреднической деятельностью. А чем им еще заниматься, когда нет рынка — ни ресурсов, ни инвестиций?

Если бы были задуманы всерьез структурные изменения, то тогда бы был создан маневренный мощный инвестиционный комплекс, который обеспечил бы и перелив капиталов, и создание новых структур. Так было в ФРГ и в Японии. Это повлекло бы и появление рынка материально-технических ресурсов, рынка строительных мощностей. Ни того, ни другого у нас не создается. Даже плановые инвестиции, как правило, на треть не обеспечены материально-техническими ресурсами. И поэтому за 10 месяцев 1990 года мы выполнили план по вводу мощностей всего на 10%. По одному проценту в месяц! Второй год мы проваливаем полностью все наши попытки сделать что-то кардинальное с жильем, с социальным бытом. Вот уже два года строим жилья меньше, чем раньше.

Итак, механизмы не запущены, законы принимаются в отрыве от реальности и, самое главное, спрут, который высасывает все соки из народного хозяйства, обретает новое дыхание. И, повторюсь, никаких оснований для существования и такого ВПК, и такой армии, как у нас, не существует. Впрочем, пока они сами диктуют и определяют, какими им быть. Даже программа конверсии была поручена самому ВПК, а он ее представил на утверждение, не показав, не согласовав ни с одной из республик.

Вы думаете, для чего союзное правительство судорожно искало ресурсы, для чего ему потребовалось повышение цен? Сегодня совершенно ясно, что ВПК без этих мер просто не проживет. Во-первых, он должен будет вступить в новые экономические отношения, то есть продавать свою продукцию по рыночным ценам. А ведь ВПК очень своеобразно понял конверсию как дополнительный источник существования все тех же тяжелых оглоблей на шею народа. Не так давно в оборонные министерства переданы предприятия Минлегпищемаша. На них теперь производят ту же продукцию, только в 10 раз дороже, чем она была раньше, хотя по качеству отличается весьма мало. Так идет тотальное разорение страны.

Обратите внимание на всех этих генералов, которые позволяют себе политические заявления, идущие прямо вразрез с основной линией президента на международную разрядку, на демократизацию жизни внутри страны. Вслушайтесь в выступления маршала Ахромеева и генерала Макашова (последнее, кстати, на параде в Куйбышеве 7 ноября этого года). Если эти военачальники, вместо того чтобы выполнять волю политического руководства страны, сами занялись политикой, то они хотя бы должны были предварительно подать в отставку. Тот же Макашов не был осужден после своего экстремистского выступления на учредительном съезде Российской компартии ни президентом, ни правительством. Это говорит о том, что наши политические лидеры стали заложниками ВПК и генералитета.

Я НЕ БУДУ здесь говорить о том, что противопоставило правительство России этой поистине разрушительной деятельности правительства Союза. Это — тема отдельного разговора. Многие читатели уже знают из газет и телевизионных передач. Мне же хотелось показать, что сложившаяся ситуация, когда в России то ли два правительства; то ли безвластие, — не случайна. Старые властные структуры сильны и по своей воле власть не отдадут.

БУДЕТ ЛИ ПОСЛЕ ЗИМЫ ВЕСНА?..

ВЛАСТЬ

Академик Никита МОИСЕЕВ
беседует с обозревателем «Столицы» Михаилом ПОЗДНЯЕВЫМ

— Никита Николаевич, одна из ваших недавних статей — она была напечатана в журнале «Вопросы философии» — носит название интригующее: «Экология, нравственность и политика». Кажется, вы первый, кто вот так, круто, «в лоб», столкнул три главные темы современной жизни...

— Сама современность их сплела в клубок удивительной сложности. И я постарался в самых общих чертах показать читателю, какими представляются мне пути взаимосогласования этих трех понятий, чтобы прорвать их замкнутый круг, сделать шаг к будущему.

Вы знаете, были такие четыре книжечки «Голоса из России» — письма Герцену в Лондон от его читателей. Одно из писем мне очень понравилось. Коренной москвич жалуется: не та уж стала Москва-река! остра-то еще поймать можно, а вот стерлядочки в ней уже не встретить!

Для нас это письмо — свидетельство обвинения века минувшего веку нынешнему. А если глубже посмотреть — корреспондент Герцена не наш двадцатый, а свой, девятнадцатый, век обвиняет. Уже тогда люди заметили: многие прелести, Богом для человека предназначенные, исчезают от простого соседства с ним.

Мне пришлось участвовать в работе ЮНЕСКО по спасению Великих Озер. Они были страшно загрязнены. Эри и Онтарио были примерно такие, как Москва-река. От Ниагарского водопада воняло. Комиссия ЮНЕСКО выработала рекомендацию, передала их правительствам Соединенных Штатов и Канады. Сейчас совершенно другая ситуация. В Онтарио появилась рыба, можно купаться, экскурсанты у Ниагарского водопада не зажимают носы.

— Что же они сделали?

— Привели в действие систему государственных мероприятий. Огромные штрафы за экологические преступления. Аппарат потворства и финансирования современных технологий. Экологическая пропаганда. Причем без криков и истерики, без драки, без провокаций, без кампанейщины — а все постепенно. Наука давала объективные сведения. Общественность их переваривала и формулировала перед правительством. Правительство издавало законы, которые промышленность не могла игнорировать, — они бы тогда просто разорились! В результате резко сократилась энергоемкость всей промышленности США. Люди заметно больше посещают заповедники, национальные парки. Все цепляется одно за другое — это и есть экологическая культура.

— Я как-то читал дневники Вернадского, и вдруг, среди мыслей о ноосфере, такая фраза: «Крупные неубоачи нашей власти — результат ослабления ее культуры».

— Я примерно помню это место, но тут дело еще в том, что наша власть чувствует себя вне времени и пространства. На этом ее бесчувствии базируется и ее экологическая политика.

Скажем, имеются основания думать, что есть на этой земле полтора квадратных километра радиации. У нас — паника, крики: «Катастрофа!» — а, скажем, вся Закарпатская Украина живет в условиях значительно более высокой радиации — и там как бы ничего не происходит. Сколько сил истрачено из-за Байкала — а тем временем погиб Арал.

Вот — Москва. Население Чертанова требует закрыть мусоросжигательный завод, отравляющий им жизнь...

— Я сам жил рядом с этим заводом, будучи убежден в его стерильности, а только на днях прочитал, что в одном только килограмме золы, изрыгаемой этим заводом тоннами, — более грамма хрома, 14 — цинка, полтора грамма свинца и так далее...

— Ну вот, завод закрывают. И — Москва тонет в мусоре. Москва кишит крысами — они уже не прячутся по подвалам. А просто закупщики поспешили на валюту, не приобрели какие-то особые фильтры, нарушена была технология эксплуатации завода — и нужно было только все сделать как надо.

Или — строительство Северной ТЭЦ. Мне приходилось много заниматься этой историей. Да, нехорошо, что рядом с ней живут люди. Но без нее — вообще не проживешь! Москва этой зимой будет находиться в чрезвычайном положении. Не дай Бог — 40 градусов мороза... Всю эту зиму нам будет недоставать тепла. Почему? Потому что народ взбунтовался против ТЭЦ — и народные избранники поспешили выдернуть одну эту проблему из переплетения множества. И так во всем. Куда ни ткнишь — отдельные проблемы заслуживают общую перспективу.

— Никита Николаевич, ну а что бы вы сделали на месте Попова?

— Между прочим, я к нему очень хорошо отношусь и считаю, что он оказался вполне на своем месте. Поэтому скажем лучше так: если бы я вместе с другими представителями научной элиты мог влиять на Попова (и других представителей власти)...

Дело в том, что Москва — это не просто мегаполис и не просто эконополис. Это уникальное явление на планете. Комплекс мощной и высококвалифицированной промышленности. Столица страны и Российской республики. Москва и область — это свыше 15 миллионов человек и, если мне не изменяет память, порядка 12 процентов всей национальной продукции.

Прежде всего — мне ясно, что разделение такого региона

на город и область ничем не оправдано и страшно вредно. Кому такое разделение выгодно — не секрет...

— Они и не стараются делать из этого секрета — достаточно назвать две недавние публикации — статью бывшего «партайгеноссе» области тов. Коноптова, ныне персонального пенсионера, в «Ленинском знамени» и одного из его преемников — в газете «Подмосковье». За фразами об «угрозе аннексии» области «межрегиональщиками» и «теневишками» — плохо скрытый страх столичных коммунистов потерять последний бастион власти вместе со всеми пайками и средствами быстрого реагирования.

— Решение экологических проблем у нас всегда зависело от сиюминутных политических капризов. Нужно, чтобы понимание необходимости комплексного рассмотрения каждой проблемы пронизывало сознание верхов. Верхи же по-прежнему заняты политикой. И времени у них все меньше...

Вторая экстренная мера: прекращение развития Москвы как административного региона. Москве давно уже не по силам содержать сотни тысяч людей, занятых управленческим, административным трудом. Проблема одновременно политическая, нравственная и экологическая. Надо срочно разгружать Москву — это будет иметь очень важные последствия.

Я глубоко убежден, что Москва не должна быть столицей Союза республик. По многим соображениям. До тех пор пока столицей будет Москва, будет диктат Москвы, «рука Москвы»... Диктат русских. Я не хочу быть представителем Империи — я хочу быть представителем одного из народов, равно отвечающих за судьбу Союза.

Если бы меня спросили, где бы я поместил центр Союза республик, — я бы сказал: в Киеве. Не только потому, что это и в географическом смысле центр, но, конечно, потому, что там была заложена основа нашей государственности. Подумайте, как бы это было разумно. Сколько бы это сняло проблем — прежде всего политических. И это реально... А еще лучше — построить новый город типа Бразилиа, или Исламабада, или Аделаиды.

Итак, резкое сокращение всего, что в Москве связано с управлением. Многие произойдет само собой — вместо министерств и госкомитетов образуются тресты, концерны, синдикаты. Так их и не надо оставлять в Москве — сколько прекрасных старых городов по области, я уж не говорю о Твери, Смоленске, Рязани, да наконец и о гревевшем когда-то Нижнем Новгороде! Заметьте, всё города с традициями государственности. Надо ориентироваться на это уже сегодня и понемногу начать вкладывать в это деньги.

Дальше. Работа над долгосрочной программой изменения структуры промышленности Москвы.

Возьмите наши заводы — бывший Гужон, теперешний «Серп и Молот», или же завод имени Лихачева — да вся технологическая основа промышленности Москвы старая. *Вся!* Она требует не косметического ремонта — но полной реконструкции. Все время все нужно в этом городе реконструировать...

— Вы говорите о заводах, а я вспомнил про метро: сколько легенд о нем сложено, сколько песен спето, сколько самоцветов да позолоты на него пошло — и вдруг авария одна за другой, фантастический потоп, срыв строительства нескольких станций...

— Да потому что московское метро с самого начала было политической акцией: бесконечное «Даешь!», каждая станция сдавалась в условиях аврала, к празднику, а потом сразу же закрывалась на ремонт.

Москва до технологическому уровню всего, что в ней построено за последние десятилетия, бесконечно далека от нынешних стандартов. И делать нам надо то, что делали американцы. Вот станут промышленные предприятия экономически самостоятельными — и вся их финансовая политика должна быть направлена на полную перестройку. Только не нужно думать, что это удастся сделать за пять лет, — это про-

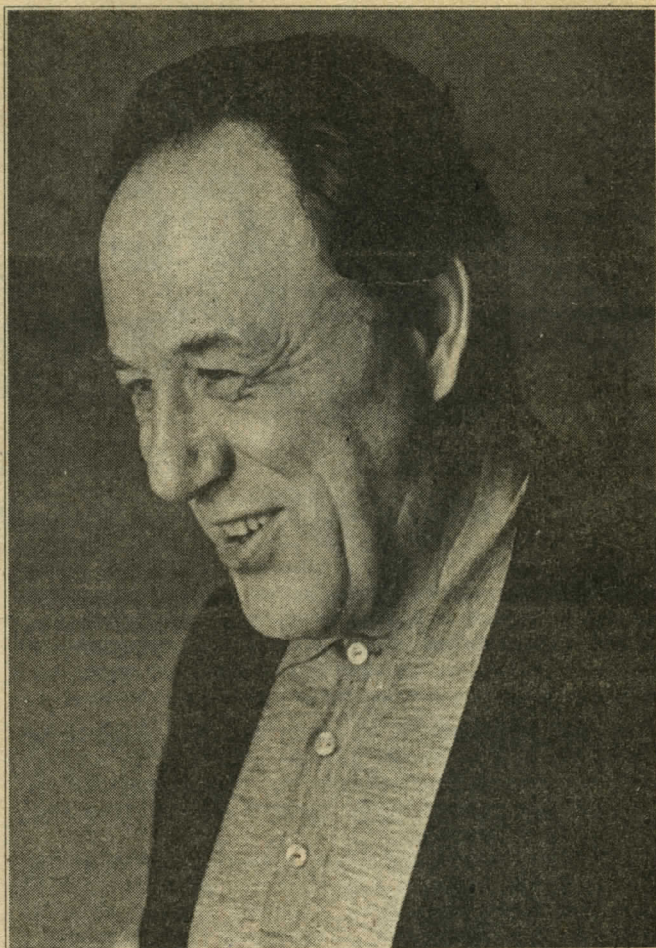

Фото В. Ахломсова

грамма, рассчитанная на пару поколений. Давайте в конце концов обозначим критерии. Не спускать сверху команды, а выработывать стратегию развития города.

Вот у нас по телевизору любят показывать (сейчас, правда, реже) нью-йоркские трущобы. Это действительно кошмар. Зброшенные доки на Темзе тоже удручают. Районы, экономически невыгодные. Выгоднее их просто бросать, чтобы они постепенно обратились в прах. Знаете, жизнь есть жизнь, у каждого из нас что-то болит, и, увы, случается, когда нужна операция, — приходится жертвовать малым ради целого. Или — менее кровавый пример: у дерева начинает сохнуть ветка. Ее отсекают... Но иное дело — когда все дерево сохнет на корню. Не трогайте Москву двадцать лет — и жить в этом городе будет нельзя. Это будет клоака: бесконечные аварии, пожары, дикие эпидемии, возникающие вроде бы сами по себе, а в действительности показывающие, что город — это живой организм.

И еще. В конце двадцатых годов я часто жил летом в Вышнем Волочке. Тихие, опрятные, зеленые улицы, отсутствие безработицы, хороший и дешевый рынок и — практически никаких преступлений. Таких городов было много. Да и сейчас еще, наверное, сохранились в провинции городки, где жизнь течет без напряжения... Так вот. Когда я говорю о будущем Москвы, я говорю о городе, в котором нет озлобленности, буквально царящей сегодня в Москве. Это один из элементов экологии человека — или энвайроментальной проблемы, как говорят на Западе.

Я ведь не случайно упомянул о рынке в Вышнем Волочке. Чтобы снять предельную напряженность в Москве, надо, что называется, душу заложить, а накормить людей. Накормить — и согреть: ведь на дворе зима. Если этого не сделать

нынешней зимой, нам, быть может, уже не придется даже заикаться о нравственности...

Дайте человеку полгода — да нет, хотя бы три месяца — пожить в той обстановке, в которой живут, скажем, жители Вены, — и он мгновенно придет в себя. Как он работать станет! Он уже не сможет жить в грязи — он опомнится. Все проблемы, о которых до обморока спорят на Пушкинской площади — я там просто боюсь проходить! — решатся сами собой. Мы с женой прожили месяц в Вене — в спокойствии, тишине, комфорте, — я даже как-то здоровее стал.

Человеку, чтобы он жил, нужна перспектива. Сегодня ее нет. И это страшнее, чем все сегодняшние лишения...

— *Никита Николаевич, наш Президент очень любит говорить о консолидации. Вы в своей статье в «Вопросах философии», да и в других работах часто упоминаете разработанную в конце 60-х годов вами и профессором Ю. Б. Гермейером теорию компромиссов. Имеют ли эти две позиции что-то общее?*

— Я убежден, что наш Президент не знает, что существует теория компромиссов. Проблема анализа конфликтных ситуаций — это специальная большая дисциплина, возникающая на стыке математики, социологии, системного анализа, психологии... Для того чтобы принимать в таких обстоятельствах какое-нибудь решение, нужно просматривать, просчитывать его последствия. Никто из наших руководителей этого не делает. Я вижу искренние попытки вылезти из болота — но признаков интеллекта в этих действиях не вижу. Не вижу признаков того, что эти люди советуются с кем-то, кто умнее их...

— *Но ведь есть Президентский совет? (Или что там теперь вместо него?)*

— Президентский совет — это Совет Президента; и Президент нам с вами не говорил, для какой цели он этот Совет создал (и почему сам же его и распустил). Я догадываюсь, что это инструмент Президента. Но это не инструмент гражданского общества.

— *Простите, но вот вы — главный советник при дирекции Вычислительного центра Академии наук СССР. Как я понимаю, должность уникальная. Так будьте советником Президента!*

— Вы знаете, когда Гавриил Харитонович Попов пришел к власти, он предложил мне с ним встретиться, чтобы обсудить, как лучше организовать некоторые комплексные работы в Москве. Он дал мне шесть телефонов. Я не смог его найти ни по одному у и махнул рукой...

— *Знаете почему? Потому что это те самые телефоны, те самые кресла и кабинеты, где так уютно себя чувствовал аппарат. Эта трясина засасывает — и Попов прекрасно сознает такую опасность. Он прямо говорит: боюсь аппарата, это огромная сила. И еще говорит: без аппарата нам не обойтись — у них большой опыт... Эти признания понятны, но понятно и то, что опираться надо на совсем иные силы — на те, на которые сумели опереться Гавел и Мазовецкий, Тер-Петросян и Ландсбергис...*

— Должен вам сказать: я к Попову и Станкевичу отношусь с гораздо большим уважением, чем к Гавелу или Ландсбергису. Они — промежуточные фигуры. Дстойные, честные, мужественные... Но все-таки Вацлав Гавел — это не Бенеш... Я вам другой пример приведу: Маргарет Тэтчер! Вот кто действительно у меня вызывал восхищение. Таким людям помогать — удовольствие. Она во время выступления тебя перебивать не станет, ладошкой постукивать по столу за твоей спиной не будет... Увы, и Чехословакия с Польшей, и Литва с Арменией «советского периода» пока не в состоянии выдвинуть на политическую арену фигуры такого масштаба, личности с таким уровнем интеллекта. Они у нас кое-чему научились — в худом смысле... Ведь наше государство строили недоучки — назовем честно все своими именами. Они профессионально занимались политической деятельностью и между прочим получали образование, что не помешало почти всем остаться без дипломов из-за неуспеваемости и по нераде-

нию... Даже так называемые «интеллектуалы», вроде Бухарина и особенно Луначарского, — посмотрите на их писанину непредвзято: не было у них ни интереса и уважения к истории своего народа, ни понимания его места в мировой истории, ни понимания своего места... Когда-нибудь у нас, надеюсь, будут другие вожди. Пока я их не вижу. Хочется верить они набирают силу...

— *По есть, наконец, гласность. Ведь должны же наши вожди читать — если не эту нашу с вами беседу в «Столице», то хотя бы ее краткое изложение, подготовленное референтом!*

— Может быть, вы слышали, как перед войной, когда Америка пресбывала в глубоком экономическом и политическом кризисе, группа «обеспокоенных ученых» начала собираться за чаем для обсуждения ситуации. Об этом доложили Рузвельту...

— *И он их засудил как диссидентов?*

— Нет, он стал к ним захаживать. Сидел, молча слушал, иногда задавал уточняющий вопрос. Он учился у них, а не поучал, как привыкли и до сих пор делают у нас... Вероятно, Эйнштейн не смог бы пробиться к Рузвельту с проектом ядерной бомбы — если бы не те «посиделки». А после войны на примере этой компании возникла мощная, совершенно независимая и бесприбыльная корпорация, имеющая возможность отвечать на вопросы правительства объективно и влиять на выбор правительством того или иного решения.

Раскрою тайну — она перестанет быть тайной к моменту выхода журнала, — мы зарегистрировали при Верховном Совете России, где нас с вниманием и благодарностью выслушал Ельцин, независимую ассоциацию «Наука и будущее страны». Хотели сначала при Октябрьском райисполкоме Москвы — так проще, — но проявил интерес глава Российского парламента... «Мы» — это группа весьма именитых ученых, каждый из которых представляет одно из направлений нашей науки. Вместе мы представляем команду очень сильную...

— *Там одни академики?*

— Нет, довольно много преподавателей столичных вузов. Историю и политологию курирует, к примеру, профессор Волкогинов. Биологию — бывший директор Института медико-биологических проблем Газенко... Никаких ограничений. Другое дело — что мы ищем людей, за каждым из которых должна стоять группа сильных и желающих работать учеников. Главное требование — высокий профессионализм. Программа предельно простая: объединили свои силы умные люди, видящие в таком союзе свой гражданский долг. Трудный вопрос — финансирование. Мы-то работаем совершенно бескорыстно, но, скажем, создание банка данных, большое социологическое обследование, какой-то технический эксперимент потребуют средств. На Западе — проще: там — меценатство, десятки богатых фондов. Нам пока придется просить деньги у государства. Это унижительно, это ставит нас в известную зависимость. И пока мы не перешли к рынку, а значит, пока у нас нет фондов, способных нас содержать и даже заинтересованных в этой деятельности — ведь их при этом не облагают налогами! — большинство намеченных нами вопросов останутся нерешенными...

Главное же — что мы ставим все эти вопросы комплексно.

Мы намечаем не план, не программу. — но принципы развития, скажем, того же Московского Мегалополиса. Советский чиновник просто не способен на такое видение. Он нужен постольку, поскольку в его руках информация; но едва где-то что-то прорвало или загорелось — туда бросаются все средства и силы, между тем как это, может, и не столь важно, а важно совсем-совсем другое...

Они идут по дороге — все прямо, прямо... вдруг — перед носом ветка! Они взяли и отвели ее в сторону. А может, надо было сделать шаг в сторону, чтобы обойти дерево с этой, мешающей тебе веткой?

Руководители масс медиа в очередной раз поменялись местами. Леонид Кравченко, оставив пост генерального директора ТАСС, сел в кресло председателя Гостелерадио, прежний обладатель которого, Михаил Ненашев, вернулся к обязанностям, однажды им уже исполнявшимся, — председателя Госкомитета по печати. Все это, конечно, напоминает ту крыловскую басню, где тоже очень большое значение придавалось тому, кто на каком месте сидит.

А С ДРУГОЙ СТОРОНЫ...

Прежде всего рокировка председателей оставила впечатление пожарной меры. Еще накануне хозяин Останкино провел пресс-конференцию для журналистов о том, как он собирается реформировать телевидение. Монолог носил эпический характер. Было видно, что председатель высказывает основательно выношенные идеи. И не было видно хотя бы малейшего признака, указывавшего на нестабильность должностного положения человека, столь детально планирующего развитие вверенного ему ведомства.

И буквально через день — указ с ясного неба. И даже два указа. Один — о Кравченко Л.П. Другой — о Ненашеве М.Ф.

Кроме того, эта административная передвижка показалась мне неделикатной, особенно по отношению к Михаилу Федоровичу Ненашеву. Он два года вникал в тонкости телевизионной коммуникации и подробности огромного хозяйства, научился отличать вербальный абзац от визуального сюжета, подобрал «под себя» кадры ключевых руководителей, сманивая их главным образом из Госкомпечати, наконец, выработал проект реорганизации эфира, обнародовал его... И тут ему указание свыше: «Это службишка — не служба, служба будет впереди». И следует задание: «Поди туда, откуда пришел, и сочини прожект, но уже не за два года, а за пару недель».

Но как поется в известном шлягере: «Возвращаться — плохая примета».

Она, кстати, имеет отношение и к Л.П. Кравченко, который не далее как два года назад покинул Гостелерадио в звании первого зампреда оногo.

Когда я говорю о неделикатности, вызванной указами, то невольно исхожу из того, что и для Ненашева, и для Кравченко человеческое достоинство имеет определенный приоритет перед достоинством номенклатурным. Но не исключено, что это мой домysel. И даже скорее всего — домysel. Потому что в противном случае чиновник, даже очень высокого ранга, не может позволить относиться к себе,

как к шахматной фигуре, которую можно слабым мановением руки передвигать с одной клетки административной доски на другую.

В противном случае он, оказавшись неудобным на занимаемом высоком месте, вежливо просится в отставку.

Здесь, насколько я понимаю, срабатывает рефлекс «верного солдата партии». Партий, мол, виднее. Куда, мол, она меня определит, там и буду вникать в подробности.

Но дело не только в партийно-государственной психологии, но и в государственно-партийной политике.

Не столь уж и трудно прочитать потаенный смысл кадровой пертурбации в масс медиа. В ситуации, когда все командно-административные структуры теряют контроль над своими подмандатными территориями, самая главная из них — партийно-государственная — делает отчаянные усилия удержать при себе важнейшие из средств коммуникации — телевидение и прессу.

Оттого такая забота.

В третьем пункте Указа, посвященного Ненашеву, сказано о необходимости такой реорганизации государственных структур печати и информации, которая позволила бы обеспечить им и «государственную поддержку, экономическую и правовую защиту».

Это очень правильно, потому что в условиях действующего Закона «О печати и других средствах массовой информации», а также движущегося рынка партийно-государственные издания окажутся неконкурентоспособными. Потому и понадобится им специальная экономическая и правовая защита помимо той, что гарантирует Закон.

Что касается телевидения и радио, то здесь еще нет Закона. Здесь он на стадии разработки. Здесь не столь остро стоит вопрос о монополизации Системы, вообще не стоит вопрос о разгосударствлении эфира. И потому в Указе имени Кравченко направление реорганизации ведомства носит уже не столь определенный характер. Ни слова о рыночных отношениях, правовой и экономической защите, о государственной поддержке. Зато сказано о необходимости повышения «творческого начала».

Здесь цели преобразований можно пока не конкретизировать. Здесь вся надежда на «верного солдата партии» Кравченко Л.П., который себя столь удачно зарекомендовал на посту генерального директора ТАСС — одной из тех государственных структур, что верой и правдой продолжает служить узкопартийным интересам.

И, кроме того, надо иметь в виду, что ТАСС — сам по себе великая школа для функционеров высокой квалификации. Пройдя огонь, воду, медные трубы, надо обязательно пройти и ТАСС.

Через ТАСС прошел в свое время Леонид Замятин. Из ТАСС в Гостелерадио пришел Сергей Лапин.

Очень много дурных предзнаменований в судьбе отечественного ЦТ.

К сожалению, у нас уже почти не осталось незаменимых людей.

Но — все еще есть незаменимые функционеры.

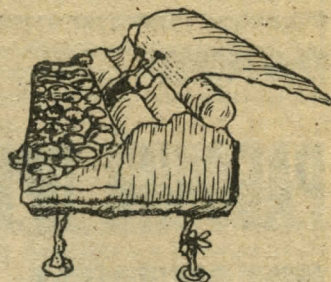
Л.П. Кравченко — из их числа.

А с другой стороны, разве дело в нем? Дело-то совсем простое. Дело в том, что сегодня нет более пожарной задачи, чем превратить командно-административную систему по содержанию в демократическую по форме.

Эту-то задачу и постараются решить в двухнедельный срок новоназначенные председатели.

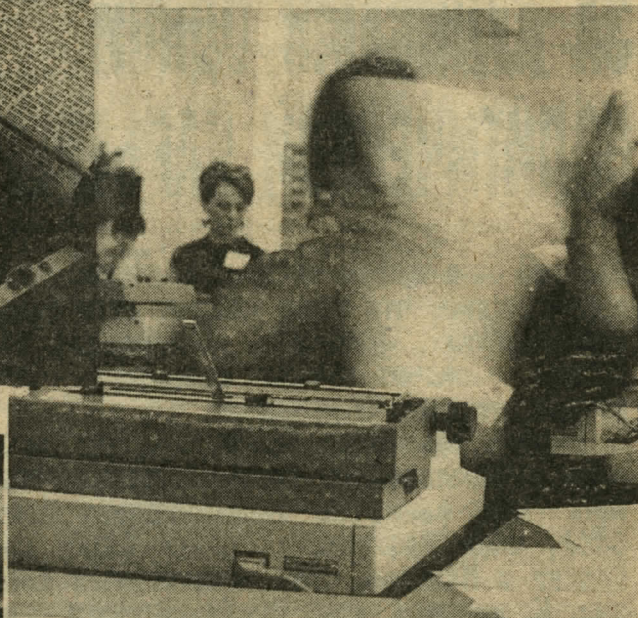

1-й ОТКРЫТЫЙ МОСКОВСКИЙ КОНКУРС МАШИНИСТОК

Устроитель — «Столица»

Фото Ю. Штукина

На первом туре конкурса, где участники соревновались в скорости письма, уже произошла сенсация: машинистка, которая выступала под девизом «Аэлига», в своем классе механических пишущих машин осталась без соперников. Она показала высшую скорость — 373 удара в минуту. Как бы теперь она ни провела второй тур (на точность письма), она уже стала беспорной чемпионкой Москвы.

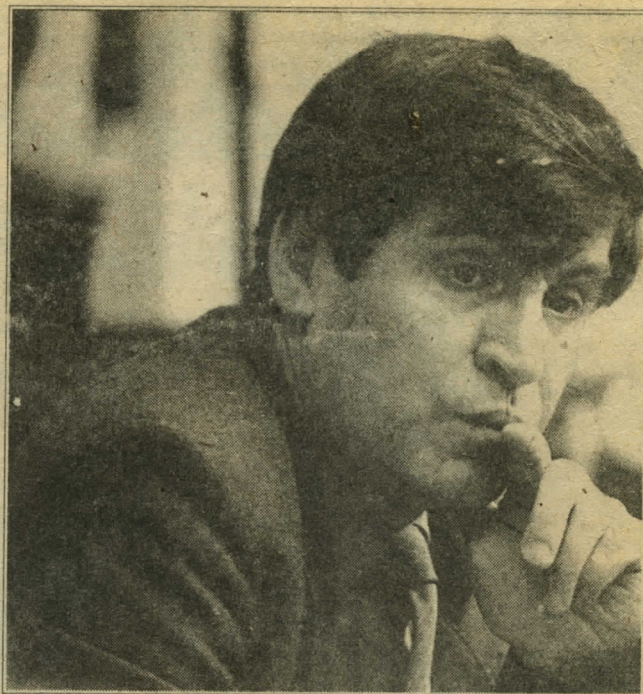
Однако «Атей», выступавшая в классе электрических машин, сделала 419 ударов в минуту и заняла среди своих первое место, «Антуанетта» же на электронной пишущей машинке достигла рекорда — 465 ударов в минуту. На втором туре, до которого из 49 женщин и 1 мужчины дошли 17 женщин, «Атею» придется соревноваться с одиннадцатью соперницами, «Антуанетте» — с тремя.

Настоящих имен участниц и будущих победительниц пока не знают ни члены жюри (председатель Александр Загребельный), ни наш редакционный фотограф Юрий Штукин. Так что, возможно, лучшие машинистки города есть и на этих снимках. Имена победительниц будут оглашены 8 декабря...

Юрий ЛЕСУНОВ

РАБОЧИЙ ПРИ ДВОРЕ ПРЕЗИДЕНТА: ЗА КУЛИСАМИ ОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ

Мы все еще живем во власти стереотипов и иллюзий, символов и заклинаний. Мы все еще считаем, что если имярек есть номенклатурная, классовая или научная приставка («аппаратчик», «рабочий», «академик»), то она адекватна существу этой личности. Аппаратчик — значит, плохой; академик — значит, умный; а уж рабочий-то непременно свой парень, честный и демократ.

Именно приставка «рабочий», мне кажется, загипнотизировала многих нижнетагильских избирателей на прошлогодних выборах народных депутатов СССР. В течение прошлого года Вениамин Александрович Ярин «набирал» должности — народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР, сопредседатель депутатской Комиссии по делу Гдяна и Иванова, член депутатского клуба «Россия», один из соучредителей ОФТ России. И, наконец, член Президентского совета. Интересно, кем станет Ярин, когда Президентский совет будет ликвидирован?

1.

ЧТОБЫ представлять хотя бы приблизительно фундаментальные пружины «феномена Ярина», нужно достаточно четко знать социально-психологическую структуру так называемого советского рабочего класса. Ибо до сих пор у нас, с легкой руки официальных обществоведов и идеологов КПСС, живет и здравствует крайне умузрительное и искаженное представление о «хозяине» Страны Советов: он-де передовой носитель самых передовых взглядов, он-де монолитный и самый политически грамотный и т.д.

Но вот драматическая ситуация — забастовали шахтеры, а металлург Ярин уговаривает их по Центральному телевидению возвратиться на рабочие места, дабы не остановить свою столь зловредно чадающую металлургическую отрасль... Где тут, спрашивается, монолитность? А есть ситуация и комическая: перед отъездом на I Съезд народных депутатов Ярин собирает подписи против утверждения министром металлургии Колпакова, а через несколько месяцев Ярин, уже в качестве члена ВС, произносит проникновенный панегирик прямо в глаза названному министру и призывает своих коллег утвердить пресловутого руководителя.

Какая непоследовательность! — воскликнет неискушенный. Смее уверить — очень завидная последовательность и в поступках, и во взглядах нашего героя, потому что ему всегда была присуща черта, отличавшая некоторых представителей передового класса. Назовем эту черту мягко — гибкостью.

Дело в том, что во время оно, прозванное нынче застойным, формирование, структурирование нашего авангардного класса шло вроде бы в двух взаимоисключающих направлениях: с одной стороны, маргиналы, люмпенизированные довольно многочисленные группы сезонников, вахтовиков, а с другой стороны, «аристократы» — передовики, герои, наполнявшие ряды безмолвствующих президиумов, Верховных Советов. Однако эти крайности были двумя сторонами одной медали под названием «отчуждение», так как и те и другие молчали и позволяли грабить, психологически обрабатывать огромную «середину». Они сдерживали ее ропот с обеих сторон своим рабским терпением и своим демагогическим «ДАЕШЬ!»

Одним за МОЛЧАНИЕ — прощение «социальных грехов», статус полноценного горожанина, длинные рубли; другим — ордена, медали, знаки, значки, участие в официозных ритуальных действиях, престижные рабочие места. «Середина»

же рабочего класса обычно довольствовалась водкой и сносными, по сравнению с деревенским, бытом и достатком.

Нас в данном конкретном случае интересует один отряд рабочих — его «аристократия», которая есть своего рода персонифицированная воля партийно-бюрократического аппарата и его идеологических апологетов.

Товарищ Ярин, заверяю вас со всей ответственностью человека, знающего его много лет по работе в одном цехе, как раз и относится к этой привилегированной части. То есть к той части, которая по своему психологическому характеру никогда и ни в чем не противоречила представителям административной системы, а даже наоборот — всеми силами старалась как можно шире пропагандировать и методы, и приемы ее специфической социальной политики.

Итак, «рабочая аристократия» СССР на протяжении десятилетий селекционировалась советским «абстрактным капиталистом» (термин Маркса) по таким социопсихологическим и нравственным (вернее — безнравственным) критериям: не сомневаться в правильности высших указаний, активно внедрять их в умы остальной «серой» массы, жить теми же мыслями, что и Отцы государства, и, разумеется, бдительно и непримиримо во всем и всегда выявлять «чужих». Особенно глубоко подобное сознание засело в мозги многомиллионной и малограмотной массы низкоквалифицированных рабочих. Им, этим сознанием, сейчас довольно успешно манипулируют «аристократы» от рабочих и все те, чье кресло закачалось вместе с партийными небоскребами.

Наиболее талантливым, а значит, и наиболее опасным представителем сплошной массы консерваторов я считаю Ярина. В нем, как ни в ком другом, слились прекрасный актерский дар, политическая беспринципность, повышенная эмоциональность, великолепная интуиция на конъюнктуру и достаточная некомпетентность, чтобы во всех областях знания не сомневаться в собственной правоте.

Но кто попал под чары Ярина? Это, прежде всего, около 40 процентов общей численности рабочих, занятых на тяжелых и неквалифицированных работах, которые объективно против уже наступающих экономических ломов. Ведь в результате они окажутся просто выброшены за ворота бывших госпредприятий. Это — миллионы так называемых аппаратчиков и многие другие. Вообще все те, кто терпит экономический, социальный, политический и психологический крах.

До сих пор действия «верхов» напоминали действия безграмотного хирурга, даже приблизительно не знающего ни анатомии, ни физиологии столь тяжело больного социального организма. В результате хлещет кровь, теряются силы, а «хирург» на ходу читает учебник...

Законы, спускаемые Верховным Советом, как бы зависают в воздухе, время уходит, а тут надвигается еще одна кардинальная и непредсказуемая по последствиям мера — «роковое» внедрение рынка. Необдуманно, умозрительными действиями сами провоцируем общество на раскол. И несмотря на крайне грозные сигналы из «рабочих глубин», поступившие «наверх» в виде шахтерских забастовок, до сих пор на самом деле никто не считается с движением рабочих. А не считаться с ним, все равно что строить склад боеприпасов у кратера вулкана.

Рабочее движение в СССР, на мой взгляд, является теперь наиболее действенной и мощной силой, способной вырвать все социальные слои из затянувшегося периода безграмотных и противоречивых реформ на качественно иной уровень развития всех общественных процессов, но, с другой стороны, способной и перетянуть общество в бездну тоталитаризма. Следовательно, первой же обязанностью честных и мыслящих людей является доведение до наиболее грамотных, инициативных рабочих всей болезненности, мучительности и неотвратимости экономических и политических перемен. Рабочие должны сознавать, что они объединяются не во имя утопической социальной справедливости, не во имя мифологической диктатуры пролетариата, а во имя того, чтобы стать

реальными и равноправными хозяевами средств производства в виде совладельцев акций своих предприятий, в форме их соуправителей.

И если рабочий хочет, чтобы его планы не превратились в очередную утопию, то придется поступиться принципами соципроисхождения и другими рудиментами коммунистической морали. Иначе демагоги и невежественные авантюристы предложат модель скоротечного коммунизма, построенного «качественно и с меньшим составом».

2.

3 А ОДИН год — от «простого» кандидата в народные депутаты СССР до члена Верховного и Президентского советов!

Столь головокружительная карьера «человека труда» может быть объяснена только двумя причинами: или мы действительно дождались того времени, когда «верхи» решили слушать «низы» и ничего не предпринимать без их «веского рабочего» слова, или данная «звезда» есть одна из самых крупных ставок нашей политической реакции в ее судорожных попытках модернизировать и вновь вернуть в страну, под новым флагом и диктатором, тоталитаризм имперских масштабов? Не хочу в данном вопросе навязывать своего мнения, а предлагаю читателю лишь ряд характерных высказываний В. А. Ярина, сделанных им в период «могучего взлета».

Лето 1988 года, Вениамин Александрович уже «вошел в историю». Хор журналистов подхватил его громкие, и в общем-то бессодержательные, слова, брошенные с трибуны XIX Всесоюзной партконференции прямо в лицо Генсеку: «Так... дальше работать нельзя!»... И далее уже по хорошо отработанной методике: встречи, заседания, «должность» секретаря цехового партбюро и не менее громкие, очень гневные слова с трибуны областной партконференции в адрес только что очнувшейся от «телефонного права» нижнетагильской прокуратуры: «С подачи прокуратуры города сделана попытка судить ряд руководителей-коммунистов, якобы виновных в нынешнем состоянии экологии города. Разве можно сегодня судилищами решить проблему, которая созрела десятилетиями? Конечно, нет... Это не перестройка. И на этом мы себе авторитета не заработаем» (многотиражная газета «Тагильский металлург». 29.12.89). Хочу сделать одно примечание: в начале 1988 г. активисты общества «Очищение» буквально подняли тагильчан на экологические митинги; один из них, несанкционированный, был разогнан. В разгоне этого митинга участвовал и В. А. Ярин, тогда еще председатель цехового СТК, член парткома Нижнетагильского металлургического комбината. Именно он и ему подобные «активисты» устроили пикеты на площади около управления комбината, куда собрались обеспокоенные мамы со своими детьми, дабы узнать у местной администрации, когда она прекратит отравлять их детей?

Но наступает 1989 год, и т. Ярин со всей присущей ему энергией включается в предвыборную борьбу. Скажу прямо — конкуренты у него были сильные, но неотразимая приставка «рабочий», да еще увлекательная программа, да еще проникновенные беседы с самыми ущемленными жителями нашего города сделали свое дело...

Вот узловые моменты из его предвыборной программы: «Я — за социальную справедливость!» «Буду и впредь поддерживать курс партии на перестройку», «Буду добиваться проведения всенародных референдумов...»

«В области экологии основополагающим считаю реконструкцию экологически неблагоприятных... производств. Вывод из эксплуатации неблагоприятных в экологическом отношении производств, не подлежащих реконструкции... Внедрение экологически чистых технологий».

«Включение в уголовное законодательство мер ответственности за экологические преступления...»

«В решении продовольственной программы вижу свою

задачу в том, чтобы способствовать развитию взаимовыгодных договоров содружества между предприятиями и организациями...»

«В решении жилищной проблемы... под особый контроль возмю выполнение программы сноса ветхого жилья».

«...Охрана материнства и детства... Считаю необходимым исключить использование женского труда на вредных участках производства...»

Вы чувствуете, каков напор? Какой пакет прекрасных обещаний! Всем сестрам по серьгам, ни одного униженного, обиженного и оскорбленного не останется в городе — исчезнут бараки, пропадет в небе дымный шлейф, прогнутся от товаров прилавки, зарезвятся на чистой, зеленой траве упитанные, розовощекие малыши под присмотром освобожденных от вредных работ мамаш!

А вот и «гвоздь» всей программы, ее завершающий аккорд:

«...Будучи народным депутатом СССР, сделаю все для того, чтобы наш город посетили М. С. Горбачев и Н. И. Рыжков. Они должны лично увидеть, в каких условиях живут и трудятся жители Тагила и пригородного района». (Программа т. Ярина опубликована в газете «Тагильский металлург» 28.02.89.)

Простые, доступные всем людям труда слова, цели и обещания. Можно ли было проголосовать против такого кандидата, человека из народной гущи? И мы доверили ему право от нашего имени вершить наши судьбы...

3.

ПРОЛЕТЕЛО всего несколько месяцев после предвыборной кампании, а позади уже кровь и отчаяние в Средней Азии и Закавказье, гроза шахтерских забастовок... А позади — размежевание депутатского корпуса, объединения и разъединения депутатов по этническому, интеллектуальным, мировоззренческим и концептуальным позициям. Все ясней, все отчетливей становится «политическое лицо» практически каждого депутата. Позади создание МДГ и учреждение ОФТ. Так где же оказался наш герой?

Вениамин Александрович оказался в «одной упряжке» с выпавшими из летаргии боссами «карманных» профсоюзов, с певцами и творцами теории «развитого социализма», с посредственными писателями — славными «гомерами» застойного периода, с просто невежественными авторитетами, живущими на свете лишь за счет комплексов собственной неполноценности...

Начало сентября 1989 года. Город Свердловск. Учредительный съезд Объединенного фронта трудящихся России. Одним из содокладчиков значится простой советский труженик, профессор МГУ Ричард Иванович Косолапов, бывший главный редактор журнала «Коммунист», один из главных апологетов «развитого социализма». Тема его содоклада весьма показательна, если не анекдотична: «Об упрочении власти трудящихся». В частности, Ричард Иванович сказал: «О Советях говорится в абстрактном смысле, без ответа на вопрос — «А в каком составе?» Рабочий класс царской России, составляющий одну десятую часть населения страны, взял власть. Сейчас его 60 миллионов, а он рообет».

К чему же призывал наш радатель трудящегося класса?

Да неужели к диктатуре пролетариата? Да неужто он так искренне волнуется за бесправное положение рабочих? Ой, не верю я Ричарду Ивановичу, потому что всего каких-то 10 лет назад этот трудящийся ученый писал, что «советское общество — это прежде всего общество бескризисной экономики, зрелых социальных отношений, подлинной свободы». А сам «рабочий класс держит в руках могучую современную индустрию... а тем самым благосостояние общества в целом». (Слова содоклада взяты из газеты «Уральский рабочий» от 13.09.89 г., остальное из монографии Р. И. Косолапова «Социализм. К вопросам теории». М., 1979.)

Общими усилиями отставных идеологов, профсоюзных боссов и других «людей труда» была создана и резолюция ОФТ, одним из основных пунктов которой является призыв к обездоленным трудящимся: «Мы, трудящиеся, должны самоорганизоваться и поставить под контроль деятельность всех тех органов и учреждений, которые нам, трудящимся, приходится содержать...» («Уральский рабочий». 13.09.89). Не правда ли, знакома формулировка? Не напоминает ли она те времена, когда под контроль попали и мысли, и чувства, и литература, и кино, и даже вопросы языкознания? Однотипные цели одиозной организации.

И если один из ее сопредседателей, В. А. Ярин, считает, что «цель ОФТ — не воевать, а вернуть человека труда к нормальной политической деятельности», то ряд других депутатов придерживается иных взглядов на эту организацию. Народный депутат свердловчанин Захаров: «Я считаю, что это — искусственно созданная организация. Это — прием: вспоминать об особом мнении рабочих, когда это кому-то нужно в определенный момент» (свердловская областная газета «На смену». 14.11.89). Народный депутат директор Бутовского комбината М. Бочаров: «...ОФТ не такое уж «невинное дитя», политику проводит далеко не детскую. Я же был... на съезде в Свердловске, где одобрялись выборы по производственным округам, выдвигались требования рабочего контроля над всем и вся, делались попытки противопоставить рабочего интеллигенции, поддерживать формирование рабочих отрядов — позиция весьма консервативная». Для того чтобы «фундамент» этого могучего фронта всплыл на поверхность, приведу вам некоторые высказывания т. Ярина, прозвучавшие на встрече с избирателями в Нижнем Тагиле. У себя дома народный избранник был более откровенен и решителен в своих пристрастиях. По поводу отношения «человека труда» к интеллигенции: «Я бы хотел судить живых, спросить, кто под предлогом неперспективных уничтожил тысячи российских деревень, кто в свое время служил и Брежневу, и Хрущеву, а сейчас каждый день выходит к микрофону и забалтывает любой вопрос. Я имею в виду Бурлацкого». (Ну почему В. Я. не называет фамилии настоящих придворных летописцев: Р. Косолапова, В. Афанасьева? Видимо, потому, что они его духовные наставники?)

Но читаем далее: «...такая вещь — из всех ученых, которые должны сегодня работать на общество, на самом деле на общество работает только 15 процентов, а остальные 85 пишут ненужные народу... трактаты и докторские диссертации. Юрий Афанасьев написал историю французской революции. Мало было историй французской революции — еще одной явно недоставало!.. Ученые получают материальные блага... когда мы потребоvalи прекратить подобное безобразие, весь этот клан ошетинился... До того уж мышление определенного клана сложилось таким образом, что можно жить за счет нас с вами».

Значит так, отставные жрецы, воспитатели «человека труда» какими-то неведомыми нормальным людям способами сосчитали точный и понятный «процент» друзей и врагов народа из интеллигенции. По этому принципу процентного отсева были в свое время уничтожены морганисты-менделисты, продажные кибернетики и оставлены истинные «слуги» человека труда — Лысенко, Лепешинская, Митин, которые обещали чудеса в решете если не завтра, то послезавтра. И откуда знать нашему некомпетентному герою, что такие же чудеса в решете обещают ему и «фронтальные» экономисты Сергеев и Якушев, и певец религиозной нравственности М. Антонов, и публицист Салудский, и т. п. Вениамин Александрович и верит-то им потому, что слова их ясны и доходчивы; потому что они своими немудреными теориями простые вещи говорят: вон сколько историков, отними у них степени, оклады, машины, дачи, отправь в деревню переводисты, тываться — завтра с мясом будешь. Ведь так просто все: одних — к стенке, других — в лагерь, третьих — в деревню, а главное — чтоб порядок был под «неуспешным контролем

человека труда».

И Сталину хотелось все попроще и побыстрее, и Хрущеву коммунизм посчитали через 20 лет простым сложением тонн с километрами, «вчера» с «завтра», и Брежневу очень доходчиво объяснили, что «афганских бандитов» можно побить одним махом. Слишком сложно настоящую науку постигать, полегче чего-нибудь да поприбыльней!

А только пожелай — вмиг соберутся и начнут подсказывать, как поскорей возродить многострадальную Россию-матушку, и начнут нашептывать об истинных врагах Отчизны... А назавтра уже звучат чеканные фразы прилежного ученика: «...нас в России никто не защитит, если мы не покажем свою силу...»; «Мы скоро опубликуем, кто в тридцатые годы расстреливал наших отцов с указанием должности, национальности и классовой принадлежности...»; «Не матросы, а определенный клан убивал свой народ...»

Однако вопрос: да кто же это «мы», которые «опубликуем»? Обычно фамилии участников «клана» с указанием национальностей публикуют два патриотических органа —

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Не так-то много времени прошло с тех пор, как была написана статья бывшим коллегой Вениамина Ярина Юрием Лесуновым. Но судьба главного ее героя за этот срок успела измениться настолько, что не сказать пару слов по этому поводу стало просто невозможно.

Не стану спорить с выводами автора, хотя они, на мой взгляд, несколько резковаты. Лучше обратимся к фактам. Вот выписка из постановления Координационного совета ОФТ РСФСР:

«В связи с тем, что сопредседатель Координационного совета ОФТ РСФСР Ярин В. А. самоустранился от работы, фактически предал интересы рабочего движения, стал символом «рабочей аристократии», высказывается за роспуск Объединенного фронта трудящихся, расширенный Координационный совет ОФТ РСФСР постановляет:

1. Признать, что своей соглашательской деятельностью, объективно направленной против сплочения рабочего класса в борьбе за политическую и экономическую власть трудящихся, В.А. Ярин поставил себя вне ОФТ.

2. Рекомендовать 3-му съезду ОФТ РСФСР вывести В.А. Ярина из состава Координационного совета и исключить из ОФТ».

«Фронтвики» несколько не клеветают на своего теперь уже бывшего сопредседателя. Ярин действительно изменился. Прийдя, по его собственному признанию, в Московскую школу политической деятельности, он многое понял, осознал. Говорят, теперь Ярин проникся идеей рынка и стал активно поддерживать в Президентском совете академика Шаталина. Президент же перестал видеть в нем представителя рабочего класса и предпочитает слушать «глас народный» из уст небезызвестного депутата Сухова. Так что «демократы-рыночники» обогатились еще одним сторонником, а «объединенные трудящиеся» потеряли одного из своих ярких лидеров.

Правда, насчет того, что Ярин «стал символом рабочей аристократии», я бы с ОФТ не согласился. Пока его сажали в президиумы, пока он получал грамоты и премии, пока создавал ОФТ, он как раз и был тем самым «аристократом». А вот сейчас быть им как раз перестал. Кто он сейчас? Не могу сказать. Трудно подобрать слово. Что же до аристократов, то именно они рука об руку с нежелательными делают вид «перестройщиков» аппаратчиками и возглавляют этот люмпен-фронт.

Глупо пенять человеку за то, что сознание его со временем меняется. В глубине души это каждый понимает. Хотя среди коллег-журналистов, желающих покопаться в «коммунистическом прошлом», упрекнуть в былом конформизме нынешних «прорабов перестройки» почему-то не убавляется. Впрочем, это уже мало на кого действует. Что ни говори, а «разнузданная гласность» все-таки стимулировала мыслительный процесс в головах людей.

«Молодая гвардия» и «Наш современник». Выходит, Вениамин Александрович проникся их великоросскими идеями об опасности всемирного жидомасонства? Да, т. Ярин публично заявил на указанной встрече, что спонсорами депутатского клуба «Россия», сопредседателем которого он опять же числится, являются именно эти истинно русские органы плюс «Советская Россия». (Все высказывания депутата Ярина приведены из газеты ПО «Уралхимпласт» «Химик». 18.11.89).

Что ж, все до ужаса банально: от активиста-рабочего до всесоюзного, самоотверженного защитника «человека труда», от происков ученых-захребетников до членов таинственного клана с сомнительной национальностью. А в недалеком будущем возможен единственный лидер той мощной толпы голодных, агрессивных, невежественных, объединенных стремлением к нищему равенству нашему и, главное, к порядку — так любимому доброму старому времени социальной безответственности и разнузданной лжи. Лидер ответит за всех и за все. Он будет точно знать, сколько нужно крестьян и сколько рабочих. Что нужно для счастья «человеку труда».

Изменился и Вениамин Александрович. Не будем корить его за это. Хотя тут, кажется, случай особый. Не больше чем за год Ярин проделал такой путь справа налево (или слева направо — как угодно), какого не пройти никакому Ельцину за всю его жизнь. Очевидно, это то самое «ускорение», о котором сейчас все забыли. Но ведь не бывает, чтобы так скоро человек развернулся в своем мировоззрении на 180 градусов. Даже с учетом «ускорения». Или бывает? Мне кажется, что этому «феномену» возможны два объяснения. Первое высказал уже Ю. Лесунов, говоря о «гибкости», основанной на беспринципности. Честно говоря, меня это не очень убеждает. Не имея за плечами опыта многолетнего знакомства с Яриным, рискну все-таки предположить, что Вениамин Александрович был совершенно искренен в своих мыслях и поступках и два года назад, когда шел к своему депутатству, и год назад, когда на всю страну гремело его «веское рабочее слово», и сейчас, когда он предлагает посадить депутатов на баржу и свозить в Турцию на денек, чтобы те посмотрели, как надо жить. В этой связи сравнение Ярина с чеховской Душечкой кажется вполне уместным.

Вениамин Александрович обладает массой достоинств и талантов. Это уже подчеркнул автор статьи.

Но нет, к сожалению, среди них ни фундаментальных знаний, ни четких убеждений.

Всего удивительней в этой истории не скорость метаморфозы, случившейся с Яриным, а то, что она произошла с человеком в одном, так сказать, кресле. Вернее, кресел много, но все они как бы предназначены специально для посланца рабочих Вениамина Александровича Ярина, независимо от того, каких взглядов он придерживается. Ввел, скажем, Михаил Сергеевич в свой совет Ярина — создателя ОФТ, глядь, а на его месте сидит рыночник, но тоже Ярин. И ничего.

Итак, «демократы-рыночники» получили в Президентском совете еще одного сторонника. Но я бы не стал радоваться: неизвестно, что он завтра учудит. Опять же совершенно искренне.

Ярин так и не стал сколько-нибудь серьезным политиком. И, видимо, не станет. Понимает ли он это сам? Трудно сказать. Если понимает и есть в нем совесть и самоуважение, должен уйти.

Вспоминая недавно перемещения в Президентском совете, а также разговоры о его ликвидации, я подумал, а почему бы Вениамину Александровичу не попроситься куда-нибудь посланником? Например, на остров Свободы. Если уж кто и сможет повернуть пламенного лидера кубинской ревлюции лицом к нашей перестройке, так это такой человек, как Ярин. Мне почему-то кажется, что он справится.

Алексей ЗУЙЧЕНКО

ВАША РЕКЛАМА — НА НАШИХ СТРАНИЦАХ

телефон 928-83-40

 ГОССТРАХ СССР

Если у Вашего предприятия возникла потребность в получении кредита, Управление Госстраха по г. Москве предлагает Вам новый вид страхования — страхование ответственности заемщиков за непогашение кредитов. Заключив данный договор страхования, Вы обретете делового партнера, который разделит с Вами ответственность перед банком и обеспечит защиту в Вашей финансовой деятельности.

тел. Управления Госстраха
по г. Москве: 229-38-40
229-51-01

FUTURE
technologie

**ТЕХНОЛОГИИ
БУДУЩЕГО**

ОТ ОТДЕЛЬНЫХ КОМПЬЮТЕРОВ
ДО СЛОЖНЫХ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

НАШИ СПЕЦИАЛИСТЫ:

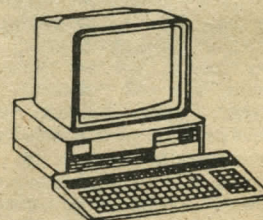
- * дипломированы ведущими фирмами — производителями компьютерных систем;
- * окажут Вам необходимые консультации по всему спектру вычислительной техники, включая локальные вычислительные сети;
- * выполняют работы по установке и тестированию оборудования на Вашем предприятии;
- * проведут обучение Ваших специалистов;

Реальные цены. Высокое качество.
Фирма — производитель. ГАРАНТИЯ 2 ГОДА.
Сервисное обслуживание за советские рубли.

Приобретая наше оборудование, Вы имеете возможность поставить на сервисное обслуживание уже имеющуюся у Вас технику.

**FUTURE
TECHNOLOGIE — Ваш уверенный шаг в будущее!
INTERNATIONAL**

Наш адрес: 125252, г. Москва, Чапаевский пер., 14.
Телефоны: 157-06-72, 157-05-37
Факс: 157 05 37
Телекс: 121183 FTI SU

Валентин ОСКОЦКИЙ

ДЖЕК-ПОТРОШИТЕЛЬ ВЫХОДИТ НА СЛЕД?.. (СУБЪЕКТИВНАЯ ВЕРСИЯ ИСТИННОГО ПРОИСШЕСТВИЯ)

РАЗНЫЕ случаются зарубежные поездки. Некоторые бледнеют, тускнеют едва ли не по приземлении в Шереметьево и вспоминают лишь тогда, когда в очередной раз предстоит заполнить анкету, неведь для чего — а вам-то какое дело? — вопрошающую о национальности и партийности, а также «были ли за границей, где, когда, с какой целью?». Другие долго — месяцы, а то и годы — вылеживают в закромах памяти, прежде чем отзвучат в слове изреченном или напечатанном. О третьих спешить написать незамедлительно, по неостывшему следу наблюдений и впечатлений.

Недавняя югославская — из числа последних. О ней начал набрасывать уже в самолете Белград — Москва и закончил в день возвращения домой, боясь отложить на завтра: обступят, навалятся дела, скопившиеся за поездку, и не оставят времени рассказать, что и как приключилось со мной в Дубровнике.

Сразу оговариваюсь: причиной тому — не югославские хозяева, у которых собственных неотложных проблем невпроворот. В нынешней ситуации, непростой экономически и куда как напряженной политически, они сделали если не все, то многое для того, чтобы ничем не омрачить наше пребывание в их стране. И если оно все-таки омрачилось беспрецедентным для меня оскорблением моего человеческого и гражданского достоинства, то виной тому мои дорогие соотечественники. Из тех, что падают нас, не спросив согласия. О них и речь...

Днем была прогулка на катере — до острова Локуд и обратно в Дубровник. Возвратились к ужину. Подустав с дороги, засиделись в ресторане отеля да еще остались послушать виртуоза-музыканта, игравшего на открытой площадке ресторанного зала. В номер мы с женой вернулись в перерыве его концертной программы.

Привычно повернув ключ в замочной скважине, толкнул дверь, но она, к удивлению, не открылась: что-то ее припирало. Пришлось приналечь с силой и вместе с дверью отодвигать, как обнаружилось, кресло, приставленное изнутри. «Черт-те что!» — мелькнуло поначалу. И еще раз помянул черта все, когда, не отдавая еще отчета в происходящем, шагнул в номер и все в нем застал перевернутым вверх дном: постели разворочены, чемоданы вынуты из шкафа, а содержимое их вывалено частью на кровать, частью на пол.

Первая мысль — запоздалый укор себе за беспечность. Надо же было оставить окно открытым! Ведь оно выходило на крышу ресторана, и человеку ловкому шагнуть в комнату труда бы не составило. К тому же вдоль всего этажа тянулся поясом каменный выступ-карниз шириной в полметра: при желании и по нему легко пройти из номера в номер, не выходя в коридор.

Все оказалось, однако, не так, как подумалось. Наводя порядок в комнате, я тут же убедился: нас не обокрали. Все вещи —

вплоть до денег и паспортов — были целы, хотя и валялись по всему номеру.

Да, явно не кража была целью незваного визитера. То, что произошло за полчаса нашего отсутствия, было, выражаясь юридически, обыском, а на лагерном просторечии — шмоном. В наших вещах что-то искали, ни один закрытый предмет не остался обойденным пристрастным вниманием. Даже коробка с московским (по кооперативной цене) мармеладом лежала раскрытой. Как и футляры с косметическим набором жены, моим бритвенным набором или набором для чистки обуви.

Кто же и что искал, но не нашел в номере? Дежурный администратор в ответ на мой и нашей переводчицы запрос проявил редкостное спокойствие. Удовлетворенно узнав, что ничего у меня и жены не пропало, заявил решительно: оснований для вмешательства не находит. Ваши, дескать, заботы, сами и расхлебывайте.

Что же, последую совету, благо заботы и впрямь специфически нашенькие. И потому, выстраивая субъективную версию объективно случившегося, не стану пенять на недружелюбные происки космических пришельцев.

Начну с того, что состав нашей туристской группы, сформированной Московским отделением Союза писателей РСФСР, был крайне пестрым. Из 28 человек каждый четвертый не имел к литературе абсолютно никакого, хотя бы формального, отношения. Но даже среди них, «инородцев», выделявшихся не без демонстративного вызова писателям, особое внимание на себя обращали двое: уровнем культуры, стилем поведения. Назвались кооператорами по производству и сбыту детского ширпотреба. Однако никто в группе не сомневался, что к кооперации они имели отношение ничуть не большее, чем к литературе, и представляли совсем другое ведомство.

Скажите на милость, в каком еще «кооперативе» бытует фразеология, услышанная в ответ на вопрос, знают ли они, что произошло в моем номере: «... нам уже докладывали»? И на какой другой службе, пусть даже неуклюжей шутки ради, потребуют блясти субординации друг перед другом? Как явствовало из разгоряченной спиртным дружеской перебранки, не то производитель пеленок отставал

старшинство перед распространителем подгузников, не то последний считал себя чином по выше первого.

Но на кой ляд — спросите — сдася им я? Почему именно я? Отчасти объясню это своим членством во всесоюзном и секретарством в московском советах писательской организации «Апрель», а также членством в рабочей коллегии всесоюзного и правлении московского «Мемориала». Оба движения для охранителей сталинизма и застоя, партийной плутократии — что белмо на глазу.

Подогревало любопытство к моей персоне и такое обстоятельство: как раз в канун отъезда я давал свидетельские показания в городском народном суде по пресловутому «делу Останвили» и был буквально атакован общественными защитниками подсудимого. Не опрос, а допрос:

— С представителями каких сионистских организаций в Москве вы связаны?

— С представителями каких сионистских организаций встречались в зарубежных поездках? По-видимому, категорический отказ отвечать на подобные провокационные вопросы и деятелями «Памяти», и их адвокатами с Лубянки (как заметил в «Известиях» от 08.10.90 г. Павел Гутинтов, сам председатель КГБ вполне или невольно выступил в такой неблагоприятной роли) был воспринят как косвенное признание искомых «связей».

Возможно, наконец, что повод для мести и утешения я дал «антилубянковским» выступлением на массовом митинге, который состоялся 15 июля на Манежной площади...

Допускаю, предвижу яростное, вплоть до обвинения в клевете, опровержение изложенной версии. Вполне может быть, что для этого задействуют и обоих «кооператоров», которых, разумеется, знаю, но умышленно сейчас не называю.

Но и в таком случае я бы продолжал настаивать на своем. По крайней мере до тех пор, пока не узнаю наверняка: как попали «кооператоры» в нашу якобы специализированную туристскую группу? И за какие такие заслуги перед отечественной словесностью участвовали в поездке, в которой руководство Московской писательской организации отказало нескольким своим членам?

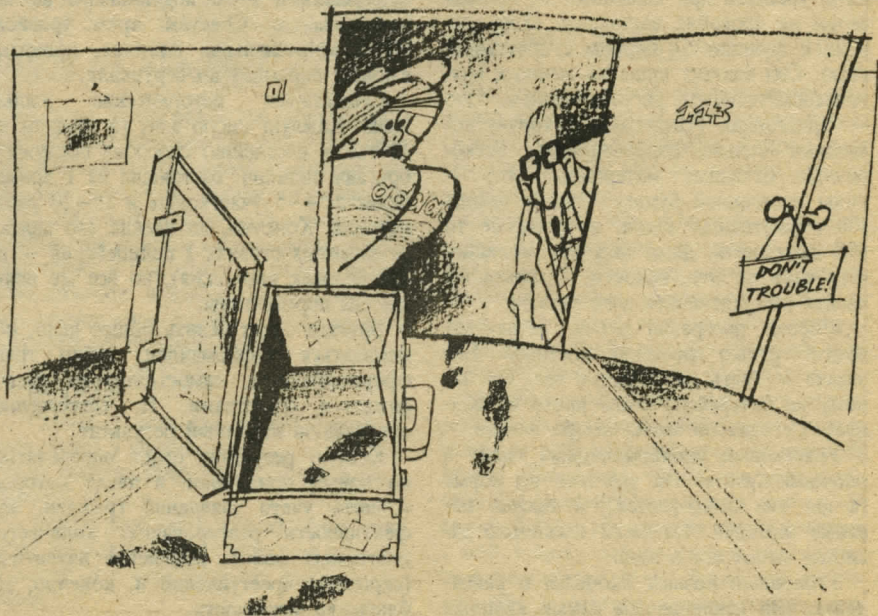

Рис. К. Валова.

«ПРОЙДЕМТЕ, СЭ-Э-Р...»

— Возможно, услышите вы от российского полицмена, прежде чем окажетесь в участке

РАЗЛИЧИЯ НАЧИНАЮТСЯ УЖЕ С НАЗВАНИЙ ПРОЕКТОВ ДВУХ АНАЛОГИЧНЫХ ЗАКОНОВ. СОЮЗНЫЙ ЗВУЧИТ ТАК: «ЗАКОН О СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ». РОССИЙСКИЙ — «ЗАКОН О ПОЛИЦИИ». НЕУЖЕЛИ ЭТО СТОЛЬ ВАЖНО?

— Да, — считает авторский коллектив российского проекта. — Пора, наконец, договориться и о терминах.

«Милиция» в переводе с латинского — «войско», народное ополчение специального назначения. «Полиция» же — особые административные органы, располагающие вооруженными отрядами, задачами которых является поддержание порядка, борьба с преступностью и правонарушениями, защита существующего общественного и государственного строя (см.: Словарь иностранных слов. М., 1990).

Это означает: довольно самостоятельности и неопределенности. Прежде всего профессионализм, четкие задачи и реальные способы их выполнения. Вступили же мы в Интерпол, а им нас и понять-то порой затруднительно.

Теперь второе, пожалуй, основное различие. Союзный законопроект, оставляя милицию в централизованном подчинении мифическому государству, по существу ничего не меняет в ее структуре. То есть частности, которые, безусловно, прогрессивны, «погоды не делают», как ими ни манипулируют.

Положа руку на сердце нужно признаться: милиция при нынешней ее организации не способна выполнять своей основной функции — борьбы с преступностью. Сил хватает лишь на возню с внутриведомственным регулированием. Это — пристойная статистика, которую позволяют вольно корректировать бесконечные отказные материалы. Это — кипы исписанной бумаги. Это — свыше 300 нормативных актов, которые не то что выполнить, даже выучить милиционеру сложно. Это, наконец, — фантастическая разобоченность всех служб.

Широко расправив плечи, раздвигает воздух грудью советский постовой. Его задача — быть на улице, и все. Он никому не интересен, и его ничто не волнует. Сегодня он здесь, завтра — там.

Участковый уполномоченный сидит в опорном пункте. На его шее по норме (а где она соблюдается?) 4 тысячи местных жителей. От силы несколько десятков знают его в лицо.

Уголовный розыск окопался в райотделах. (За исключением самых крупных

городов, где есть отделения милиции.) Параллельно существует «белая кость» — ОБХСС, проявляющийся мелкими хищениями, потому что за крупные много лет били по рукам.

Следователь вообще работает по иным критериям. У него практически нет доступа к информации, львиная доля ее оседает неустребованной в недрах угро и ОБХСС.

Оперативная работа — тайна за семью печатями. Приоткрыть завесу бояться настолько, что даже самому недогадливому очевидно — не все ладно в том королевстве.

А между тем количество преступлений в РСФСР за последние 15 лет возросло более чем вдвое. Социологи подсчитали — только каждый пятый сотрудник милиции реально борется с преступниками или охраняет порядок. Так будет и впредь, если российский закон окажется столь же расплывчат, как и грядущий союзный.

Один из авторов российского проекта, кандидат юридических наук, доцент Омской высшей школы милиции ЮРИЙ ДАМОВ, убежден — нам не обойтись без трехзвенной полиции нового типа: муниципальной, территориальной и республиканской — с подчинением не исполкомам, а Советам трех уровней. Плюс криминальная полиция, пронизывающая пирамиду по вертикали.

Существуют исторические жилые зоны. Каждую такую зону (в среднем по 25 тысяч населения) способна обслужить бригада полиции, состоящая из 1 криминалиста, 4—5 участковых и 15—20 полицейских. Конечно, до идеала это далеко (в развитых странах 1 полицейский — на 250 человек населения), но все же появляются перспективы.

Бригада будет делать общее дело, обмениваться информацией, гибко трансформироваться, самостоятельно распоряжаться средствами. И, естественно, отвечать за конечный результат.

Кстати, результат будет определяться по новым принципам, в числе которых полнота учета заявлений граждан, эффективность реагирования, количество повторных жалоб, выявление латентных (скрытых) преступлений и, конечно, соблюдение законности.

Стоимость подобной бригады определяется в 150 тысяч рублей ежегодно. Эта сумма составлена из сегодняшних оценок труда всех означенных специалистов, и, следовательно, муниципальная полиция не потребует на свое содержание дополнительных расходов.

В ведении территориальной полиции окажутся учет, анализ и прогноз ситуаций, методическая и материальная помощь личному составу, координация всех служб и некоторые другие вопросы.

Республиканская полиция возьмет на себя борьбу с организованной преступностью, серьезные межрегиональные преступления, наркобизнес.

Предлагается освободить МВД РСФСР от части обременительных сегодняшних обязанностей, упразднить ряд управлений и отделов. Если Советы будут обладать реальной властью, отпадет нужда в Организационно-инспекторском управлении. При мощном Главном центре информации не понадобится содержать пресс-службы. Функции пожарной охраны вообще чужеродны для полиции. Работникам ГАИ придется снять погоню, поскольку автоинспекция преобразуется в обыкновенную дорожно-транспортную службу. А преступностью на дорогах станет заниматься дорожная полиция.

Впервые законом регламентируется разведывательно-поисковая работа, что сразу же сбрасывает с нее флер излишней таинственности и допускает контроль в разумных пределах.

Реорганизуется система обучения. Ее намечено сделать поэтапной взамен нынешней хаотичной. Предусмотрены солидные социальные гарантии полицейским, например, обязательное страхование.

Авторы российского проекта сумели разглядеть человека в нашем заинструментированном обществе. Вопрос в том, сумеет ли продаться этот прогрессивный проект сквозь тернии парламентских дебатов. Или дойдет до парламента причисленным уже «а ля Союз»?

Елена САЛИНА

ТАКИЕ МИЛЫЕ ЛЮДИ...

Статья 147 УК РСФСР

«Завладение личным имуществом граждан или приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием (мошенничество)...»

... наказывается исправительными работами до двух лет или лишением свободы от трех до десяти лет с конфискацией имущества.

Уголовный мир давным-давно поделен на куски, как рождественский пирог с яблоками. Только если расковырять его вилкой, вместо сладкой начинки в нем можно обнаружить что угодно — патологическую низость, кровожадность, страх, наглость. И все это обильно сдобрено неотъемлемой атрибутикой: кастетами, удавками, ножами, устрашающими словами и жестами. Но кусок, который мы сегодня преподносим читателю, — иного рода, хотя вырезан из того же «грустного» пирога. Мошенники, или по-блатному кидаль, составляют интеллектуальную гордость уголовщины. Об их уме и изворотливости складываются легенды, кстати, не такие уж далекие от истины. Их артистическому таланту позавидовали бы многие профессиональные актеры. А умением безошибочно «вычислить» и обработать свою жертву кидаль могли бы с успехом поделить на международном съезде психологов.

НЕИСТРЕБИМЫЕ НАПЕРСТКИ

Это самое элементарное мошенничество, стоящее на низкой ступеньке. В уголовном мире игра в 3 наперстка известна с давних пор, но размеры эпидемии приняла лишь в последние годы, когда на улицах появились толпы людей с пачками нереализованных денег.

Обычно преступная группа состоит из нескольких человек, среди которых обладает умением вовремя убрать шарик из-под наперстка лишь один. Остальные стоят на стреме и охраняют своего игрока от возможных посягательств облапошенных граждан и милиции.

Экспертиза подтвердила, что выиграть у этих авантюристов невозможно, так же как невозможно без специальных технических средств доказать примитивный обман. Впро-

чем, был один случай: сотрудники отдела по борьбе с мошенничеством произвели необычную видеосъемку процесса игры, предварительно покрыв бесцветным веществом один из наперстков. При просмотре пленки в ультрафиолетовых лучах было отлично видно, как освобождается «выигранный» наперсток от шарика и, следовательно, карман клиента от лишних сотен рублей.

Почему же наперсточники чувствуют себя столь вольготно на улицах и рынках? «Подкачала» недавно принятая статья 208¹ об организации азартных игр, под которую попал и этот «бизнес». Чтобы привлечь к уголовной ответственности по этой статье, нужно собрать целый «букет» доказательств, что сделать чрезвычайно трудно. По мнению же большинства юристов и по здравому смыслу, игра в наперстки — чистойшей воды мошенничество. Средний ежедневный улов одной «команды» — 10 тысяч, и штраф в 1000 рублей (ст. 208¹ УК РСФСР) для них, поверьте, суший пустяк. Было даже предложение от наперсточников — с каждого «стола» перечислять полтысячи в начале «рабочего» дня в любой фонд или в детские дома с предъявлением постовому квитанции об оплате. Почти благородно.

ЛОВЛЯ НА ДЕФИЦИТ

Заботливо взлеянный на отечественной почве дефицит абсолютно на все — шикарное поле деятельности для обмана страждущих купить хоть что-нибудь, начиная от чайника и кончая квартирой. «Лохов» (так называют мошенники свои жертвы) хоть отбавляй. Вся задача состоит в том, чтобы из толпы безошибочно отловить человека, отчаявшегося достать нужную вещь, и войти к нему в доверие. Начинается все со знакомства:

— Откуда родом-то?

— Из Казани...

— Слушай, я тоже там родился (служил в армии, бывал в командировке)...

«Лох» радостно улыбается, и он уже готов к решающей атаке.

— Земляк (брат, друг, кореш), какие трудности? Не можешь купить телевизор (джинсы, дубленку)? А у меня сосед как раз на складе работает...

Дальше все развивается по одному и тому же сценарию. «Земляк» с отданными ему по простоте душевной деньгами испаряется через черный ход магазина, благо тот всегда открыт, как проходной двор.

Место, где разворачивается драма, абсолютно не имеет значения. Сограждане, доведенные системой до полной невменяемости, готовы всучить первому попавшемуся «благодетелю» все деньги и терпеливо топтаться у назначенного ориентира, ожидая щедрого покровителя. Например, в ГУМе у фонтана: «Я тебя умоляю, только никуда не уходи, я вернусь через 15 минут».

Ни у кого не возникает подозрений, что смехотворная сумма сверх цены и есть одна из психологических уловок, помогающая расслабить «клиента» и окончательно сломить невбрие в сверхбыструю возможность обладать выделенным предметом.

Миллионы людей знают о подстерегающей их опасности, миллионы перед дальней поездкой тщательно прячут деньги под нижнее белье, и эти же миллионы с великим облегчением в момент расстаются со своими сбережениями.

ПОДБРОС «КУКЛЫ»

Как минимум в этой довольно распространенной афере участвуют двое, хотя преступная группировка бывает и больше. Главные роли всегда играют два человека с отменными актерскими данными.

Номер первый, или «выводной», знакомится с держателем пухлого кошелька и тактично навязывает ему поддержку в поиске дефицита. Связанные «общим» стремлением, они идут по улице. Вдруг перед ними возникает человек, из кармана которого выпадает прямо под ноги «лоху» загадочный предмет, обернутый в платочек. «Выводной» быстро поднимает сверток и буквально на секунду приоткрывает краешек платка — надо же посмотреть, что находится внутри! «Лох» видит, что там огромная пачка денег (он заметил только кусочек верхней купюры). Тут же эти «тысячи» перекочевывают к нему в сумку, затем поступает джентльменское предложение пойти в ближайший спокойный двор и поделить крупную сумму, есте-

«Ну, джентльмены, подходите поближе и смотрите на этот маленький шарик. Ведь за это с вас не требуют денег. Вот он здесь, а вот его нету. Отгадайте, где он теперь. Ловкость рук обманывает глаз».

О. Генри, из сборника «Благородный жулик».

ственно, пополам. Кто откажется от свалившихся «с неба» денег?

Но в тот момент, когда должна свершиться «делка века», внезапно появляется запыхавшийся номер второй, или по-блатному «плакальщик». Называется он так потому, что в случае необходимости и убедительности может пустить целый фонтан слез.

«Вот пять минут назад обронил деньги, — начинает ломать комедию «плакальщик», — а женщина на улице описала именно вас. Все сходится: и одежда, и сумка. Отдайте деньги, иначе пойду в милицию».

«Лох», конечно, несколько ошарашен таким поворотом дела. «Выводной» мастерски подгрызает своему сообщнику, принимая сторону будущей жертвы. И в результате усиленной психологической атаки «лох» отдает свои деньги под залог, будучи уверенным, что у него в сумке лежит как гарантия та самая пачка в платочке.

Двое мошенников, ругаясь, удаляются «в милицию выяснять отношения», а потерпевший остается в незнакомом дворе со свертком нарезанной бумаги — «куклой».

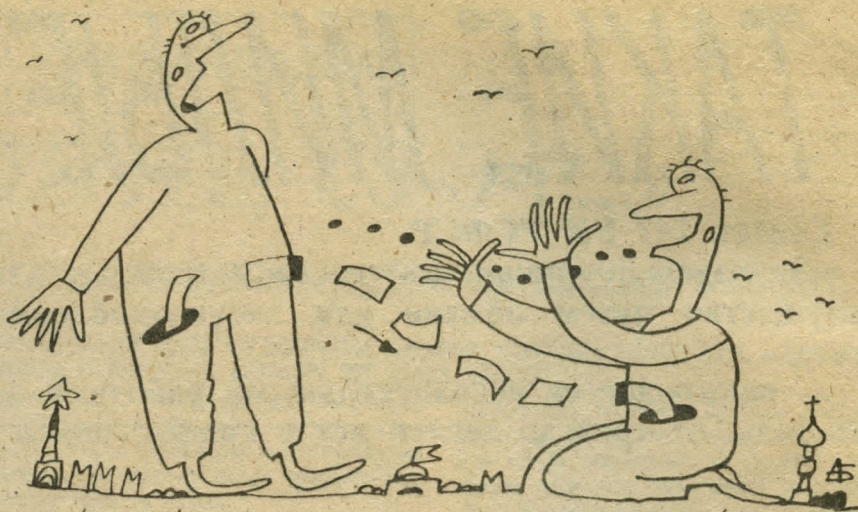
ПЕРЕВОРОТ КОНВЕРТА

Этот промысел существует лет 15. По крайней мере, известны случаи обмана с помощью конверта еще в конце семидесятых годов. Основные места, где совершаются подобные мошенничества, — магазины, торгующие мотоциклами. Хотя не исключены и другие «тусовки», где наблюдается повышенное скопление народа с деньгами.

Опять отлавливается мечтатель с неистребимой идеей — во что бы то ни стало занять новенький блестящий мотоцикл. «Железный друг» незаменим на селе. Отсюда ясно, что попавшиеся на удочку — провинциальные простодушные паренки, а также их родня. Даже если всей деревней приедут покупать единственный мотоцикл, это не помешает мошеннику показать коронный фокус с переворотом конверта. Заключается он в следующем

Тут же, за углом, даются объяснения (с глазу на глаз) такого плана: «Зайдешь в магазин, подойдешь к кассе, где сидит такая-то женщина (следует подробное описание кассирши). Отдашь ей конверт, скажешь, что от Коли, и она все сделает, как надо. Сотню мне за услуги, другую — ей». Мысль о том, что буквально через полчаса ему выкатят из подсобки мотоцикл, полностью парализует «лоха».

Достаётся конверт, в него вкладываются деньги, тщательно пересчитанные перед носом

К уголовной ответственности в Москве за мошенничество в 1989 году было привлечено 226 человек. За 9 месяцев этого года цифра подскочила до 254.

юноши. Для удобства запечатанный конверт кладется на газету или журнал, и на нем пишется что угодно: то ли подлинное имя владельца денег, то ли сумма, то ли имя-отчество кассирши.

Внимание! После написания части текста у мошенника «случайно» выскальзывает на землю ручка. Первое и вполне понятное желание стоящего рядом человека — помочь. Что он и делает — нагибается и подает ручку. Достаточно полсекунды, чтобы перевернуть газету на другую сторону, где другой рукой придерживался точно такой же конверт с нарезанной бумагой и неоконченной надписью. Таким образом конверты меняются местами — у мошенника эти движения отработаны до автоматизма и всякая неловкость в исполнении трюка исключена. Жулик, поблагодарив помощника за оказанную любезность, спокойно дописывает текст и отдает увесистый конверт его законному владельцу. Не помня себя от счастья, тот мчит в магазин. Каково же его удивление, когда разъяренная кассирша гонит его от себя, а в конверте обнаруживается своеобразный «привет от кидалы».

«ПОМЕНЬШЕ АЛЧНОСТИ, ПОБОЛЬШЕ ЧЕСТНОСТИ»

ЭТОТ РЕЦЕПТ КАНДИДАТА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ЗАВЕДУЮЩЕГО ЛАБОРАТОРИЕЙ ПСИХОСОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕРГЕЯ ЕНИКОЛОВА ПОМОЖЕТ ВАМ СОХРАНИТЬ ДЕНЬГИ И БОДРОСТЬ ДУХА.

— *Сергей Николаевич, откуда берутся мошенники?*

— Сама жизнь — лучшая школа для любого человека, изберет ли он преступный путь или научное поприще. Но здесь — случай особый, и то, что я сейчас скажу, покажется странным даже профессиональным сыщикам. Были проведены интересные исследования личностей осужденных, и вот что выяснилось. В большинстве своем, прежде чем прийти к махинациям и обману, они были карманными ворами.

— *У карманника и у мошенника столь сходные условия «работы»?*

— Представьте себе — да. И тот, и другой должны быть прекрасными психологами. Умение разбираться в людях, великолепная наблюдательность, коммуникабельность — вот те основные «инструменты», которыми пользуются преступники. Но и эти качества потеряли бы всякий смысл, если бы не артистичность. Любое мошенничество — это целое театральное действо, где автор сценария одновременно является и режиссером, и актером.

За этот же срок в столице было раскрыто 1197 случаев мошенничества. Эта внушающая уважение цифра объясняется довольно просто — на совести каждого задержанного мошенника до десятка преступных эпизодов.

— Я слышал, в местах заключения попавшие туда комбинаторы ведут себя не так уж принужденно, как на воле. Тамонише «артисты» — выходцы совсем из другой уголовной среды...

— Конечно, они чувствуют себя там очень неуютно в отличие от убийц и насильников, для которых тюрьма — дом родной. Нет ничего хуже для мошенника, привыкшего вести аристократический образ жизни, чем оказаться за решеткой. Не записывая им в добродетель, замечу — у многих аферистов весьма тонкая организация мироощущения. В откровенных разговорах с ними открывались удивительные вещи. Располагая солидными средствами, они не стремились прожить день как бог на душу положит. Любовь к изящным вещам, книгам, музыке, живописи — обычный спутник бытия этих правонарушителей. С одним известным жуликом, как выяснилось, я посещал одни и те же концерты, выставки...

— Может, их интеллигентность, образованность и есть те самые «крючки», на которые попадают недалекие люди?

— Не стоит так пугать читателей, иначе скоро от мало-мальски культурного, располагающего к себе человека будут шархататься, как от прокаженного, — у нас, поверьте, их осталось не так уж много. Но если быть справедливым до конца, то без вышеупомянутых качеств не совершается ни одна солидная афера. Я не говорю о наперсточниках, картежниках — это примитивная степень мошенничества, и там царят иные нравы.

— Рассчитанные на такого же примитивного обывателя? Или, наоборот, сверхчестного, у которого и в мыслях нет, что его могут так запросто обмануть?

— Патологическая наивность — родная сестра ограниченного ума. Есть такая наука, малоизвестная у нас, — виктимология — наука о жертве. За океаном совершаются в общем-то такие же преступления, и взаимоотношения между людьми описываются одними и теми же законами психологии. Простаков, желающих обогатиться, и мошенников там тоже в избытке. И вот, согласно виктимологии, можно легко доказать, что жертва, к примеру, наперсточников — человек с букетом малоприятных качеств: жадность, лживость, коварство. Про-

Свыше 80% всех мошенников — люди со средним специальным и высшим образованием.

сто его без усилий «переигрывает» более опытный противник.

— Почему чаще всего пострадавшие — люди приезжие, или, попросту говоря, провинциалы?

— Это действительно так. Но вообразите, что вы всю сознательную жизнь провели в одном крохотном городке, практически не выезжая за границу области. Вы прекрасно знаете местных обитателей, их нравы, и вас не менее досконально изучили старожилы. Обмануть в такой изолированной от внешнего мира системе просто невозможно, никто и не пытается это сделать. И вдруг вы попадаете в огромный город, где кипит жизнь, одна ситуация мгновенно сменяет другую, в бешеном темпе проносятся незнакомые лица, и, главное, до вас никому нет дела. Вы ошарашены настолько, что считаете величайшим чудом, если в ваших проблемах примет участие посторонний человек, — ну совсем как дома. А если он предложит к тому и «бескорыстную» помощь — все, вы «куплены» на корню и готовы следовать за своим покровителем на край света, вручив ему сбережения, заботливо собранные родней и знакомыми. А дальше включается сам механизм мошенничества.

— Но помимо доверчивости преступник генерально использует и наклонности другого сорта...

— Не надо считать жителей окраин лишенными страстей человеческих, это заложено в каждом. Когда «благотель» с честным, благодушным лицом неожиданно предлагает «лоху» стать полноправным партнером в прибыльном деле, то последний с удвоенной энергией беспрекословно выполняет предназначенную ему роль, как в известном номере с найденной пачкой денег — «куклой». Простота в сочетании с жадностью — главные рычаги, на которые нажимает мошенник, выкачивая из жертвы все до последней копейки.

— Вывод напрашивается незатейливый и единственный — провоцируют жульничество сами люди, склонные к обогащению за счет других?

— Совершенно верно. Но не забывайте и те уродливые условия, в которых непосредственно государство является главным провокатором всех правонарушений. Именно оно «постаралось», чтобы в разряд дефицита попало все,

Мошенник — плут, аферист, прохвост, проходимец, жулик, прощельяга, мазурик, шаромыжник, блатняга, шильник, обдувала, темнила...

Словарь синонимов русского языка.

и человек уже с детства подготовлен к преодолению трудностей. «Дать на лапу» стало неотъемлемой частью нашего существования.

— Градет рыночная экономика, и при ней, даст Бог, дефицит постепенно исчезнет. Как вы думаете, мошенники останутся?

— Им придется срочно переквалифицироваться. Рынок диктует свои правила, и завлекать наивного гражданина на старые приманки — машины, одежду, квартиры — будет все труднее. В ход пойдут иные вещи. Предположительно я могу назвать экономическую область, наиболее уязвимую для махинаций. Это всевозможные совместные предприятия, кооперативы, частные фирмы. Начнется безумная торговля несуществующими «мерседесами», компьютерами, землями в гигантских размерах. Это будет жульничество на научной основе. Преступления же против личности пойдут на убыль.

— И все же, какую защиту против аферистов всех мастей вы предложите сегодня?

— Не считите мой совет шуткой или, еще хуже, идиотизмом, но кроме старинного, испытанного рецепта я ничего посоветовать не могу. Поменьше алчности, побольше честности — и вы всегда будете чувствовать себя отлично.

Выпуск подготовил Михаил МАСЛОВ

Рисунки А. Бильжо

«Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?»

О. Бендер.

НЕЕСТЕСТВЕННЫЙ ПЕССИМИЗМ

ОТБОР

Жизнь обесценилась. Так мы говорим все чаще. Убивают за три рубля, за бутылку, за сигарету. Это страшно, но мозг привычно ищет оправданий: перепились, трудное детство, крушение идеалов.

Страшно вдвойне, когда узнаешь, что человеческая жизнь обрела сегодня устойчивую цену. В Москве она — 10 тысяч.

«ХОРОШО УПАКОВАННАЯ ЖЕНЩИНА ИЩЕТ НАЕМНОГО УБИЙЦУ»

Говорят, они любили друг друга. Но это было давно. Когда и дом — полная чаша, и дочка — на радость родителям, и на работе почет и уважение.

Так говорят знакомые и родственники — свидетели их гармоничного союза. Правда, непременно добавляют: он — жадноват, копил деньги, вкладывал их в антиквариат. Она — вздорна, истерична, часто устраивала скандалы, хотя и обихаживала его изо всех сил, и свежееглаженная сорочка всегда висела на нужном месте.

Потом он съездил за границу и словно обезумел. Его, модного московского протезиста, сумевшего получить в ФРГ патент на врачебную практику, конечно, недооценивают. Зарплата — смехотворная, а перспектив никаких. И, как часто бывает, сразу нашлась женщина, которая все понимала, которая только одна и могла оценить его по достоинству и не прочь была вместе с ним стать гражданкой иной страны.

Антиквариат постепенно начал переезжать в комиссионки. Жена нервничала. При видимом благополучии участились безобразные ночные сцены. За последний интимный звонок из дома он заплатил слишком дорого — потерей глаза. Жена в ярости плеснула ему в лицо какой-то кислотой.

Это был конец их семейной жизни. Претензий он не предъявлял, но дома больше не появлялся, а в суд подал иск о разводе.

Сколько ни бьется человечество над разгадками тайн любви, ничего у него не выходит. Слишком расплывчат сам предмет исследования. А как хочется хоть приблизительными рамками очертить его границы! Как цепляемся мы за условные символы, чтобы знать наверняка и, исходя из этого знания, принимать решения. Бедные судьбы! Какой приговор вынесли бы они, доведись им судить Отелло? Какие смягчающие и отягчающие обстоятельства положили бы они на свои весы?

Люди сочувствуют любви, и состояние аффекта они договорились заносить в плюс. Но человеческая жизнь-то все равно

оказывается в минусе. Может ли аффект длиться неделю, две, месяц? Способна ли любовь на запланированную месть? И была ли любовь...

Разминувшись во времени с Шекспиром, Татьяна Семенова, прежде любимая, а теперь брошенная жена, находит гадалку, которая гарантирует: 13 января муж вернется. Но, будучи воспитана материалисткой, Татьяна одновременно подстраховывается. Всех знакомых она спрашивает: нет ли у них на примете человека, способного «погугать мужа». Обещает хорошо заплатить.

Впрочем, эта формулировка — «погугать» — возникнет в уголовном деле позже. Тогда, в январе, встревоженные друзья позвонили мужу, Андрею, и предупредили: «Будь осторожен. Жена хочет тебя убить». С тех пор Андрей всегда носил с собой нож с выкидным лезвием.

13-го он домой не вернулся и тем самым подписал себе смертный приговор. Потому что уже 14-го Татьяна знакомится с парнем по имени Эдуард, которому кто-то где-то рассказал, что хорошо упакованная женщина ищет убийцу. Цена была назначена заранее — 10 тысяч, а при знакомстве Татьяна намекнула, что муж не расстанется с золотой цепочкой стоимостью никак не меньше 5 тысяч и что цепочку можно будет тоже взять. Быстро нашелся и напарник с машиной.

Из протоколов допроса Ермолова Д.В.

«Эдик не предлагал мне принять участие в убийстве. Было понятно, что иначе он не стал бы рассказывать мне об этом деле, если бы не рассчитывал на мое согласие. Мы договорились поделить полученное вознаграждение поровну — мне 5 тысяч рублей и половину стоимости цепочки. Я пошел на это, потому что у меня много долгов, а рассчитаться нечем...»

Далее ведется наблюдение за «клиентом». В какое время возвращается домой, где и когда бывает один. В уютной обстановке обсуждаются детали.

Из протокола допроса Чурикова Э.В.

«Мы помогли Татьяне завести машину, после чего она позвала нас к себе в гости. Мы смотрели видеоманитофон. Я еще раз показал ей пистолет и сказал, что, по всей видимости, сегодня мы убьем мужчину».

«Сегодня» наступило 16 января. Андрей был один. Коротая вечер за бутылкой хорошего вина, он ждал возвращения своей новой возлюбленной. Сам открыл дверь и впустил незнакомого парня. Что было дальше, известно лишь со слов Эдуарда. Якобы убивать он не собирался — хотел шантажировать и ту, и другую сторону. Потребовал от Андрея денег, но тот лишь махнул рукой и позвал в комнату: «Давай лучше выпьем». Может, так бы и разошлись. Но пистолет, нацеленный для остратки, дернулся вслед за движением жертвы, и Андрея не стало.

Нам-то с вами не столь важны эти детали. Достаточно и факта. Появилась новая генерация особей, с виду неотличимых от людей, с совершенно иным внутренним устройством. Пока мы спорим, пускать или не пускать на порог такой вождельный, заманчивый и одновременно пугающий рынок, он уже в самом уродливом своем облике вовсю распоряжается нашими судьбами и, повесив нам на шею ценники, гонит, будто стадо баранов, на убой. Заставляя гордиться стабильными ценами на еду и тряпье, нас исподволь, долго и настойчиво приучали к девальвации таких понятий, как любовь, честь и достоинство.

Гениально проведенная селекция дала неповторимые результаты. Она вывела особи без одного жизненно важного органа — того, где у человека разумного хранится внутреннее «табу».

Из протокола допроса Чурикова Э.В.

«...Она вышла на лестницу, и я сказал ей, что Андрей убит, и потребовал деньги. Татьяна стала спрашивать, как это произошло, и я рассказал ей, что выстрелил Андрею в голову из пистолета, когда мы находились в комнате. Татьяна спрашивала меня приметы Андрея. Я сказал, что у него правый глаз меньше левого, что одет он был в тренировочные брюки и какую-то рубашку. Татьяна спокойно восприняла известие о том, что Андрей убит. Татьяна сказала мне, что у нее в настоящее время денег нет, но на следующий день она к кому-то съездит и возьмет деньги».

Их вычислили по телефонным звонкам. Они звонили и звонили Татьяне, требуя денег за выполненную работу.

Группа захвата, оцепившая дом одного из них, занервничала, когда подержанные «Жигули», притормозив у подъезда, вдруг медленно начали ездить кругами. Ничего же не было известно. Кто они? Сколько стволов? Заметили ли засаду? Что собираются предпринять?

Вздохнули с облегчением, когда из машины вышли два шупенских двадцатилетних паренька, совсем мальчишки. Их свежие юношеские лица излучали покой и умиротворение, свидетельствовали о прекрасно проведенной ночи в здоровом сне. В ясных глазах не просматривалось ни тени раскаяния или сомнения в целесообразности их собственного появления на свет божий. А что ездили кругами — просто Дима учил Эдика водить машину.

Татьяна же сначала собиралась сойти в следственном изоляторе с ума, но, когда врачи признали ее вменяемой и здоровой, разумно рассудила, что главное ее орудие защиты — любовь. За любовь, при нынешнем ее дефиците, многое прощают. И написала: «Мне было очень обидно за мою любовь к Андрею, которую он совсем не ценил. Я даже не предполагала, что он сможет так подло поступить, обманув все мои святые чувства к нему».

«Я КУПИЛ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ТОПОР ДЛЯ РУБКИ МЯСА»

«25 февраля 1990 г. в сливной трубе Глазкинского пруда, расположенного в г. Одищове Московской области, был обнаружен труп неустановленного мужчины с признаками насильственной смерти в виде множественных рубленых ран на голове... В ходе проведенной оперативно-розыскной работы была установлена личность потерпевшего. Им оказался житель Москвы Д.Г., проживавший по

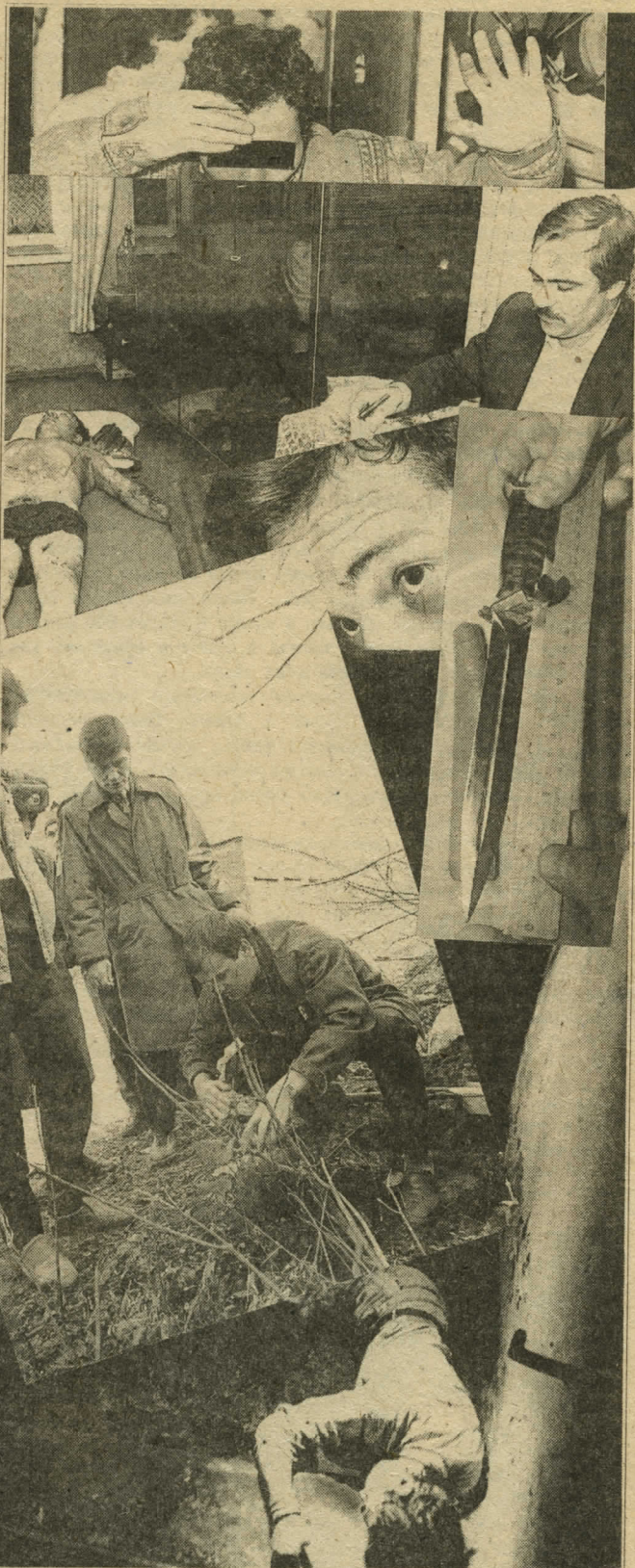

Фото Ю. Штуккина и А. Шогина

адресу... При осмотре места происшествия установлено, что труп Д.Г. завернут в занавеску и покрывало».

В августе Д.Г. в очередной раз вернулся из мест лишения свободы. Работать опять не хотелось, да и силы уже были не те. И друзья-товарищи свели рано износившегося холостяка с

молоденькой проституткой из Кемерово. Проблемы одного и другого прекрасно решались посредством фиктивного брака. По обоюдному договору гражданин Д.Г. отдавал свое сердце вкупе с московской пропиской и жилплощадью, а девушка Надя все означенное приобретала за 15 тысяч: 9 сразу и 6 потом при разводе с разделом.

В декабре зарегистрировали брак, наверно, с кольцами и, наверно, с пламенными речами дежурных поздравляющих. А к февралю в Надиной завитой головке уже созрел контрплан. 6 тысяч за комнату было жалко. Лучше отдать 10, но за всю квартиру в центре. Осталась суцкая ерунда — избавиться от «родного» постояльца.

В Банном переулке она легко и непринужденно знакомится с неким Колей, семнадцати лет, и излагает щекотливую просьбу. Коля — смекалистый малый! — сразу понимает, что на этом деле можно неплохо заработать и без «мокрухи». Конечно же, путем шантажа. Но решительная дама пресекает все попытки потянуть время: подписался — давай. Ах, не можешь достать пистолет? Велика проблема!

Из протокола допроса подозреваемого.

«...После этого мы поехали в хозяйственный магазин около Киевского вокзала, где я купил топор для рубки мяса. Примерно в 18.00 мы поехали к ней домой, где находился ее муж. Мы с ним вышли на кухню. Когда он был пьяный, я его ударил топором несколько раз... После того как он упал, я выбежал из квартиры. Деньги в сумме 8 тысяч 500 рублей и 65 долларов США Надя оставила в сумке в прихожей для меня, и при уходе из квартиры я их взял».

В первом протоколе опущены некоторые «пикантные» подробности. Мальчик до колик в животе боялся поднять топор. И убежал, и возвращался вновь, чтобы продолжить жуткий пир. А за спиной старого спившегося мужа стояло неземное создание и показывало умело подкрашенными глазами: пора.

На третий день бывший гражданин Д.Г. стал плохо пахнуть. И совершенно свободная теперь женщина Надя потребовала от бедного мальчика довершить начатое.

Сначала решили расчленить труп. Для упаковки купили в ГУМе коробку из-под телевизора. Но добровольцев для этой операции не нашлось. Тогда закатали труп в ковер. Снова неудача — груз не поместился бы ни в один багажник.

Сделали совсем просто — завернули в занавеску и покры-

вало. Таксист, унохав неладное, везти наотрез отказался, но 500 обещанных рублей сделали свое дело.

Через неделю Надя принесла в милицию заявление с просьбой разыскать пропавшего мужа...

Николай, как водится, раскаялся: «Я хочу изменить в будущем свою судьбу и стать нормальным человеком». Он прекрасно понимает: как «малолетке» ему ничего особо страшного не грозит. В колонии он будет «в авторитете», шутка ли — убийство. Отсидит свое, вернется с солидным багажом опыта, поживет еще в удовольствие. А то, как дрожала рука с топором, забывается быстро. Чуть ли не на следующий день похвалялся в компании, что за 10 тысяч может свободно «убрать» человека.

Надю тоже не мучат кошмары. По крайней мере «исповедоваться» она не собирается.

Вот я и думаю, кому теперь нужен Раскольников с его сомнениями: человек ли, тварь ли дрожащая? Колбасы давай — и баста. Жрать хочется.

А может, черт с ней, с колбасой? Может, важнее разминуться с Колей, с Эдиком, с тысячами других, тупых и пьяных? Если уж положение такое хреновое, что оставаться сытым и спокойным одновременно нет никакой возможности.

У меня есть предложение. Всю государственную наличность: рубли и нефтедоллары, золотые приiski и якутские алмазы бросить действительно на прорыв. В роддома, чтобы человек имел возможность родиться там здоровым, физически и умственно. В ясли и детсады, чтобы нянечка зарабатывала, как академик, и ее пускали бы к детям на жесточайшей конкурсной основе. В школы, где в учеников перестанут вдабливать набор дисциплин и займутся наконец искусной лепкой свободных и мыслящих личностей. В институты, которые станут готовить врачей-профессионалов, нянечек-академиков, учителей-наставников.

И если наши дети уже никогда не реализуют до конца своих возможностей, то хоть у их детей появится шанс начать жить иначе.

— А то некому будет есть колбасу.

Р. С. Следствие по тому и другому делу продолжается, поэтому все имена и фамилии изменены.

Фот. А. Шогина

СИТУАЦИЯ

ГЕЙДАР ПРИЕХАЛ

КАК ИЗВЕСТНО, бывший работник КГБ Азербайджана, бывший первый секретарь азербайджанской компартии, бывший член Политбюро ЦК КПСС и т. д., и т. д. или, иначе, «рядовой партии», как он сам себя называет, Гейдар Алиев был единодушно избран своими земляками в Верховный Совет Азербайджана.

Нельзя отрицать, что Гейдар Алиевич давно пользовался популярностью у себя на родине в Нахичевани. В то же время, по мнению не-

зависимых наблюдателей, следивших за ходом выборов в этой республике, при выборах Алиева в значительной степени сказался так называемый «эффект Ельцина». Действительно, в последнее время Алиев столь часто подвергался уничтожающей критике, особенно со стороны нового партийного руководства и правоохранительных органов, что его просто не могли не выбрать.

А вот и два свеженьких мнения.

Член Политбюро ЦК

КПСС, главный редактор газеты «Правда» Иван Фролов: «...Я деятельность Алиева оцениваю крайне отрицательно. Если помните, мы печатали статью об алиевщине... Я сам писал редакционное примечание к ней. Я говорил там, что дело не в одном Алиеве, и перечислил целый список людей, деятельность которых надо разобрать. Сейчас это обсуждается, и, видимо, какие-то решения будут приняты... Я не кровожадный человек, но деятельность таких людей должна получить оценку».

Начальник пресс-службы Московского управления КГБ Александр Михайлов: «Я думаю, Алиева потому и избрали, что много знает. И даже очень. У кого информация, у того и власть. Кстати, ходит такой слух, что якобы в Азербайджан чартерными рейсами направляются партийные билеты, потому что идет массовое вступление в партию. Придет Гейдар, спросит: «Где твой партбилет?» Что ответить?»

Вряд ли кто-нибудь забыл, как травил Ельцина. А между прочим в то время некоторые «догадливые» граждане считали, что аппарат просчитал всё на много ходов вперед и специально подсовывает народу Бориса Николаевича. Сейчас-то всем очевидно, что ничего такого аппарат не хотел и травил Ельцина по простоте своей совершенно искренне. Но если предположить, что уроки из ельцинской истории все же были извлечены и наши властители кое-чему научились, то аналогичный вопрос — «А не подсунули ли избирателю Алиева?» — становится совершенно закономерным.

Что же касается слухов, которыми делится с общественностью руководитель пресс-службы КГБ, то здесь, как мне кажется, уместен такой вопрос: «Как отнесутся в ЦК КПСС к увеличению рядов этой славной партии в результате «алиевского набора»? Азербайджан был, помнится, одной из первых республик массового выхода из КПСС. Теперь, кажется, предстоит столь же массовое возвращение. Гейдар приехал.

Алексей ЗУЙЧЕНКО

ПРЕСС-МЫШЕЛОВКА

ПОЧВА...

«Сегодня в Липецкой области ежедневно убирают картофель, морковь, свеклу, яблоки до 100 тысяч человек. Работают студенты, школьники, закрыты многие учреждения, организации. Конечно же, трудно, неуютно под дождем и холодным ветром из раскисшего чернозема убирать овощи, но другого способа обеспечить себя продуктами нет. От расхождений о преимуществах фермерского хозяйства на столе сегодня у нас не прибавится...»

(«Правда», 16 октября 1990 г.)

ОТ РЕДАКЦИИ «СТОЛИЦЫ»

...И КОРНИ

Опустели школьные классы, умолк бодрый шумок учрежденческих арифмометров, отзвучали лекции в вузах. Накрепко заколочены двери разнообразных организаций. Безлюдно, пусто, голо, лишь одинокий прохожий мелькнет за углом...

Но — чу! Что за песнь раздается с полей земли Липецкой? (А также Курской, Брянской, Тамбовской и т.д.) То горожане извлекают из раскисшей почвы плоды колхозно-совхозной системы. Ветры холодные веют над ними, злобно секут их дожди. Конечно же, трудно. Конечно, холодно. Конечно, неуютно. Но другого пути нет!

ФАКТЫ

«Хотелось бы сказать несколько слов о газете «Аргументы и факты». Какой номер ни возьми, в них все только плохое видится. Хорошего там нельзя прочитать ни о секретаре райкома, ни о секретаре горкома, ни о секретарях первичных партийных организаций предприятий».

(Из выступления на пленуме ЦК КПСС прядильщицы Черниговского производственно-торгового текстильно-швейного объединения Р. И. Савиной. «Правда», 11 октября 1990 г.)

ОТ РЕДАКЦИИ «СТОЛИЦЫ»

АРГУМЕНТЫ

Еженедельник, неизвестно почему пользующийся в народе широкой популярностью, совершенно не создает положительных образов партийных работников. Таковы факты. И аргументы прядильщицы Савиной, если вдуматься хорошенько... достаточно серьезны.

ПОКА ГОСУДАРСТВО МОЛЧИТ...

**В СТРАНЕ РАЗВОРАЧИВАЮТСЯ
ЧАСТНЫЕ ФИРМЫ
ПРОМЫШЛЕННОГО ШПИОНАЖА**

Процесс формирования рынка товаров и идей в Советском Союзе неизбежно порождает конкуренцию между учреждениями, предприятиями, кооперативами. А конкуренция подразумевает, что конкуренты неизбежно будут друг у друга перехватывать эти самые идеи. А значит, должны возникнуть организации, занимающиеся «промышленным шпионажем». Тем самым, что успешно процветает в капиталистическом мире. А может быть, такие фирмы у нас уже возникли? В результате поиска нам удалось обнаружить в Москве организацию, называющую себя «Фирма информационных услуг», и побеседовать с одним из ее руководителей по телефону. Собеседник по понятным причинам предпочел не представляться широкому кругу читателей «Столицы».

— Можно ли утверждать, что фирма, от лица которой вы говорите, занимается промышленным шпионажем? Если это так, то кому принадлежит идея создания подобного предприятия?

— Сначала отвечу на второй вопрос: глупо изобретать что-то, если где-то это уже действует. Идея пришла с Запада, да и организовывались мы как филиал одной из крупнейших частных компаний, специализирующейся именно на промышленном шпионаже. Зачем это Западу? Нет, он не протягивает длинные руки к советским оборонным секретам. Все гораздо проще. Вот уже несколько лет в Советском

Союзе действует ряд только что созданных филиалов известных зарубежных фирм. Их партнеры хотят иметь информацию о любой деятельности этих фирм на советском рынке, а она нечасто появляется в печати. Но назвать это классическим промышленным шпионажем нельзя, так как громадные коррективы в нашу работу вносит советская действительность.

— Если не секрет, то какие?

— Для начала я хочу привести вам западную модель шпионажа. Существуют легальные и нелегальные (то есть преследуемые уголовно) методы добычи информации о конкурентах. Это ни для кого не секрет, и зарубежная печать много и охотно об этом пишет. Например, к легальным можно отнести: посещение выставок конкурентов, изучение их рекламных изделий и брошюр, беседы с бывшими работниками предприятий конкурентов, анализ публикуемых в открытой печати финансовых отчетов. Нелегальные: засылка агентов на предприятия конкурентов, прослушивание телефонных разговоров, похищение документов, чертежей и образцов изделий, а также, простите, шантаж, подкуп и — как крайняя мера — ликвидация конкурента.

Но в стране, где на государственные секреты ни денег, ни времени не хватает, большая часть нелегальных методов не нужна. Года два назад мы по случаю приобрели с рук лазер: этот лазер вынесли через взломанное окно секретной лаборатории одного московского «почтового ящика». Мне кажется, этого лазера до сих пор не хватились, так как он никому никогда не был нужен.

Об охране «коммерческих секретов» обычных, не оборонных, предприятий, кажется, вообще никто никогда не задумывался. Представьте себе: запускаем мы в какой-нибудь банк, все равно — государственный, акционерный или еще какой-нибудь, молодого человека приятной внешности с бутылкой шампанского в кейсе и букетом роз в руках, и через три дня он представляет подробный отчет о том, как и куда двигаются средства на лицевом счете предприятия, которое нас интересует. Знаете, мне иногда приходит в голову, что очень неудобно жить в стране, где люди во время попойки говорят о работе, не задумаясь над тем, что, фонтанируя собеседнику служебную информацию, работают на тех, о ком и понятия не имеют.

— И все же разрешите не пове-

рить, что вы работаете только со счетами и слетнями.

— Мы работаем с людьми, изобретениями и техникой. Я же не утверждал, что мы работаем только легальными методами. Просто легальными безопаснее и дешевле. Для нелегальных методов нужно соответствующее оснащение. Оно, впрочем, у нас имеется. Мы поставляем фирмам информацию о конкурентах, они нам — различные технические приспособления для, с вашего позволения, промышленного шпионажа. Используем мы их по мере того, как легальные средства исчерпывают себя и возникает необходимость технически обезопасить наши нелегальные действия.

— Каких ваших нелегальных мер следует более всего остерегаться?

— Мой совет любим фирмам, выходящим на рынок: любое мероприятие должно быть тщательно спланировано, и любая информация должна быть максимально защищена от нашего внимания. Говоря это, я не боюсь, что мы останемся без работы. Если бы существовала идеальная модель системы защиты информации, то прогресс остановился бы. Пока без ложной гордости могу сказать, что работаем мы отлично и арсенал наших технических средств богаче и новее подобного арсенала любой государственной службы.

— А Комитет государственной безопасности согласится с вашим утверждением?

— Он может и не согласиться, нас его мнение как-то не волнует. Но факт остается фактом: в нашем лице западные фирмы, специализирующиеся на производстве разведывательной аппаратуры, видят испытательный стенд для своей продукции. А на мировом рынке техника с клеймом «Опробовано в СССР» разоидется так быстро, что Комитет на распродажу просто не успеет.

— Доводилось ли вашим людям сталкиваться с КГБ напрямую?

— Если вы имеете в виду служебные конфликты, то мы с Комитетом существуем просто в параллельных плоскостях. Но определенный «шерсти клок» мы с данной организацией имеем: зачастую, чтобы «подставить» какое-то предприятие, не обязательно марать руки самим, достаточно анонимно «стукнуть» кое-что в КГБ, а уж КГБ свое дело по съедению этого объекта сделает профессионально — их, по-моему, только съедению и учат.

— Вы так расправляетесь только с организациями или конкретные частные лица тоже могут быть вашими... жертвами?

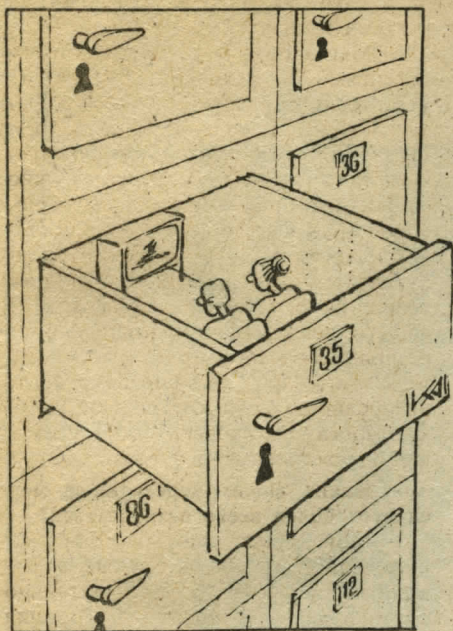

Рис. А. Казачкова

— Организация — это прежде всего сами люди. А уж среди них довольно легко найти человека или группу лиц, являющихся мозговым центром деятельности. С помощью «чумы планового государства» мы пытаемся сначала воздействовать на организацию в целом: насылаем финансовые проверки, следственные органы, рэкет, санэпидемстанцию и пожарных. Если до мозгового центра не доходит, что контора попала в круг наших интересов, мы можем человека впрямую шантажировать, подкупать (если он того стоит), а в крайнем случае — ликвидировать.

— Но ведь если есть групп — значит, есть и преступление, которое надо расследовать. А если на ваш след нападут?

— Убить — просто, но опасно. Хорошо же подготовленный несчастный случай — не убийство, а всего лишь несчастный случай. Но ведь у нас ни милиция, ни прокуратура несчастные случаи глубоко не расследуют, явных убийств у них по горло и больше. А среди ста тысяч действительно несчастных случаев один подготовленный несчастный случай даже Шерлок Холмс не найдет. Но физическое устранение человека — очень редко используемый аргумент в нашей работе. Мы ведь бюро промышленного шпионажа, а не контора частных убийств, и чем больше на нашем счету трупов, тем хуже мы выполняем свои прямые обязанности.

— Не боитесь ли вы, что наш разговор сейчас прослушивает КГБ

или МВД, которым недавно разрешили использовать результаты прослушивания в качестве доказательства?

— Вот уж чего я не боюсь, так этого. Наши приборы контролируют чистоту линии в течение всей беседы.

— А вдруг кому-то из моих знакомых понадобятся ваши услуги?

— Не советую — денег не хватит. Информация, добытая в процессе промышленного шпионажа, — дорогое удовольствие. Но тот, кому мы действительно нужны, нас всегда находит.

* * *

Деятельность, квалифицируемая в цивилизованном обществе как «промышленный шпионаж», за годы существования Советского Союза ни разу не упоминалась применительно к социалистической системе. По старой формуле: нет явления — нет названия — наказание не предусмотрено, в СССР серьезно проблемой промышленного шпионажа никто не занимался, и в Уголовном кодексе СССР ничего об ответственности за подобную деятельность не говорится.

В отличие от СССР в США, например, коммерческие частные тайны охраняются законом. Раздел 18 Свода Законов США трактует «частную информацию» как любую информацию, являющуюся достоянием частной фирмы, обладающей исключительным правом объявлять информацию секретной, утечка которой за пределы круга пользователей может вызвать экономические потери, подрыв престижа и повлечь за собой материальный и моральный ущерб для фирмы и ее сотрудников. Ответственность за доказанный в суде факт занятия промышленным шпионажем — длительный срок тюремного заключения, а в некоторых штатах США — смертная казнь.

Частные детективные агентства, возникшие в последние несколько лет в СССР, комментировать данный материал не взялись, хотя признали, что сам факт существования в нашей стране фирм, аналогичных «фирме информационных услуг», занимающихся промышленным шпионажем, известен им уже давно и вынуждает их в свою очередь заниматься промышленным контршпионажем.

Но это все частные дела. Государство, похоже, они не беспокоят.

ПРЕСС-МЫШЕЛОВКА

ВСЕ — КАК ОДИН!

«Предлагаю создать коммунистические предприятия, которые показывали бы пример хорошего труда. От рабочего до директора — все коммунисты. Уверен, работать они будут с высокой производительностью, рентабельность должна составить 200—300 процентов, что обеспечит членам этих коллективов высокую зарплату. Любому кооперативу такое предприятие составит конкуренцию».
(«Гласность», еженедельное приложение к журналу «Известия ЦК КПСС», № 16 за 1990 г.)

ОТ РЕДАКЦИИ «СТОЛИЦЫ»

ОНИ — ПРИДУТ

Гениальное всегда просто. Дебатируют депутаты, утомляются академики, изводят бумагу публицисты — все размышляют о том, как вылечить нашу несчастную экономику. А что тут думать? А Колесников из Ярославля, член КПСС, предложил простой и гениальный способ решения экономических вопросов. Укомплектовать предприятия сплошь коммунистами — и производительность труда бешено рванет вверх. О рентабельности и говорить не приходится.

Всем ясно: до нынешнего состояния страна докатилась исключительно из-за того, что до сих пор на предприятиях, кроме коммунистов, работали еще и беспартийные. И когда очередной пленум ЦК принимал очередное единственно верное решение, именно из-за них, несознательных, оно должным образом не претворялось в жизнь. А если члены КПСС будут стоять и у станка, и на проходной, и у кульмана, и у руля, производительность вкуче с рентабельностью дойдет до немислимых пределов. Перво-наперво, конечно, надо приостановить поток беженцев из КПСС. Потом сколотить партколлективы и тут же навалиться на рентабельность, не забывая и о высокой зарплате. А еженедельник ЦК КПСС «Гласность» будет пропагандировать это ценное начинание.

Неужели мы-таки придем к победе коммунистического труда?..

ВНИМАНИЕ!**НЕ ПОКУПАЙТЕ ПИШУЩИЕ МАШИНКИ!**

Пишущая машинка — неотъемлемая часть интерьера любой приемной, любого бюро, а если она еще и работает, — то это инструмент управления.

Пишущая машинка — особенно электронная, может очень многое:

- она запоминает текст до 4 страниц;
- она корректирует ошибки;
- она делает текст красивым;
- она пишет на разных языках и разным шрифтом

и поэтому она стоит около двух тысяч долларов!

Если Вы хотите расширить эти возможности, то стоит это будет дешевле.

Наша интеллектуальная пишущая система может гораздо больше:

- она может запоминать более 10 тысяч страниц текста и быстро выводить их как на большой экран, так и на печатающее устройство;
- она позволяет выполнить любую операцию с текстовой информацией;
- она пишет на любых языках, причем без каких-либо дополнительных переустановок, как в электронной пишущей машинке;
- она умеет считать, делать таблицы, строить графики, рисовать диаграммы и многое, многое другое.

Предлагаемая нами интеллектуальная пишущая система состоит из РС XT и высококачественного печатающего устройства.

Стоимость 1500 долларов США.

Срок поставки 24 часа с момента оплаты.

Гарантия 2 года, послегарантийное обслуживание за сов. рубли.

Наш адрес:

117342, Москва,
ул. Обручева, 36,
телефон 334-29-74
телефакс 4202250
телекс 412160 ANTAR SU

HANTAREX
SOVIET UNION

Если вы не успели подписаться на еженедельник «СТОЛИЦА»

**с 1 января 1991 года, то можете сделать это сейчас, тогда вы
будете получать его с 1 апреля.**

Наш индекс — 73746

Стоимость подписки на 3 месяца — 12 рублей 35 копеек;

на 6 месяцев — 24 рубля 70 копеек;

на 9 месяцев — 37 рублей 05 копеек.

Получать журнал по подписке дешевле, чем покупать его в киоске.

Подписка принимается во всех отделениях связи страны.

В случае отказа в оформлении подписки обращайтесь в редакцию.

АРМЯНСКИЙ КАЛУГИН?

Фото О. Литвинова

Журналистское расследование истории ареста майора республиканского КГБ

Из письма В. АРМАГАНЯН народному депутату СССР Г. СТАРОВОЙТОВОЙ:

«Уважаемая Галина Васильевна! Обращаюсь к Вам как к женщине и матери! На нашу семью обрушилось страшное горе. Мой муж Джангирян Роберт Григорьевич, майор КГБ Армении, был якобы командирован в Москву и там арестован 9 октября 1989 года следственной группой КГБ СССР. Я не юрист, и о незаконных действиях следственных органов КГБ судить не мне. Я же попытаюсь объяснить Вам все, что сотворили с нашей семьей... На следующий день после ареста следственная группа из Москвы совершила обыск в нашей квартире (санкция на обыск и арест дана заместителем Генерального прокурора СССР И. Абрамовым)...»

Вы не ошиблись, читатель, это тот самый печально знаменитый генерал, который много лет возглавлял Пятое, так называемое «идеологическое», управление КГБ СССР, специализировавшееся на борьбе с «диссидентами», включая Андрея Дмитриевича Сахарова, Паульрика Айрикияна и многих, многих других. Теперь уважаемый генерал, съехав с Лубянки на Пушкинскую улицу, занимает пост заместителя Генерального прокурора СССР и курирует деятельность... следственного отдела КГБ СССР. Как не хватает «своего» Ионеско, способного увековечить наш «фирменный» театр абсурда в так называемую эпоху перестройки!

Не забывая о презумпции невиновности, выскажу личную точку зрения о «деле Джангиряна». Ему, если придерживаться буквы обвинения, инкриминируется взяточничество. Что касается духа того же обвинения, то, судя по всему, до сих пор в силе глобальная установка Центра на презумпцию виновности по отношению к нашей многострадальной республике, ее гражданам, о чем мы впервые узнали аж пять лет назад из хорошо протудированного в Москве и Ереване выступления Горбачева на одном из пленумов ЦК КПСС. И в Москве, и в Ереване до сих пор — в зависимости от конкретной установки — фабрикуются «дела» под видом разоблачения мафиозных кланов (да, они есть, но «смелость» следователей избирательна) «экстремистско-националистических элементов». По этой же схеме, на мой взгляд, и возникло «дело Джангиряна», что свидетельствует не столько о поиске истины, сколько о неумении ее искать, о низком профессионализме.

Из беседы с членом Московской городской коллегии адвокатов Арташесом САРУМОВЫМ, полковником юстиции в отставке.

— Могли бы вы сказать, насколько вескими были основания для ареста Джангиряна?

— Четко ответить на ваш вопрос я сегодня не в состоянии. Материалов, послуживших юридическим и обоснованным поводом к его аресту, пока не видел. Однако по закону я могу не знать этих сведений: предусмотрена следственная тайна, которая приоткрывается лишь в финале предварительного следствия.

— Допустим. Однако почему «делом Джангиряна» занимается именно следственный отдел КГБ страны?

— Все произошло, видимо, по инициативе центрального или местного КГБ. Может, они исходили из профессионального признака. Но есть закон, который необходимо знать: если чекист совершает общеуголовное преступление (воровство, убийство, взяточничество и т. д.), он не подследствен ведомственным органам. Для меня очевидно, что если «делом» не занимался военный прокурор в Армении или Закавказском округе, то его должно вести только следственное управление Главной военной прокуратуры (ГВП), которое вправе заниматься делами военнослужащих — от генерала до солдата. Поэтому, кстати, там и находится «дело» бывшего генерал-майора КГБ Калугина, ныне народного депутата СССР.

— *Что же получается: офицер республиканского КГБ представляет большую опасность для страны, коль его «делом» занялся следственный отдел КГБ СССР, а не ГВП?*

— У меня, юриста с 44-летним стажем, возник другой вопрос: насколько известно, Калугин обвиняется в разглашении гостайн, а Джангирян уже год в Лефортовском изоляторе по обвинению во взятничестве — совершении только общеуголовного преступления, но ГВП до сих пор не занимается его «делом».

Минувшей весной я разговаривал с прокурором Прокуратуры СССР Чистяковым, которому высказал твердое убеждение: законный адресат «дела Джангиряна» — органы военной юстиции. Чистяков согласился, но лишь в июне появился полпред ГВП. И вновь «накладка» — надзор поручен не следственному управлению ГВП, а отделу, курирующему органы безопасности.

— *Что вы предприняли?*

— И Джангирян, и я почти одновременно подали устные, а затем письменные ходатайства с изложением вышеназванных доводов. Нам до сих пор не ответили.

— *Кстати, сколько следователей занималось этим делом?*

— Начиная с ареста их число достигло пяти-шести. Кроме, скажем, режиссера, хозяйина «дела», остальные — ассистенты.

— *Были ли у Джангиряна очные ставки?*

— Нет. Я не могу, да и не задавался выяснением лиц, дававших показания против него. Но время рождает вопросы. Помню, в ходе нашей первой встречи Джангирян искренне признался: арестован за то, что активно выступал против интерпретации событий в Армении и Нагорном Карабахе тогдашним руководством КГБ Армении. 31 августа прошел первый допрос на карабахскую тему. Как его участник, сообщу вам, что сам Джангирян не только не отрицал, но и привел серьезные доводы о его косвенной причастности к карабахскому движению. Вряд ли подобное инкомьюсье офицера КГБ осталось незамеченным. Дело следствия проверить, насколько правдив Джангирян.

— *Предпринимались ли попытки помешать вашей адвокатской деятельности?*

— Закон о допуске адвоката к подследственному с момента задержания принят 1 декабря прошлого года. Однако наша первая встреча откладывалась по безмотивным основаниям. Но я не из тех, кто молчит, когда нарушен закон. Примерно месяц спустя после протеста нашей юридической консультации мне позвонил один из руководителей следотдела КГБ и наконец-то разрешил подключиться к «делу Джангиряна»...

* * *

«14 мая 1990 г. Вами направлена телеграмма в следотдел КГБ СССР с просьбой вернуть автомашину «Жигули», телевизор и видеомагнитофон. Рассмотрев Ваше ходатайство, сообщаем, что оно не подлежит удовлетворению по следующим обстоятельствам. Ваш муж... обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 185 УК Армянской ССР. Санкцией указанной статьи предусмотрена конфискация имущества, которая осуществляется по решению суда. В связи с этим был наложен арест на автомашину ВАЗ-2109, цветной телевизор и видеомагнитофон. Вам разъясняется, что данное решение можете обжаловать Главному военному прокурору СССР.

4.06.90 № 6/2097 Помощник начальника следотдела КГБ СССР (подпись) А. Г. Никифоров».

Из письма В. Армагяня народному депутату СССР Г. Старовойтовой:

«... Меня ознакомили с обвинением Джангиряна Р. Г. в получении взяток, а также постановлением об обыске и «имеющихся в нашем доме денег и драгоценностях в большом количестве, документах, имеющих значение для дела». Но следователь Сиренко из КГБ УССР упорно искал чуть ли не целый склад оружия?! Не найдя ничего из вышеперечисленного, следователи изъяли телевизор и видеомагнитофон зарубежного производства. Да еще «очень важный документ, имеющий значение для дела», — стишок, который, как Сиренко записал в протоколе, начинается словами «пишет дед Федоту...» и заканчивается словом «поцелуй». Этот стишок лежал в папке с остальными стихами лет двадцать пять — мы даже забыли о нем.

Я бы хотела подробнее остановиться на видеотехнике. Дело в том, что у меня двое больных детей. У старшего сына врожденный порок сердца. Младший сын (14 лет), инвалид с детства, не может самостоятельно ходить. Покойный дедушка (отец мужа скончался за пару месяцев до ареста) был очень привязан к ребенку и вообще к нашей семье, так как Роберт — его единственный сын. И телеви-

зор, и видеомагнитофон были куплены для больного внука дедушкой, о чем на допросах указали и я, и родные Роберта. Ребенок не имеет возможности выходить во двор, чтобы общаться со сверстниками. Единственное его утешение в жизни — телевизор и видеомагнитофон. Ребенок целыми днями сидел дома, смотрел свои любимые детские фильмы и видеозаписи учебных программ (сын в 8-м классе — учеба дается ему только путем упорных занятий). Арест отца, а затем и его любимых вещей сильно отразились на здоровье мальчика, который теперь передвигается только на костылях...»

* * *

«Главному военному прокурору Советской Армии — зам. Генерального прокурора СССР генерал-лейтенанту юстиции Катусеву А. Ф.

Направляется для рассмотрения по принадлежности поступившее из секретариата сессии Верховного Совета Армении заявление гр. Армагяня В. А. о необъективном ведении следотделом КГБ Союза ССР следствия по обвинению ее мужа... необоснованном привлечении к уголовной ответственности за взятничество, аресте и др. вопросах.

Первый заместитель прокурора Армении, старший советник юстиции (подпись) Г. М. Хачатрян. 20.08.90 № 13/347-90».

Из беседы с Г. М. ХАЧАТРЯНОМ.

— *Георгий Мкртычевич! Не замечаете ли вы странноватую в своей определенности тенденцию: за последние годы все чаще уголовные дела наших соотечественников попадают в ведение следственных отделов КГБ республики и страны?*

— В 117-й статье Уголовно-процессуального кодекса Армении четко указано, по каким «приметам» то или иное ЧП расследуется соответственно сотрудниками прокуратуры, МВД или КГБ. Хотя в нынешней должности я работаю два месяца, по инициативе прокурора республики мы провели тщательную «инвентаризацию» пока только прошлогодних дел, которыми занимались (и занимаются) следователи республиканского КГБ. Как выяснилось, следуя тому же УК, ими чаще всего должны были заниматься отнюдь не местные чекисты, а их коллеги в МВД или прокуратуре. Смеем предположить, что подобная практика царила (и царит) также на общесоюзном уровне.

— *Не считаете ли вы, что многие, так сказать, «экспортные», уголовные дела, берущие начало здесь, в Армении, должны рассматриваться правоохранительными органами республики с учетом недавно провозглашенной Декларации независимости?*

— Вы, безусловно, правы. Видимо, после заключения нового союзного договора территориальный принцип судебной системы наконец-то восторжествует не на словах, а по существу. Суверенитет — понятие конкретное. Что касается армян — граждан нашей республики (и среди них Джангирян), мы не вправе позволять принимать какие-либо решения об их судьбах за спиной компетентных специалистов Армении. Тем не менее время от времени — в зависимости от развития политической ситуации — сюда десантируются отряды следователей, юристов, прокуроров... Значит, нам не доверяют? А как же наш суверенитет?

Из письма В. Армагяня народному депутату СССР Г. Старовойтовой:

«... Через неделю автомашина «Жигули», также купленная отцом мужа и подаренная Роберту для больного сына (о дарственной имеются соответствующие документы), обманным путем была вывезена из гаража и арестована следственной группой полковника Демцова В. И. А в протоколе записано, что «машина выдана в присутствии и с добровольного согласия Армагяня В. А.». Подпись под протоколом меня заставили поставить также обманным путем! В результате жестоких действий следственной группы младший сын в течение всего учебного года не имел возможности нормально посещать школу. В течение трех месяцев нашу квартиру обыскивали, вещи описывали, меня и родных Роберта допрашивали. Я работаю преподавателем физики в средней школе. Как отразилось пережитое на моей работе, Галина Васильевна, Вы сами понимаете...»

Из беседы с генерал-лейтенантом КГБ в отставке М. А. ЮЗБАШЯНОМ, бывшим председателем КГБ Армении (1976—1989 гг.), кавалером шести советских, трех иностранных орденов и знака «Почетный сотрудник госбезопасности».

— *Мариус Арамович, что вы можете сказать о Джангиране, который более 20 лет проработал в республиканском КГБ?*

— На моих глазах он вырос от рядового сотрудника до начальника подразделения. Как профессионала я его ценю высоко. По роду нашей

работы мы виделись довольно часто. Насколько помню, за прошедшее время мы вынесли Роберту два замечания — у кого их не бывало? Но они не связаны со злоупотреблениями служебным положением или извлечением личной выгоды. Что касается его человеческих качеств, я всегда отмечал честность, доброту, интеллигентность и мягкость Джангирияна.

— Будучи руководителем армянских чекистов, вы вместе с ними пережили очень тяжелые последние годы, включая пору зарождения и самотверждения карабахского движения. Как чувствовали себя вы и ваши подчиненные в то время?

— Ничуть не лучше, чем остальные соотечественники. Мы ввели следующий порядок: ежемесячно один-два раза собирался весь личный состав (за исключением дежурных на местах), предоставляли всем без исключения возможность выговориться, задать руководству вопросы. Роберт, как и его коллеги, активно выступал за скорейшее решение карабахской проблемы конституционным путем, без кровопролития.

Подобные ЧП, как арест Джангирияна, всегда неожиданны. Сразу подумал, что речь идет, видимо, о задержании ради выяснения каких-то обстоятельств. Мне трудно было тогда, да и сейчас, поверить, что Роберт мог стать на преступный путь. В моих глазах это никак не вяжется с его личностью...

* * *

Днем 21 сентября 1990 года только что утвержденный в составе нового правительства Армении председатель республиканского КГБ У. Арутюнян, несмотря на занятость, уделил примерно полчаса В. Армагянян. Я присутствовал при этом предельно доверительно разговоре. И могу засвидетельствовать: жене Р. Джангирияна пообещали ходатайствовать о переводе «дела» из ведения следотдела КГБ СССР в Главную военную прокуратуру, хотя и безо всяких гарантий положительного решения этого вопроса.

* * *

Из беседы с начальником второго отдела Госагропрома Армении В. АВЕЛЯНОМ, полковником КГБ в отставке (до весны прошлого года он руководил подразделением, которому подчинялось отделение Р. Джангирияна).

— О чем вы подумали, узнав о его аресте?

— Сперва сильно удивился, засомневался, что Роберт совершил какое-либо преступление. Когда он работал под моим началом, я никогда не мог заподозрить, что Джангириян увлечен темными делишками. Позже сработал стереотип: раз взяли, значит, в чем-то грешен. Хотя я и вынужден был покинуть КГБ Армении, вера в нашу организацию была и осталась у меня навсегда. Наконец, до сих пор недоумеваю, что ни один следователь по этому делу не удосужился побеседовать со мной. Более того — мне неизвестно, в чем же конкретно обвиняется наш опытный сотрудник. А пользоваться слухами не в моих правилах.

— Ваша отставка произошла вскоре после утверждения нового председателя республиканского КГБ, Валерия Бадамяна, командированного из Москвы, насколько догадываюсь по его акциям, для «нейтрализации» набравшего излишнюю — по «диагнозу» Центра — силу карабахского движения. Но ему прежде всего, вероятно, предстояло разобраться с «пятой колонной» сочувствующих. Я, например, не могу исключить, что за стенами этого грозного учреждения трудилась смельчачи — и среди них Джангириян, — мыслящие совсем иначе, чем этот вновь прибывший хозяин самого большого кабинета на четвертом этаже мрачного здания по ереванской улице Налбандяна.

— Я это начисто отрицаю. Если речь идет о конкретной информации, предоставляемой в высокие инстанции Москвы и Еревана, то она, поверьте, была объективна. Что касается оценок, рекомендаций и прогнозов относительно тех жарких дней, это совершенно отдельный вопрос.

Действительно, Джангириян, другие его коллеги активно приветствовали карабахское движение. Он постоянно открыто негодовал: в то время когда в соседней республике открыто нарушаются конституционные права армян, мы сидим сложа руки, почитывая центральные издания, безответственно искажавшие чуть ли не все происходившее в Армении и Арцахе. Кроме всего прочего, у Роберта в столице НКАО, Степанакерте, живут близкие родственники — они нередко созванивались.

— По-моему, в республиканском КГБ, как и в окружающем его обществе, обсуждались разные варианты разрешения карабахского тупика. Известно ли вам, какую позицию отстаивал Роберт?

— С одной стороны, нас обуревал патриотизм, с другой — мы понимали, что КГБ в первую очередь отвечает за порядок по стране. Помню, как один из руководителей местных чекистов внушал, что «дашнак» в устах армянина должно звучать синонимом «фашиста»...

Те из коллег, кто родился в Азербайджане, Арцахе, имел там родных — напомню, среди них и Роберт, — были настроены радикально, стремясь побыстрее решить карабахскую проблему. Мы, местные — в том числе и я, — считали, что вопрос воссоединения армянского народа поднят преждевременно, без должной пропагандистско-психологической подготовки населения соседних республик. Это могло бы избежать трагических кровопролитий, беспочвенных обвинений, арестов лидеров и активистов карабахского движения.

Из письма В. Армагянян народному депутату СССР Г. Старовойтовой:

«... В течение первых трех месяцев я не имела никаких сведений о Роберте. Жив ли, здоров ли? И только в январе с.г. я получила первое письмо от мужа, полное отчаяния. Мои же письма пропадали без вести. Первое свидание с ним мне разрешили через полгода после ареста. А сейчас, несмотря на мои молебны, Никифоров (руководитель следственной группы. — Г. К.) не разрешает свидание с мужем ни под каким предлогом. Дети по состоянию здоровья не могут приехать в Москву — тоска по отцу стала для них невыносимой...»

Из беседы с народным депутатом СССР, членом Верховного Совета страны Г. С. ИГИТЯНОМ.

— Генрих Суменович, я мог бы перечислить многих членов комитетов «Карабах» и «Круик», других известных наших соотечественников, которые прошли через нечто подобное, а ныне заседают в республиканском парламенте. Еще длиннее список их соратников и единомышленников, среди которых — бывший разданский прокурор Марат Исханян, полгода безвиноно проведенный в Лефортове по прихоти следственного отдела КГБ СССР, сейчас он — ответственный работник республиканской прокуратуры. Роберт Джангириян по тому же «сценарию» более года находится без суда в том же изоляторе... Мне известно, что вы в курсе «дела» майора КГБ Армении.

— Прежде всего, я солидарен с вашими размышлениями. Второе. В Москве я достаточно содержательно общался с его адвокатом. Третье. У следователей, насколько понимаю, нет явных доказательств, подтверждающих предъявленное обвинение.

Из письма В. Армагянян народному депутату СССР Г. Старовойтовой:

«... Мои многочисленные жалобы в высшие инстанции СССР остаются безрезультатными. Ответы на них, как близнецы, похожи друг на друга. Они, как бумеранг, возвращаются в следственный отдел КГБ СССР к Никифорову А. Г. по цепочке: сессия Верховного Совета страны — Главная военная прокуратура — следотдел КГБ СССР... Уважаемая Галина Васильевна! Умоляю Вас, разберитесь в этом весьма сомнительном деле, и тогда картина сей незаконности прояснится в полном объеме... Обращаюсь к Вам с последней надеждой. Имея сама слабое здоровье, вырастить двух больных сыновей я одна не в состоянии. Спасите нашу семью от беззакония и произвола следственных органов КГБ СССР!»

* * *

В октябре коллегия Прокуратуры СССР с «подачи» следотдела КГБ страны продлила срок «пребывания» Р. Джангирияна в Лефортове еще на полгода. Поэтому я считаю своим долгом опубликовать предварительные результаты моего журналистского расследования и обратиться с ними к народным депутатам СССР (в первую очередь — О. Калугину, Г. Старовойтовой и Г. Игитяну), Комитету и Комиссии по правам человека соответственно Верховных Советов России и Армении, обществу «Щит». Ко всем, кому дорого это понятие — «права человека». И я оставляю за собой право вести начатое журналистское расследование до финальной точки, по мере поступления новых сведений, откликов и материалов, связанных с «делом Джангирияна».

Москва — Ереван

От редакции. Когда этот материал готовился к печати, нам стало известно, что народные депутаты СССР и РСФСР Г. Старовойтова, Г. Игитян, О. Калугин, В. Уражцев и некоторые другие направили депутатские запросы в связи с «делом Джангирияна» в Комитет Верховного Совета СССР по законодательству, Прокуратуру СССР, Главную военную прокуратуру СССР и КГБ СССР.

НОВОСЕЛЬЕ ПО-СОВЕТСКИ

(РАССКАЗ О ВСЕЛЕНИИ УЧЕНОГО ХЛОПОВА В НОВУЮ КВАРТИРУ)

...Одна дверь уже была взломана. В другую вгрызлся коловорот, лязгало железо, на пол сыпались опилки. Человек пятнадцать столпились вокруг и ждали. Чуть в стороне стоял капитан милиции и наблюдал за тем, что происходило.

Потом мужчины, отложив инструменты, налегли плечом. Несколько секунд слышался лишь страшный хруст ломаемого дерева. Наконец дверь медленно начала открываться.

Первым в темный коридор шагнул милиционер. Он же предупредил: «Спокойно! Входят посетители общественной. Надо бегло посмотреть, есть ли документы, вещи, ценности. Будем составлять акт».

В полумраке мерцала фольга на импортных конфетах. Алыми и золотыми огнями светилось содержимое бутылочек. Пачка «Мальборо» лежала на столе. «А это что, телефоны?» — «Нет, дистанционное управление. Одно для телевизора, другое — для видео».

Зажгли свет. «Боже мой, магнитофонт какой!» — «Обратите внимание, даже лампочка в торшере «Made in France». — «Людмила, не смотри с завистью на чужие шкафы. Лучше начнем все пересчитывать и переписывать». — «Макс, ты бы себе хоть мебель оставил».

Так пятого ноября доктор наук Максим Юрьевич Хлопов входил в свою собственную квартиру.

Заглянули в кухню, огромную, как гараж. В холодильнике обнаружили очередную россыпь баночек, бутылочек, коробочек, пакетиков иностранного происхождения. В кабинете — книги с непонятным шрифтом, русско-греческий словарь. «Ясно, квартира использовалась как валютная гостиница. Жил здесь, значит, грек». В спальне милиционер нагнулся над небранной постелью, заглянул в ящики: «Мне тоже не очень-то приятно в этом копаться. Но надо же узнать, кто здесь живет, документов — ни одного».

Но вот все три комнаты, кухня, кладовка, балкон исследованы. Атмосфера приключения, детективная приподнятость исчезают. Депутаты Фрунзенского райсовета садятся за стол, раскладывают бумаги, начинают составлять опись имущества.

«При вскрытии квартиры номер 25 были обнаружены: телевизор «Грюндиг». Светильник настольного типа. Две вазы...»

Самые сосредоточенные и серьезные здесь дети. Мальчик лет двенадцати перебирает магнитофонные кассеты: «Десять, одиннадцать... пятнадцать, подождите... восемнадцать...»

— Считаю, милый, а то потом твоему папе за все платить придется. Куртка мужская утепленная...

Папа, Максим Юрьевич Хлопов, ходит по комнате, курит. Свои, естественно, сигареты, не «Мальборо». «Вот мой ордер, — объясняет он мне. — На обратной стороне вы можете прочесть, что это — единственный документ, который дает право на владение жильем. Тем не менее начальник РЭУ-4 Свиридова отказалась прописать меня и выдать ключи».

— Вещи мужские носильные, — доносится из спальни. — Две монеты достоинством в одну копейку каждая. Одна иностранная монета...

— В паспортном столе по этому адресу никто не прописан, — продолжает Максим Юрьевич. — В компьютерной системе при жилищном фонде данных о квартире номер 25 вообще нет, точно ее и вовсе не существует в природе. В то же время вот уже три года за нее исправно вносятся квартплата. Выяснилось, что ордер на эту квартиру был выписан Управлением делами ЦК КПСС. Согласно жилищному кодексу РСФСР ордер может быть выписан только на конкретного человека, а не на организацию. Право на квартиру есть только у меня, и я наконец решил его реализовать. Пригласил народных депутатов, милицию, представителей общества мно-

годетных «Семья». Мы дали телефонограмму в Управление делами ЦК, предупредили о наших действиях. Они не отреагировали...

—...Записывайте, еще четыре пачки кубинских сигар. Сейчас, товарищи, вы видите переход реальной власти к Советам. Максим, для тебя теперь главное — прочно здесь обосноваться. Тащи чемоданы, узлы. Ночевать обязательно будешь в этой квартире.

— А там и грек появится, — добавляет кто-то.

— Грека я не боюсь, — рассуждает Хлопов. — С ним я по-человечески смогу договориться. Вот с теми, кто его сюда поселил, будет сложнее.

Грек появился через полчаса. Сначала в общей сутолоке его никто не заметил. Потом все стихло.

В комнате стоял загорелый, седой, глубоко зарубежный человек. Он шел в свой хоть и расположенный рядом с улицей Горького, но все же такой уютный, красивый, зарубежный мир, так надежно спрятанный за двумя дверями хорошего дома. Вместо этого ему пришлось войти в коридор, усеянный газетами и опилками. Дверной косяк измочален, висят щепки. Громко плачут дети. Матери в платках и пальто их успокаивают. Из комнаты в комнату ходят люди, утопая в клубах дыма...

Объяснение было мучительным и долгим. Гражданину Греции (хорошо знавшему русский язык) рассказывали, что такое советское жилищное законодательство. Он отвечал, что пришел к себе домой. «Госрасценка, ордер, прописка, РЭУ, адресный стол», — объясняли ему. «Я больной, я приехал отдохнуть!» — отвечал он на эти слова, совершенно незнакомые тому, кто вырос в капиталистическом мире. «Посмотрите на вещи и удостоверьтесь, все ли цело», — просили его. «Куда я пойду сейчас, куда?»

— Вам не надо никуда уходить, — убеждали его депутаты. — Только пока-

жите ваши документы. А то мы не знаем, кто вы.

— Я тоже не знаю, кто вы, — сказал грек, и это была правда. Обе стороны предъявили документы, после чего господин Янис Мавромматис, президент фирмы «Век», заявил, что он коммунист, 21 год сидел в тюрьме, но никогда ничего подобного не видел, и, убежав к себе в кабинет, дрожащей рукой стал крутить телефонный диск.

В гостиной отодвинули в угол стола иностранные конфеты, орехи и «Мальборо». Рядом с ними легли предметы советской роскоши — колбаса в оберточной бумаге, полинявшие конфеты «Муза», пакет молока. До тех сигарет, тех конфет боялись даже дотронуться пальцем.

Прошло несколько часов. Много народу посетило квартиру 25. Пришли представители греческой фирмы вместе с переводчиком и вызвали легкое смятение, когда один из них налил себе вина из бутылки, которая уже была внесена в опись как полная. Заглянула девица по имени Ольга, отличившаяся тем, что попросту отобрала у Хлопова его драгоценный ордер и держала его за корсажем в течение часа, пока ей не объясни-

ли, что это глупо. Приехали депутаты Моссовета. Выяснилось, кстати, что плата за проживание в квартире, превращенной в гостиничный номер, вносилась в валюте (квартирлата за месяц составляет семь рублей шестнадцать копеек). Пришел и Николай Александрович Муравлев, инструктор Управления делами ЦК КПСС.

Вечер переходил в ночь. По четвертому, пятому, седьмому кругу шел один и тот же разговор.

— Стыдно, товарищи, стыдно, — говорил Муравлев.

— Это вам должно быть стыдно, — отвечали депутаты. — На каком основании вы устроили здесь гостиницу?

— Соблюдайте закон! Товарищ Хлопов должен покинуть квартиру!

— Это вы должны соблюдать закон! Ордер выдан на его имя. Он здесь живет!

— Здесь живет гражданин Греции.

— Вот мы сейчас позвоним и выясним, на каком основании он здесь находится.

— Я вас очень прошу, не делайте этого! По-человечески прошу. Вы действуете незаконно.

— Это вы действуете незаконно!

Наступает тишина. За окном лают собаки, воеет мусороуборочная машина.

— И все-таки, — в очередной раз начинает Муравлев, — я прошу вас оставить квартиру.

Разговор начинает идти по пятнадцатому кругу. Максим Юрьевич Хлопов сидит на диване, курит. Мне становится его жалко. Вокруг милиционеры, греки, впереди неизвестность. «Как у вас настроение?» — осторожно спрашиваю я.

Он неожиданно улыбается: «Как у новосела! Вы знаете, как я жил до этого? Проходная комната в коммунальной квартире. Пятнадцать метров, сырая. Санэпидемстанция давно признала ее непригодной для жилья. У меня жена, трое детей. Вот так впятером в одной комнате мы и существовали. А мне же работать надо! Я вот сейчас думаю, где здесь кабинет устроить. Как вы считаете?»

...В эту ночь в квартире номер 25 спали: Максим Юрьевич Хлопов, постовой Василий Васильевич, депутат Моссовета Кузин и шофер фирмы «Век» Саша, с которым Максим Юрьевич очень подружился.

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

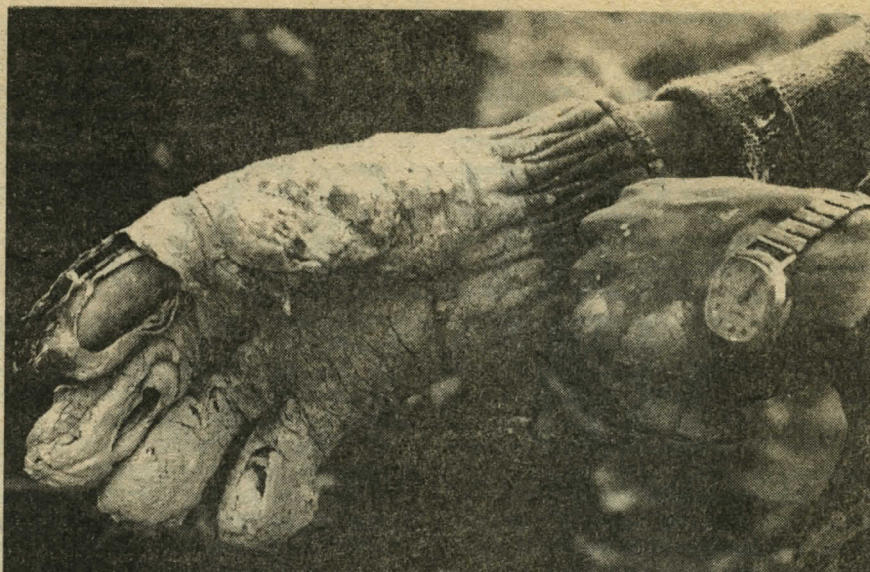

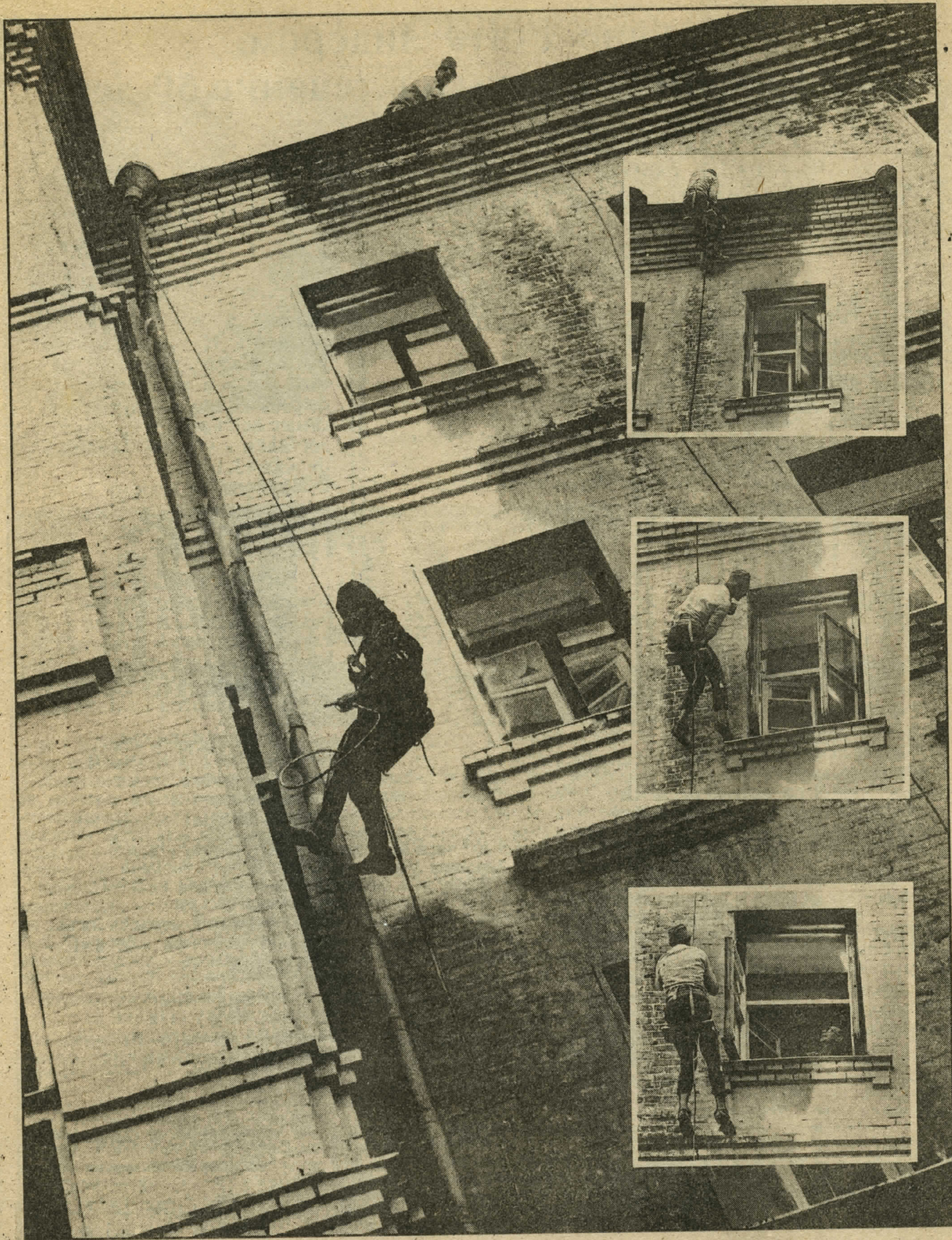
фото Ю. Штукина

МАЛЯРЫ

Фоторепортаж Э. Кудрявицкого и
Ю. Штукина.

**Фасад нашей жизни
должен всегда блистать...**

1
2
3
4
5
6
7
8
9

Трудно стать лидером. Труднее им оставаться в течение 50 лет

Наши машины копируют документы.
Конкуренты копируют наши машины

Компания «Ксерокс» не перестает удивлять мир совершенством своих машин, создаваемых с помощью самых современных технологий... и того духа здорового научного авантюризма, который привнес в компанию Честер Карлсон, открывший ксерографию 50 лет тому назад.

Customer Satisfaction
«Удовлетворение заказчика»

Эту программу фирма взяла на вооружение в начале 1980-х годов. Интересы заказчика стали основной заботой всех, от президента до рабочего. Потребовались ломка психологии и перестройка структуры. Весь персонал прошел переподготовку на курсах «Лидерство через качество».

Результаты не замедлили сказаться: повысились качество и надежность оборудования, снизилась его себестоимость. Последние годы фирма получила возможность

В 1989 г.:

Президент Буш вручил фирме «Ксерокс» приз за качество Malcolm Baldrige National Award

Фирма «Рэнк Ксерокс» получила британский сертификат качества Quality Assurance Certification

Журнал Sales & Marketing Management признал службы сбыта, маркетинга и техобслуживания фирмы «Ксерокс» лучшими в отрасли

более полно применять этот принцип в СССР.

25 лет на советском рынке

Фирма «Ксерокс», а точнее ее британское отделение «Рэнк Ксерокс», уже 25 лет поставляет в СССР копируемые машины. В стране их давно называют «ксероксами», по имени фирмы. Машины «Рэнк Ксерокс» побили все рекорды долговечности,

надежности и экономичности. На советском рынке расходуемые материалы и запчасти фирмы «Рэнк Ксерокс» самые дешевые, стоимость доставки в Москву самая низкая (3,1%). Оборудование можно получать со склада фирмы в Москве сразу же после оплаты контракта.

Фирма создает в стране совместные предприятия разного профиля, но ее главная задача — довести уровень сервиса своего оборудования в СССР до своих стандартов на Западе.

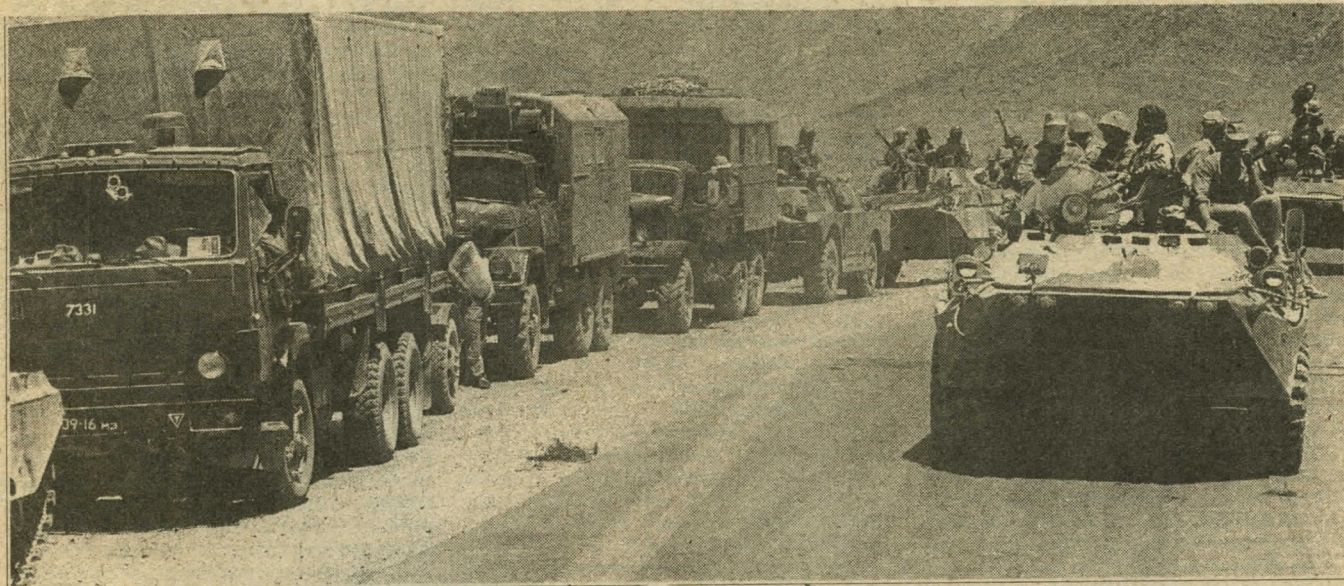
Если усилия фирмы увенчаются успехом, то через несколько лет она сможет предложить первоклассный сервис во всех регионах страны, пользователи машин «Рэнк Ксерокс» смогут через агентские организации получать за рубли бумагу, расходуемые материалы и запчасти.

Пока же фирма продает оборудование за свободно конвертируемую валюту и индийские рупии.

RANK XEROX

117049 Москва
4-й Добрынинский пер., 6/9
Тел. 237-68-42 и 237-68-52
Телекс 413139 RX SU
Телефакс 230-27-28

252025 Киев-25
Велика Житомирська, 33
ТПП УССР
Тел. (044) 228-27-62
Телефакс (044) 228-27-04

«ОБЪЕКТ № 1 ЛИКВИДИРОВАН...»

Из афганского дневника полковника Евгения ЧЕРНЫШЕВА

В № 1 журнала «Столица» мы опубликовали два рассказа участников событий в Кабуле в декабре 1979 года. Они были услышаны автором — ныне майором КГБ в отставке — весной 1980 года и воспроизведены им по памяти. Как и всякие вторичные данные, этот материал, разумеется, не мог быть свободен от неточностей и субъективных оценок. Но поскольку другой информацией о тех событиях редакция не обладала, а официальные круги, вначале с гневом опровергавшие «слухи», затем застыли в гордом молчании, публикацией данной версии мы решили пригласить к разговору других участников событий. И выразили готовность предоставить страницы журнала «любвым свидетелям событий в Кабуле в декабре 1979 года, как желающим подтвердить, так и стремящимся опровергнуть приведенные данные, как способным выступить под собственной фамилией, так и не рискующим это сделать».

Публикация была замечена общественностью, и не только советской, но и зарубежной. Ее прокомментировала радиостанция «Свобода». Но официальные структуры — КГБ, МИД, Министерство обороны — никак не отреагировали на данный материал. Поэтому большой интерес вызвал у нас дневник полковника запаса Советской Армии Е. В. Чернышева, который он любезно предоставил редакции. Евгений Владимирович был одним из тех, кто принимал активное участие в декабрьских событиях в Афганистане. Позже он отредактировал свои записи и дополнил их фактами, которые получили подтверждение.

Предлагаем читателю выдержки из этого дневника.

16 декабря 1979 г. (воскресенье). С утра мы втроем, я — полковник Евгений Владимирович Чернышев (Главное управление боевой подготовки Сухопутных войск — ГУБП СВ), подполковник Игорь Михайлович Березин, майор Андрей Дмитриевич Иванов (оба — оперативное управление Сухопутных войск — ОУ СВ), получаем от начальника ОУ СВ генерал-лейтенанта Артемьева краткий инструктаж, из которого нам стало известно, что в понедельник должны вылететь в Кабул и там поступить в непосредственное подчинение главного военного советника (ГВС)...

17 декабря (понедельник). В Главном управлении оформили заграничные паспорта. В кассе Аэрофлота приобрели билеты. Цели командировки не выяснили. Никто ничего не мог сказать...

Вечером за мной заехала черная «Волга». Понеслись в Шереметьево...

Визы в наших паспортах не было, но пограничник, созвонившись со своим начальством, пропустил нас без виз... Странно, как много пассажиров — наших женщин и детей — все в

дублинках. Куда они летят? Зачем? Там же опасно, разворачивается война.

18 декабря (вторник). Самолет Ту-154. Мерный гул двигателей убаюкивает. За иллюминаторами — ночная тьма. Летим на Ташкент. Вспоминаются события последних месяцев, связанные с Афганистаном.

В августе Главком Сухопутных войск генерал армии И. Г. Павловский улетел в Афганистан. В его группу входили и наши офицеры: полковник Р. Г. Дуков, В. Я. Доценко и Л. К. Котляр, которых персонально отобрал туда с собой генерал-полковник В. А. Меримский. В

октябре вся группа генерала армии И. Г. Павловского вернулась. У нас в ГУБП СВ с интересным анализом выступил генерал-полковник В. А. Меримский. Офицеры рассказали, как организовывали и лично участвовали в боевых действиях правительственных войск против душманов. Удалось освободить несколько провинций, несмотря на инертность правительственных войск, которые неохотно шли на боевые действия с мятежниками. К тому времени, когда офицеры об этом рассказывали, почти все освобожденные районы вновь оказались во власти душманов.

Полет к Ташкенту длился около пяти часов. Продолжаю вспоминать рассказы офицеров об их личном участии в боевых действиях. Генерал-полковник В. А. Меримский привлек всех советников войсковых частей. Насколько неохотно правительственные войска шли на боевые действия с мятежниками, говорит хотя бы тот факт, что один из командиров батальона команду идти в атаку дал лишь после того, как Меримский вытащил пистолет и угрожающе предупредил, что пристрелит его, если тот не выполнит приказа на наступление. Рассказ Р. Г. Дукова о жестокостях. Такой эпизод. Около полутора сотен пленных душманов долго сидят на земле, пекутся на солнце со связанными назад руками, оправляются под себя. Командиру дивизии сказали, что нехорошо так содержать пленных. Когда дивизия ушла вперед, пленных оставили на месте и всех расстреляли.

Еще один примерный рассказ Дукова вспомнился. И. Г. Павловский в резиденции у президента Тараки после его возвращения с Кубы и из СССР. Ведут с Тараки беседу о том, что нужно как-то примириться с Амином на пользу общего дела. Тараки звонит Амину, говорит ему, что у него Павловский и Пусанов, приглашает Амина для совместной беседы. Через некоторое время на входных ступенях ре-

зиденции раздаются выстрелы. Тараки удивленно спрашивает, что там происходит. Выясняется следующее. Автомобиль с Амином подвезал к резиденции. Амин с телохранителем стал подниматься по ступеням. Вдруг из-за колонн выскакивают двое с автоматами и открывают огонь. Телохранитель сражен, Амин берет его на руки, патетически заявляет, что это так не пройдет, садится в машину и уезжает. Примирительная беседа не состоялась. Амин срочно собирает пленум и рассказывает о неудавшемся покушении на него. Пленум отстраняет от всех постов Тараки. Через пару дней, где-то 15–16 сентября, объявляется, что Тараки заболел и находится в больнице.

Потом через 3–4 недели узнали, что в больнице он скончался. Хафизулла Амин становится лидером Афганистана. Кто он? Чей сторонник? Чего будет добиваться? Видимо, дивизии в Термезе и Кушке готовятся к вводу по его просьбе для борьбы с душманами. Значит, мы Амина поддерживаем.

...Самолет пошел на снижение. Серый Кабул в громадной чаше среди высоких гор. Сверху домики показались маленькими, приплюснутыми, а где же люди живут? Круг над городом. ТУ-154 приземлился и подруливает к зданию аэропорта. В иллюминаторы видна большая группа мужчин с букетами цветов. Они встречали жен и детей.

Березин нашел своего бывшего начальника генерала П. Г. Костенко, первого заместителя главного военного советника. Но и ему не была известна цель нашего прибытия.

Нам отвели комнату в гостинице (жилой блочный дом, в котором несколько квартир — гостиничные). В ней останавливались отпущенники из провинции перед убытием в Союз или по возвращении из отпуска.

День проходит в ожидании. Пытаюсь найти советника по боевой подготовке афганской армии полковника Августа Сергеевича Рыкова,

бывшего моего сослуживца и начальника. Но он оказался в отпуске.

19 декабря (среда). 9.00. Нам передают распоряжение ГВС уехать в пункт управления (ПУ) с вещами и находиться там. Забираем чемоданы, садимся в машину. Начальник штаба аппарата везет нас на ПУ.

Комната для работы оперативной группы (ОГ). Несколько столов для операторов и оперативного дежурного. На них оперативные карты, выносные телефоны от радиостанций, находящихся на территории. Они обеспечивают связь с советниками, находящимися в провинциях при командирах частей.

Телефонная со звукоизоляцией будка. В ней телефон для связи с Москвой через космос. В углу городской телефон. Это для связи через коммутатор со штабом ГВС, находящимся в жилом комплексе, и с советниками командиров частей кабульского гарнизона. Дежурный переводчик может связаться с любой организацией города.

Лицевая часть комнаты ОГ стеклянная, что обеспечивает хороший обзор в сторону стадиона и всего сада. Через нее выход на площадку к бассейну и в конце площадки по лестнице вниз. С площадки просматривался проспект Абдуллы Ансара, за ним — «Радио Афганистан» и в непосредственном соседстве с ним — посольство США. Бассейн без воды.

Прибыл генерал-полковник Салтан Кекезович Магомедов, главный военный советник. Мы ему представляемся. После короткой беседы определяет задачи: мне быть постоянным оперативным дежурным вместе с полковником Владимиром Петровичем Севериным, Березину и Иванову подключиться к группе генерала Е. С. Кузьмина. Для этого ли нас срочно направляли сюда? Ничего не понятно.

Прибыли два наших офицера. Командир батальона СПЕЦНАЗ майор Халиб Тотжебаевич Халбаев и его заместитель. Одеты в афган-

ЛИКИ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ

Фото В. Сварцевича

ские шинели (балахуши). Очень озабоченно беседуют с главным. Потом выясняю. Батальон в 2.00 9 декабря прибыл из Союза на аэродром Баграм на двадцати двух АН-22 и тридцати двух АН-12.

Неделю батальон находился на аэродроме в Баграме. Накануне ночью, 18 декабря, батальон проследовал через город и сосредоточился в холмах за резиденцией Амина.

Днем двое солдат батальона, туркмены или узбеки, вышли к казармам афганской охраны. Афганские солдаты, увидев советских солдат, увели их к себе в казарму, и они пару часов находились там. Этот факт встревожил ГВС: о чем они там говорили? Командир батальона придерживался мнения, что солдаты ничего лишнего не сказали.

Мне непонятно, что такого лишнего могли солдаты сказать? Только позже я узнал, что батальон предназначался для захвата дворца Амина и ликвидации его самого. Эту задачу он выполнил вечером 27 декабря. ГВС опасался, что руководство ДРА разгадает этот замысел.

20 декабря (четверг). Из вечерних и утренних донесений, записанных в журналах донесений ОД, составляется оперативная сводка. В разных районах страны душманы совершали нападения на малонаселенные пункты, грабили их. В ответ высылались подразделения афганской армии. Медлительно и долго они собирались и, когда, наконец, подходили к населенному пункту, душманов там не заставали. Иногда солдаты сами старались поживиться нехитрым крестьянским скарбом. При встрече с сильным противником иногда подразделения, прибывшее на помощь населению, частично или полностью переходило на сторону душманов. Коротко дается общая политическая обстановка. Идем в подвальное помещение в столовую завтракать.

Прибыла разведрота на десантных машинах БМД (боевая машина десантная), расположилась по периметру на территории ПУ. Машины постарались замаскировать растительностью. Командир роты старший лейтенант Попов получил задачу охранять и, если понадобится, оборонять пункт управления.

В течение дня изучал армию ДРА.

В создавшейся политической обстановке афганская армия могла, безусловно, противодействовать мятежным формированиям. Но военной силы для ликвидации мятежников, конечно, было недостаточно. Такое противоборство может растянуться на много лет. К тому же в армии и в руководстве нет единства...

21 декабря (пятница). День прошел в обычном режиме...

Привыкаю к мысли, что дивизии, развернутые в Кушке и Термезе, будут вводиться в ДРА, а мы, видимо, будем их «тянуть» на себя. По некоторым данным, их там продолжают комплектовать и готовить.

22 декабря (суббота). ГВС приглашает меня в маленькую комнатушку. Включает транзисторный приемник на всю громкость и шепотом обращается ко мне. Ничего не пойму. Наконец, разбираю примерно следующее: напротив американское посольство. Оттуда они могут прослушивать нас. Поэтому надо пресекать все несущие разговоры, ничего не разглашать. Я принял это указание к исполнению, но не понял, какие разговоры надо пресекать, о чем речь.

23 декабря (воскресенье). Начальник штаба аппарата ГВС ставит меня в известность, что президент страны Хафизулла Амин ведет политику на разрыв с Москвой и сближение с США. В стране имеются патриотические

силы, которые выступают против него. Наше правительство решило им помочь. В страну будут введены советские войска для оказания помощи патриотическим силам. Создана группа генералов и офицеров для обеспечения проводимых мероприятий. Показал список из 21 фамилии, в том числе мосей, Березина и Иванова.

Приступили к подготовке мероприятий. Лица, включенные в особый список, закрепляются за конкретными объектами, подлежащими или захвату (генштаб, дворец Амина, «Радио Афганистан», аэропорт и др.), или блокированию (афганские войсковые части: 7-я, 8-я пехотные дивизии, 4-я, 15-я танковые бригады, военное училище, парашютно-десантный полк, полк «Командос» и др.). Мне поручалось поддерживать связь с аэропортом, 4-й, 15-й танковыми бригадами, контролировать подготовку захвата «Радио Афганистан».

С советниками 4-й и 15-й танковых бригад и с аэропортом установил телефонную связь. «Радио Афганистан» напротив, в прямой видимости. Овладеть им будет разведрота Попова, охраняющая сейчас наш ПУ.

Иду в разведроту. Командир роты выстроил личный состав, должник. Я представляюсь личному составу. Объясняю поставленную перед ротой задачу. Проверяю вместе с экипажами готовность боевых машин. Отмечаю недостатки и даю время на их устранение.

На ПУ ко мне подходит похожий на афганца мужчина. Представляется, майор из ведомства Иванова. Он также ответственный за захват «Радио Афганистан». Сам из Баку. Я там служил несколько лет. Разговорился. Человек приятный. Живет около «Радио Афганистан», имеет возможность наблюдать за его территорией. Знакомлю его с командиром разведроты.

24 декабря (понедельник). К середине дня в комнате ОГ собирается основное руководство: заместитель посла, генерал-лейтенант КГБ Иванов, ГВС генерал-полковник Магомедов, первый заместитель командующего генерал-лейтенант Гуськов. Озабоченное ожидание. Наконец звонок из Москвы. Все ехрываются в будке. Через несколько минут выходят. Облегченно вздыхают: все, наконец, решение принято, можно действовать.

Видимо, звонил министр обороны Устинов. В этот день он поставил главнокомандующему задачи о вводе войск в ДРА.

С этого времени работа уплотняется. На ПУ прибыла группа от ВВС во главе с полковником Скидановым. Их задача — вести учет прибывающих транспортных самолетов и докладывать в Москву.

25 декабря (вторник). Транспортные самолеты продолжают прибывать всю ночь и весь день с интервалом в 4–5 минут. Из одного и того же направления, из-за гор, появляется еще различимая точка. Она быстро увеличивается вместе с нарастающим гулом, доходящим до рева над самим городом. Горожане, задирая голову, с интересом наблюдают за самолетами. Офицеры-афганцы спрашивают у своих советников, что это означает? Им поясняют, что для афганской армии везут боеприпасы и оружие. Они понимающе улыбаются.

Из Термеза и из Кушки двинулись 108-я и 5-я мотострелковые дивизии. Первая из них движется на Кабул. Вторая — на Кандагар.

Правительство ДРА затребовало объяснений. Начальник генерального штаба генерал Якуб запросил ГВС. К нему поехали ГВС со своим заместителем Петром Григорьевичем Костенко. Они повезли главный аргумент — карту Кабула с окрестностями. На ней были

обозначены места, в основном вокруг Кабула, которые займут советские подразделения для его охраны и обороны от душманов. Интересно, вначале войска ввели, а потом правительству стали давать объяснения, что, мол, выполняется их просьба. В городе в это время распространяются слухи о якобы ожидающемся нападении «братьев-мусульман» и других враждебных групп. Видимо, это убедило руководство ДРА в искренности намерений советского руководства. Не могли же они допустить, что на глазах у всего цивилизованного мира советские руководители расправятся с ними таким грубым образом.

Через пару часов вернулся ГВС с заместителем. Оба были довольны. Их объяснения приняты. В течение всего дня самолеты продолжают прибывать. Самолет совершает посадку, его отгоняют с полосы, освобождая ее для очередного самолета, и быстро разгружают. Затем по другой полосе он уходил в очередную рейс.

Конец дня. На аэродромах нарастает количество войск и грузов. Население к гулу самолетов привыкает.

26 декабря (среда). Личный состав разведроты во главе с командиром, переодевшись в гражданскую одежду, выходит в город на разведку подступов к «Радио Афганистан». С ними пошел наш резидент. Они изучили прилегающую к «Радио Афганистан» территорию, расположение охраны, определили места для засад гранатометчиков, позиции взводов и каждой БМД.

Военные советники командиров частей кабульского гарнизона собраны на совещание. Им поставлена задача: завтра, 27 декабря, остаться в частях на ночь, организовать ужин с подсоветными (для этого им выдано спиртное и кое-что из съестного) и ни при каких обстоятельствах не допустить выступления афганских частей против советских войск.

Переброска 103-й воздушно-десантной дивизии завершена. Подразделения скучены на аэродромах. 5-я мотострелковая дивизия достигла Шиндада и там остановлена.

Провожу проверку окончательной готовности разведроты...

27 декабря (четверг). Кабул живет обычной жизнью. Оживленные торговые ряды, многолюдные улицы. Жители не знают, что сегодня переломный момент в их истории. Дружеские советские войска освободят их от нынешних правителей и предложат других. Интересно: развернутся на этих улицах бои или все обойдется более или менее благополучно?

Сегодня короткий предвыходной день. Офицеры афганской армии после обеда разойдутся по домам. В середине дня открылось торжественное собрание в связи с какой-то годовщиной. Кто-то из высоких партийных руководителей выступал с докладом, который транслировался по радио.

Продолжают распространяться слухи о готовящихся со стороны «братьев-мусульман» нападении и резне.

Объявлено время «Ч» — 21.00 по кабульскому времени (19.30 — по московскому, такая тогда была разница во времени).

Около 15.00 советники стали докладывать, что к их подсоветным по телефону обращается заместитель начальника политуправления армии с призывом вызвать всех преданных партии офицеров на службу. Руководство ДРА и командование армии охватило беспокойство. Многие офицеры действительно стали возвращаться в свои части. Начальник генерального штаба генерал Якуб со своими офицерами остался в штабе и призвал их к бдительности.

Звонил Варенников. Интересовался, в какое время темнеет. Доложил, что в 16.30 уже будет темно. Активно заработала группа КГБ во главе с генерал-лейтенантом Ивановым. Прибыли незнакомые лица. На некоторых были надеты бронежилеты. На столы поставили радиотелефоны для связи с оперативными группами, которым предстояло действовать в городе. Доложили, что две машины с радиоаппаратурой для подавления (глушения) работы радиостанций иностранных посольств прибыли и готовы к работе.

В пятом часу уже стемнело. Поступила команда о переносе времени «Ч» на полтора часа назад — на 19.30 (по кабульскому времени). На пульте управления действовало две точки управления: одна наша постоянная, оперативного дежурного, другая — в соседней комнате десантников. Она — основная. Ею пользовались генерал-полковник Магоматов, генерал-лейтенант Иванов, генерал-лейтенант Гуськов.

18.20. Раздается глухой, но сильный и близкий взрыв. Городской телефон умолк. Взрвана телефонная станция.

Разведывательная рота выстроилась в колонну головой к КПП.

Из Баграма доложили о начале выдвижения колонны. Глядя на карту, мысленно представляю город, его улицы и движение по ним наших подразделений.

Основной колонне предстояло пройти по центральной трассе между нами и «Радио Афганистан», мимо посольства США. Колонны приближаются. Скоро услышим их гул.

18.30. К «Радио Афганистан» отправилось отделение гранатометчиков. Скрытно занимают намеченные позиции. Слышится нарастающий гул приближающейся колонны.

Двинулась на выход из ПУ разведрота. Головная БМД сбивает шлагбаум, приводя в удивление афганских солдат, дежуривших на КПП, выскакивает на улицу, резкий поворот влево, на полной скорости вылетает на центральную улицу, сбивает такси. За головной несутся остальные БМД роты.

Раздаются выстрелы гранатометчиков. В ответ — одиночные выстрелы. Вспыхивают пулеметные очереди. Тупо стучат тяжелые пулеметы.

Появляются первые машины главной колонны, не задерживаясь, они мчатся по центральной улице мимо нас.

Началась акция, которая впоследствии встретит весь мир.

На ПУ свет мы выключили. Передняя стена верандного типа из стекла. Обзорение хорошее. Мы, кроме того, выходили наружу на площадку. Оттуда хорошо наблюдается «Радио Афганистан» и несущиеся по центральной улице боевые машины. На территории «Радио Афганистан» шла бешеная стрельба. Густые трассы перечерчивали все пространство. Раздался сильный взрыв, затем еще несколько. Появилось зарево. Сильные взрывы продолжались.

«Радио Афганистан» обороняли танковая рота (10 танков Т-62) и пехотный взвод.

Наблюдая с площадки, я понял, что взрываются боеприпасы в двух танках, подожженных нашими гранатометчиками. Охрана «Радио Афганистан» обороняется, ведет ответный огонь, однако танкисты к своим танкам допущены не были.

Движение нашей колонны по городу можно было наблюдать по звукам выстрелов. Вдоль всей трассы, пересекавшей Кабул из конца в конец, находились объекты захвата. С подхо-

дом к ним наших подразделений вспыхивала стрельба и небо перечерчивалось трассами пуль. Афганская охрана везде уже была готова к ответному огню.

Первыми доложили советники 4-й и 15-й танковых бригад — подполковник Виктор Николаевич Плицкий и майор Леонид Филиппович Еньков. Они сообщили, что к КПП прибыл батальон десантников на БМД. Все офицеры и солдаты-афганцы там. Братаются с советскими солдатами. Экссессов нет.

На «Радио Афганистан» стрельба утихает. Продолжают взрываться в горящих двух танках боеприпасы. Потом и взрывы прекращаются.

Сильная стрельба разгорелась в районе генерального штаба. Особенно сопротивляются в здании мобилизационного управления.

Из динамика раздалось: «Береза», «Береза», я — «Береза-один», срочно пришлите хирурга, срочно пришлите хирурга, ранен в горло наш полковник». Посылать было некого.

В дальнейшем выяснилось следующее. В генеральном штабе и во дворце Амина после обеда все обедавшие офицеры и охрана почувствовали сильное недомогание и сонливость. Во дворце испугались и вызвали из госпиталя советских врачей. Во дворец поехал терапевт, полковник медицинской службы. В момент, когда началось «мероприятие», он находился внутри дворца. Наши спецназовцы влетали в помещения и поливали автоматным огнем. Одна пуля досталась полковнику. Она попала ему в горло, и он через некоторое время умер.

Из динамика донеслось: «Береза», «Береза», я — «Береза-один», я — «Береза-один», объект № 1 ликвидирован, объект № 1 ликвидирован. Продолжаем выполнять дальнейшую задачу».

Объектом № 1 значился президент Хафизулла Амин. Была выполнена самая главная задача, о чем тут же было доложено в Москву.

Стрельба продолжалась в районе генштаба. Там же полыхало пламя, отражаясь красным заревом в мрачных тучах кабульского неба. В отдельных местах города раздавались беспорядочные выстрелы.

Где-то в одиннадцатом часу вечера на ПУ появляются двое. Один из них обращается к нам с просьбой дать сопровождающего на «Радио Афганистан». Вызвались двое. Они уехали. Вернувшись через некоторое время, рассказали, что, когда они вошли в здание, их аллодисментами приветствовали сотрудники радиостанции, выставив портрет Тараки. Кроме того, товарищи сказали, что на территории радиостанции кучи трупов афганских солдат.

Мы с нетерпением ожидали и, наконец, услышали голос «Радио Афганистан». Всех находящихся на ПУ крайне интересовал вопрос, кто же будет вместо Амина? Кроме меня, Березина и Иванова, т. е. нашей оперативной группы, остальные давно работали в ДРА, знали наперечет всех афганских политических деятелей, спорили между собой и гадали, кто же вместо Амина? И не могли определить преемника. Такого на данный момент просто не существовало. Личностей не было. Наиболее сильной личностью, как возможный преемник, был начальник генерального штаба генерал Якуб. Однако он был настроен антисоветски.

Рассказывали, что 27 декабря Якуб остался в генштабе и вызвал туда офицеров штаба. Их поголовная сонливость встревожила его, и он призвал их к бдительности. Когда началась стрельба и десантники ворвались в штаб, Якуб

руководил обороной. В первых ворвавшихся десантников стрелял из пистолета, но был ими убит. О чем по радио было доложено.

Два переводчика сидели у присмика. Наконец стали передавать правительственное сообщение. Заговорила магнитофонная запись, которую отвезли на «Радио Афганистан» те двое. Наши переводчики ошарашенно сообщили, что выступает Бабрак Кармаль. Мне это имя ни о чем не говорило. Но товарищи разъяснили, что это глава «парчамовцев», противник «хальковцев» Тараки и особенно Амина. Был одним из главных лидеров Афганистана, Тараки отправил его послом в Чехословакию. В период поездки Тараки на Кубу Амин вызвал его в Кабул, но тот не подчинился. После этого имя Бабрака упоминалось в средствах информации как предателя и американского агента. В обществе о нем установилось мнение как о предателе, бежавшем в Америку. И вдруг, Бабрак — новый президент!

28 декабря (пятница). К полуночи в основном все было закончено. Стрельба утихла. Дело сделано. Однако повсюду поступали доклады о наших убитых и раненых. Здесь проявился явный просчет в хорошо продуманной операции. Не было развернуто медицинское обеспечение, не было медицинских сил и средств. Обезжали дома, где жили семьи советников. Собирали их жен, которые имели отношение к медицине. Собирали всех в поликлинику. Туда свозили раненых и убитых. Их было больше сотни. Некоторые были завернуты в простыни, пропитанные кровью. Им оказывали первую помощь, увозили в госпиталь.

Доклады советников были обнадеживающими. Гарнизон Кабула смещение Амина воспринял одобрительно. Во многих казармах солдаты рвали портреты Амина, доставали спрятанные портреты Тараки и вывешивали их.

...Стало известно, что в Кабул прибыл Бабрак Кармаль и формирует новое правительство. Его обращение к афганскому народу еще раз повторили.

В афганской армии известие о том, что новым президентом стал Бабрак Кармаль, вызвало резко отрицательную реакцию. От советников стали поступать тревожные сообщения о намерениях некоторых командиров выступить против нового президента. О том, что кандидатура Бабрака была трагически неподходящей, всем станет ясно потом. Бабрак был «парчамовцем». Большинство их сидело в тюрьмах, а командовали в армии в основном «хальковцы». С приходом к власти «парчамовцев» ожидали репрессий.

Поступил доклад от советника 8-й пехотной дивизии. Командир дивизии, услышав по радио Бабрака, решил выступить против советских войск. Угроза была реальной и слишком опасной. Такое выступление дивизии могли поддержать и другие колеблющиеся части, а выход ее на улицы Кабула означал большие жертвы, кровопролитие и непредсказуемый результат.

Наши легкие БМД с пулеметным вооружением устоять против танков, конечно, не могли.

Около двух часов велся трудные переговоры с командиром дивизии. Его предупредили, что если он попытается вывести дивизию, то она будет уничтожена с воздуха на выходе из расположения. Командир дивизии утверждал, что пришедшие к власти «парчамовцы» с ним расправятся. С большим трудом его убедили, что он останется на своем посту. (Через несколько дней он был снят с должности и посажен в тюрьму.)

На ПУ доставили трех арестованных членов

правительства. Их поместили в конце бассейна под площадкой, где имелись душевые и парилка. На ночь их там заперли. Днем им выносили стулья, на которых им разрешалось сидеть на площадке, греясь на солнце. Охранял их наш автоматчик. По моей инициативе им носили еду из солдатского котла. Они выражали полную готовность сотрудничать с новой властью, видимо, надеясь на пост.

Стало известно, что некоторые члены свергнутого правительства предлагают свои услуги новому руководству ДРА.

В районе дворца Амина продолжала держаться бригада охраны. Наши спецназовцы оказались в окружении бригады охраны, а они, в свою очередь, окружены нашими десантниками. Наши артиллеристы вели огонь. Звуки артиллерийских выстрелов раздавались над городом. В соседней комнате у радиостанции полковник из штаба военно-десантных войск принимал доклады от командиров, действующих у дворца. Из динамика раздавалось: «Береза, я — «Береза-четыре», «Береза, я — «Береза-четыре», дайте команду артиллеристам прекратить стрельбу, они же бьют по своим».

Попытки полковника остановить стрельбу артиллеристов успеха не имели. Трудно было связаться с артиллеристами. Где-то через час командир десантников взмолился: «Береза», да прекратите же стрельбу артиллеристов, уже разбили наш БТР». Однако еще около часа артиллерийские выстрелы раздавались. Где-то около двух часов все утихло. Остатки бригады охраны разбежались.

В 14.00 доложил по телефону в Москву: на 14.00 имеется убитых 30 человек, из них офицеров — один, и раненых 128 (офицеров — один). Данные по сотрудникам КГБ сюда не включались, они мне были неизвестны.

Во второй половине дня из провинций начали поступать сведения об отрицательной реакции на обращение нового президента.

29 декабря (суббота). Стало известно, что около 1200 мятежников движутся в сторону Кабула.

На севере обстановка резко ухудшилась. 31-й пехотный полк окружен мятежниками. Из Ханабада и Тулукана донесений нет. Есть опасения, что они захвачены противником. Видимо, батальон там перешел на сторону мятежников. Все артиллерийские системы выведены из строя. Командование 20-й пехотной дивизии проявляет пассивность. Из генштаба в дивизию никаких команд не поступает.

В Кабул прибывают части 108-й мотострелковой дивизии.

В районе населенного пункта Калакан (30 км севернее Кабула) в 14.00 обстреляны солдаты 181-го мотострелкового полка, беседовавшие с мирными жителями. 4 солдата убито, 2 ранено.

На этом мы прервем дневниковые записи полковника Евгения Владимировича Чернышева. Далее в них подробно описывается начало гражданской войны, спровоцированной вводом в Афганистан советских войск. Иностранная интервенция сплотила разношерстные силы оппозиции и племенных формирований. «И хотя части Советской Армии вначале пытались воздерживаться от участия в военных действиях, — говорит Е. В. Чернышев, — они тоже затем оказались втянутыми в эту междоусобицу».

Началась кровавая драма, которой суждено было длиться долгие девять лет...

ПОДЛИННАЯ РУМЫНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — ВПЕРЕДИ

КОГО ЖЕ СПАС ФРОНТ НАЦИОНАЛЬНОГО СПАСЕНИЯ?

Румынские события, в результате которых в декабре прошлого года пала диктатура Чаушеску, на несколько недель приковали к себе внимание миллионов людей во всем мире. Когда неожиданно перешедшая на сторону восставшего народа армия решила исход борьбы, многие в стране и за ее пределами полагали, что с диктатурой покончено навсегда и после затянувшейся ночи наступает долгожданный рассвет.

С тех пор советские средства массовой информации не уставали убеждать нас в том, что при всей противоречивости бурных процессов в Румынии она встала на путь экономических и политических реформ и успешно идет по нему. Так ли это? Действительно ли в стране происхо-

СЕГОДНЯ, спустя год после так называемой румынской революции, можно сказать, что новое румынское правительство не выполнило тех обещаний, которые давало. И дело тут не в трудностях, а в том, что оно и не собиралось выполнять их.

Итак, что же это были за обещания? В первую очередь правительство поклялось, что не будет продолжать практику коммунистического строительства и заложит основы общества западного типа, главными чертами которого будут политический плюрализм и рыночная экономика. Кроме того, оно обещало, что не только не будет сдерживать оппозицию, но, наоборот, позволит ей стать естественным элементом румынского общества. К сожалению, в советской прессе, которая уделяет немало внимания событиям в Румынии, не пишут, что все эти заверения так и остались на бумаге.

Нагляднее всего отсутствие изменений проявляется в сфере экономики. Достаточно привести только один пример. Если раньше, во времена Чаушеску, средняя заработная плата составляла всего 70% от полагающейся суммы, то сейчас — всего 60%. (То есть остальные 40% просто не выплачиваются.)

дят принципиальные изменения? На эти вопросы в нетрадиционной для нас трактовке отвечает журналист Атила Ара-Ковач.

По национальности он венгр. Родился в Румынии (в Трансильвании) в 1953 году. Получил философское образование. В 1981—1983 годах выпускал первый румынский самиздатский журнал «Злленпонтак» на венгерском языке. (Самиздат в Румынии существует только на венгерском языке.) В 1983 году он был арестован и выслан из страны. Сейчас Атила Ара-Ковач живет в Будапеште, где занимается редакторской и журналистской деятельностью.

Для того чтобы подавить недовольство, правительство прибегает как к методам прямого террора, так и к откровенно демагогическим «патриотическим» призывам. Тем, кто со все возрастающим возмущением наблюдает за падением и так невысокого жизненного уровня, за тем, как страна проедает последние запасы, говорят, что виной всему — отсутствие ресурсов и корыстное отношение Запада. Таким образом, новые власти винят в своих собственных грехах все тот же режим Чаушеску, а также и без того сто раз проклятые западные страны.

Страна, которая на протяжении десятилетий жила в условиях политической диктатуры, почти не способна осуществить либерализацию экономики. Реформы осложняются еще и тем, что Румыния и прежде была в значительной степени изолирована от мирового рынка, осуществляла свою экономическую политику без учета интересов других стран и даже в ущерб им. Именно нежелание и психологическая неготовность сотрудничать с другими государствами на равноправной основе вызывают серьезные сомнения в способности Румынии осуществить радикальные экономические реформы.

Для подтверждения этого вывода достаточно привести высказывание одного из инициаторов создания Фронта национального спасения Сильвиу Брукана: «Западная Европа с удовольствием поставила бы Восточную Европу в такое положение, в каком находится Латинская Америка по отношению к Соединенным Штатам. Поэтому мы, румыны, сохраним предопределяющую роль сильного государственного сектора, который не позволит рынку набивать исключительно карманы богатым». Это высказывание звучит тем более странно, что Румыния рассчитывает на экономическую помощь со стороны Запада. Одним из объяснений такой противоречивой позиции может служить именно нежелание руководства отказаться от политики самоизоляции, унаследованной от Чаушеску. Те же «рыночные» законы, которые принимаются в стране, есть не что иное, как чисто пропагандистский жест в сторону Запада, не влекущий за собой никаких серьезных последствий.

Скорее всего, максимум, на что готово пойти правительство, — это продолжать политику крупных займов. Бухарест рассчитывает на них, поскольку внешняя задолженность страны невелика. Однако отдача от займов в условиях самоизоляции будет чрезвычайно низкой. А это означает, что страна вряд ли получит доступ к современной технологии, без которой невозможно решить экономические проблемы.

Таким образом, Бухаресту удалось лишить себя оздоравливающего воздействия достижений Запада. Но вот влияние соседней Венгрии, успешно идущей по пути реформ, избежать оказалось труднее. Многие в Румынии, а особенно трансильванские венгры, стремятся использовать возможности, которые дает открытость венгерской экономики, и создать подобные условия у себя. Несмотря на то, что появившиеся в последние месяцы многочисленные частные предприятия чрезвычайно бедны, несмотря на то, что они задыхаются в условиях недостаточного рыночного окружения и несовершенных законов, — несмотря на все это, они существуют и могут создать основу для будущего, вырастающего из плановой экономики общества.

Но именно это и пугает власть предрежущих. И чтобы подавить еще в зародыше реальные новые экономические отношения, они не брезгают никакими средствами, вплоть до разжигания национальной вражды между венграми и румынами.

Фото из архива

На этом фоне не стоит удивляться тому, что правительство вступило в открытый сговор с экстремистскими организациями фашистского толка. Главная цель такого союза — возвращение страны к единообразию и уравниловке плановой экономики. Для достижения этой цели прибегают к разжиганию националистических — антивенгерских — настроений. Сегодня уже не так важно, на какой почве вырастает этот национализм — на чисто экономической (т.е. в данном случае коммунистической) или же на почве возрождения старых румынских фашистских движений, в первую очередь «Железной гвардии» и ее неонацистского варианта «Вятра Романеска». В любом случае результат очевиден, тем более, что старые фашистские идеи и традиции румынского коммунизма прекрасно уживались и во времена Чаушеску, поскольку сходились на идеях абсолютного равенства — экономического, языкового, национального, культурного, — создаваемого распоряжением сверху.

И переворот, осуществленный в декабре прошлого года, был по сути путчем военных, напуганных подлинно революционными событиями в Тимишоаре.

Румынская армия, первоначально приступившая к расправе над бастующим народом, неожиданно встала на сторону восставших, свергла Чаушеску и впоследствии свалила вину за все преступления на обещанную тайную полицию — сесуритате. Та не заставила себя ждать и в свою очередь переложила ответственность на неких иностранных агентов, подкрепляя свою версию тем, что «румын в румына не стреляет».

Конечно, такая версия не лишена оснований: зарубежные агенты вполне могли быть причастны к румынским событиям, учитывая, что диктатура десятилетиями отучала народ от самостоятельного решения жизненно важных проблем.

Утверждение о причастности зарубежных агентов, конечно же, требует подтверждений. Вот те из них, которыми я располагаю. Мне самому довелось наблюдать за развитием столкновений в г. Клуж из окон гостиницы «Трансильвания» в компании двух, с виду совершенно безучастных, советских граждан. И лишь через несколько недель я узнал тайну этих странных незнакомцев. Один из клужских офицеров в ответ на мой вопрос, насколько не смутизшись, ответил как будто мимоходом: «Советских товарищей выделил нам Бухарест. И, насколько мне известно, во всех более-менее важных местах находились подобные наблюдатели». К сожалению, я не могу с уверенностью сказать, были ли эти люди только наблюдателями или же на них были возложены функции советников.

Этот клужский эпизод вспомнился мне позже в Бухаресте во время майских парламентских выборов, когда один из молодых руководителей оппозиционного Фронта национального спасения сил сообщил мне о существовании видеопленки с записью телефонных разговоров между Бухарестом и Москвой во время декабрьских событий. Позже я слышал об этом от многих и даже видел распечатанный текст этих пере-

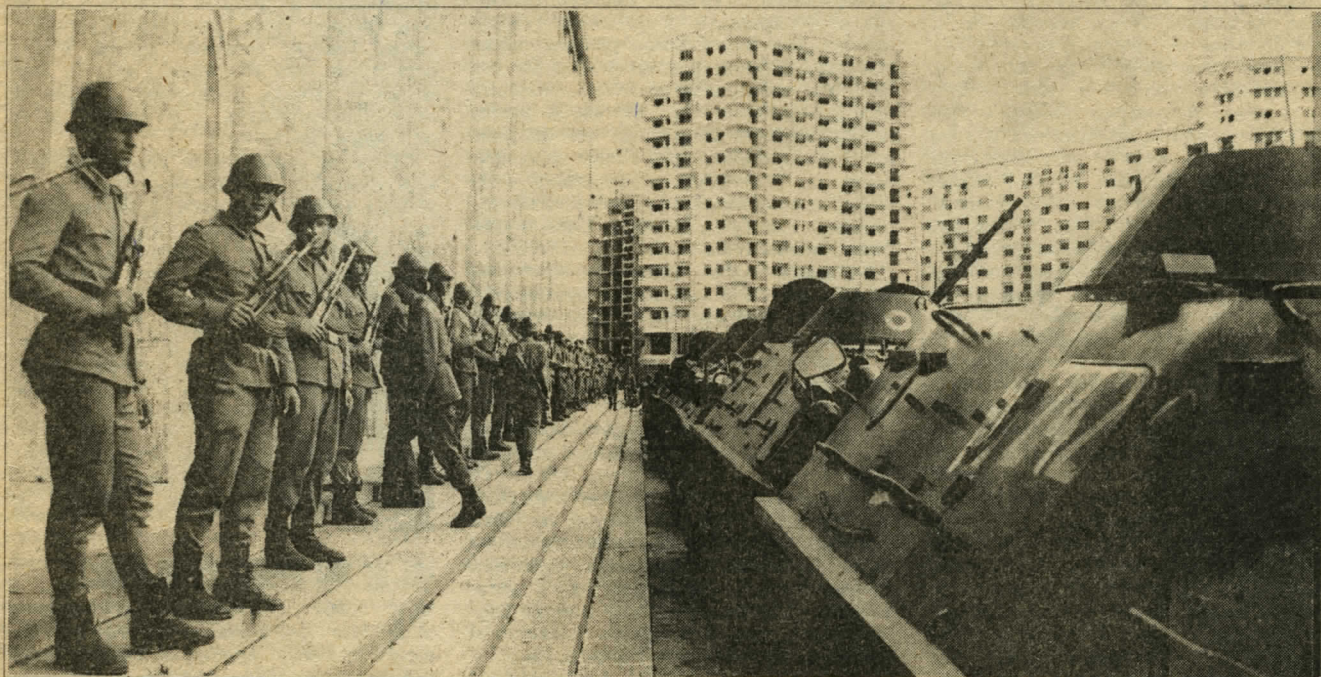
говоров. Из него однозначно следует, что Фронт и лично Илиеску 22 декабря 1989 года получали московские указания. Более того, хорошо информированные источники утверждают, что Илиеску прибыл в здание румынского посольства — генеральный штаб путча — прямо из советского посольства. Но самые ценные сведения дал мне бывший румынский партийный руководитель, венгр по национальности, Янош Фазекаш. Он в подробностях рассказал о том, как еще несколько лет назад под прямым контролем Москвы проходила разработка сценария будущего путча.

Несмотря на ценность всех этих «мелких» фактов, главное, из чего следует вывод о том, что вместо революции в Румынии произошел путч, — это противоречие между революционными обещаниями новой власти, данными в декабре прошлого года, и последующей полной реставрацией старых порядков. Наиболее ярко это проявляется в попытках новой власти переоценить, а точнее, скомпрометировать начавшиеся в Тимишоаре революционные события.

Исходя из этого, сегодняшняя румынская оппозиция считает, что подлинно революционные события происходили с 17 по 22 декабря. Их политическим выражением стала тогда Тимишоарская декларация. Однако после 22 декабря, оправившись от первого потрясения, румынская армия, виновная в кровавых расправах над собственным народом, взяла инициативу в свои руки и стала спасать коммунистический режим. А затем осуществила переворот. Таким образом, сместив Чаушеску, она спасла старую систему, которая держится на всемогущей тайной полиции. Но в марте из Тимишоары пришла новая революционная декларация. Она могла повлиять на исход майских выборов, которые, казалось, гарантировали победу Илиеску. Внешне демократические, эти выборы были призваны, по мысли генералов, укрепить и узаконить коммунистический по своей сути режим. Для этого Фронт национального спасения прибег тогда к помощи авангарда румынского фашизма — организации «Вятра Романеска», считающей, что «европейская мысль» служит только расколу Румынии. В противовес «чужеродной европейской» тимшоарской декларации, призывавшей к подлинно демократическим переменам, Фронт вместе с «Вятрой» организовал 19 марта венгерские погромы в Трансильвании.

В результате 20 мая 1990 года более 80% румынских избирателей проголосовали против демократии и сотрудничества с Европой, обеспечив тем самым будущее системе, которую удалось не свергнуть 22 декабря 1989 года.

Конечно, объективные исследования в будущем позволят определить, чьими руками в действительности была осуществлена реставрация. Но уже сегодня можно с уверенностью сказать, что те силы, которые не удовлетворены таким развитием событий, не будут дожидаться результатов этих исследований. Скорее всего, они, пусть даже и ценой больших жертв, завершат то, что еще и не начиналось, — подлинную румынскую революцию.

ДОГОНЯТЬ ДОГОНЯТЬ

ДИ ДИ

Америку? Америку?

«ДЕФИЦИТ» — СЛОВО СОВЕТСКОЕ

— **А** КАКОЕ у вас там, в Москве, пиво?
Нет, надо мной никто не хотел посмеяться на том, на другом краю планеты. Просто любопытство...

Мы сидели на Гарвард-сквер, на площади, лучше которой в Америке я так и не нашел. Пуп моей новой вселенной, откуда расходится сетка меридианов. С одной стороны — здания лучшего в Новом Свете университета, где мне предстоит провести целый год. Или — лучшего в мире? Я выиграл конкурс и стал стипендиатом самых престижных в этом Свете — или в мире — журналистских курсов Нимена (причем, кстати, самым первым победителем из своей далекой евроазиатской страны), и эта стипендия дала мне право и возможность заниматься по собственному выбору любимыми предметами, от китайской грамоты до киномастерства, и называться «Нимен-фэллоу», что звучит очень гордо.

С другой же стороны площади помещается ресторан с баром, где всегда свыше 150 сортов пива. Излюбленное пристанище гарвардских студентов и профессоров. Кто-то из нашей компании потягивает «Хайнекен», кто-то — легкий «Сэмюэл Адамс», изготавливаемый по старой новоанглийской традиции, а я — ирландский «Гиннесс». Черный, бархатный, с узкой полоской светло-желтой пены, которая не растворяется до самого конца, так и уходит на дно бокала. Причем, если напишешь спичкой по пене пару букв или слово, оно тоже не разойдется, пока его цедишь, растягиваешь удоволь-

ствие. В мои студенческие годы недурное пиво такого типа делали и у нас — «Московское», «Портер», «Двойное золотое»... Только вопрос не об этом. Сейчас-то что пьют? Меня возвращают к тому, о чем лучше забыть, ведь и к хорошему, и к плохому привыкаешь быстро. Что же, отвечу как есть.

— А какое, — говорю с мужским прямодушием. — Пиво в продаже бывает редко. По крепости, в сравнении с этим, просто вода. Вкус? Какая разница, когда его нет, любому радуешься. Вы бы его пить не стали, однако, — уж слишком оно напоминает мочу. Но нас о вкусах не спрашивают. Сорта? Да кто бы смог их различить! Два, три? Когда пиво привозят — о, счастье! — в розлив и на улице выстраивается длинная очередь, название никого не волнует. Пиво и есть пиво. Только дай...

Слушают молча, удивления никто не высказывает. Ни сочувствия братского... Понимаю: приняли за шутку. Решили, сочиняю.

Ну а я, будучи на их месте, поверил бы? Что в столице сверхдержавы нет пива? Никакого?

Все время разговор заходит о дефиците, и приходится объяснить, что это такое.

Например, сигарет, говорю, когда я вылетал из столицы, в Москве не было никаких, одни папиросы оставались. Что такое папиросы? Объясню разницу... Потом, правда, обнаружил, что в магазинчике «Миниз корнер», на той же Гарвард-сквер, есть в продаже «Казбек». В Греции... то есть на Гарвард-сквер — все есть!

В ту пору я еще не мог знать, что через какое-то время в Москве начнут продавать, баночками, «туберкулезные» окурки. Пресса США по этому поводу помалкивала, наша тоже, так откуда мне было узнать. Но если бы и узнал, поверили бы мне американцы? В этой стране курильщик не может допустить, даже при самом смелом воображении, чтобы отсутствовал в продаже излюбленный им сорт сигарет, сигар, трубочного табака... Среди многих десятков сортов всегда есть и тот, что ему нужен, ведь от «чужого» — кашель, дискомфорт... Один не может отсутствовать — из многих! И — ни одного, никакого?!

Столь же недоверчиво воспринимались мои рассказы о «книжном голоде». Об убогом рынке пластинок и магнитофонных кассет (из каталога Шванна я узнал, что в США сейчас находятся в продаже и доступны любому 18 тысяч наименований музыкальных записей). О том, что нельзя купить школьную тетрадь, что пропадают шариковые ручки. Что пустых нет кассет! Уже не говоря о телевизорах, о видеокамерах и воспроизводящих фильмы видеоустройствах... Как мы можем обходиться без этого хлеба культуры? Страна великих музыкантов, композиторов, актеров, Большого театра с прославленным балетом... Быть не может.

ЧТО ЖЕ ОНИ ВООБЩЕ ЗНАЮТ О НАС?

Н АША ПРОБЛЕМА состояла в том, что к правде об Америке нашему человеку пробиться было бесконечно трудно. Ведь цензура распростра-

ялась не только на сведения о нашей жизни. Об американской жизни тоже нельзя было писать и печатать правду. О том, как богата Америка, ее люди — прежде всего. Ни книг, ни прессы...

Уайденер лайблери, моя университетская библиотека, занимает огромное здание. (Кстати, и она — не одна, здесь, в Гарварде, библиотек предостаточно.) К материалам — открытый доступ; целый зал выкладкой последних номеров газет и журналов из СССР, множество названий, все есть. Есть каталоги компьютерные, новинки все идут через электронную память, но за прежние десятилетия — карточки в ящиках.

Я имею некоторое понятие о том, что до сих пор содержит наши библиотечные «спецхраны». Могу заверить читателя, что никогда мы не получим в руки ту литературу о себе, что доступна, без всякой дискриминации, любому в том, другом мире. Наши источники, даже когда они целиком попадают в общее хранение, никогда не дадут полной картины, они случайны, разрозненны, бессистемны... В Америку попали многие наши архивы, здесь собрано все, что когда-либо печаталось на территории России, как бы она ни называлась, без пропусков, изъятий, выданных страниц — периодика, книги, брошюры... И то, что когда-либо публиковалось про нас — в окружающем нас мире.

Море, которое нельзя вычерпать, вся пресса и все те многочисленные исследования ученых, где описана, кажется, любая деталь нашего бытия, каждый факт нашего прошлого и настоящего. Чтобы познать себя, надо съездить в Америку!

Да, в этой стране есть все, и доступность ее богатств, в данном случае книжных, потрясает. Почему же, имея все это под рукой, они нас плохо знают?

Всего сотня метров от «Гарвард бустор», книжного магазина, в витрине которого — великолепная подборка новинок о последних событиях в СССР и странах Восточной Европы (книги тут пишутся быстро — и выходят в считанные дни). Перестройка и гласность со всех точек зрения, глазами историков, экономистов, социологов, наших и американских, эмигрантских, европейцев, мемуары, а уж в самом магазине — переводы классиков, современные наши писатели, книги по искусству...

И есть ученые, великолепно знающие нашу страну. Я познакомился с Робертой Ридер, дважды приглашавшей меня выступить перед ее студентами, рассказать о том, что происходит в СССР. Знал, что она автор ряда публикаций о нашей культуре, поэзии, кино. Потом узнаю: только что вышел полный Мандельштам, на двух языках, параллельные тексты, подготовленный сию к печати... Выступал и в знаменитом Русском исследовательском центре, подружился с несколькими исследователями оттуда... Потом завязал такие же связи с Украинским центром, выступал и там, встречался с приезжавшими туда в командировку киевлянами, львовянами и, естественно, с американскими учеными украинского происхождения, видел их исследования.

Но кто в Америке видит эти книги? Почти никто. Знакомство с Россией в

основном ограничивается фильмом «Доктор Живаго»; книгу Пастернака — и то читали относительно немногие.

За прошлые годы список фильмов о России, увиденных буквально всеми, пополнился только одним названием — «Маленькая Вера». Хотя один советский фильм! Винить некого, надо делать хорошие ленты, способные выдержать трудные требования коммерческого проката. А ведь в киноархивах, в фондах библиотек — сотни, тысячи названий картин советского производства, закупленных американцами для тех, кому захочется их посмотреть. Практически любой мало-мальский интересный фильм — есть. Эх, нам бы так! Но кто их видит в Америке? Про нас люди знают очень, очень мало.

СКАЗКА ПРО БЕЛОГО МЕДВЕДЯ

ПРАВДА, незнание незнанию рознь.

Сколько себя помню, читал в статьях и книгах о США, написанных советскими авторами, такую подозрительно одинаковую историю. Встретился, дескать, я с людьми, пригласили меня на лекцию, а там меня спрашивают: «Правда ли, что в России по улицам ходят белые медведи?» И еще: «Существует ли у вас семейная жизнь? В газетах пишут, что у вас женщины национализированы, а браков нет». И ведь каждый автор повторял эту сказку про белого медведя. Лгал, покупая, верно, право ездить и дальше.

На самом же деле в Америке слышишь другое. Например:

— Куда нам до вашей системы здравоохранения! Ваша — бесплатна, для всех, а у нас ведь есть и незастрахованные, как им при такой дороговизне лечиться?

— Нам нужно перенять у вас систему среднего и высшего образования. Ваша школа готовит по-настоящему интеллигентных людей, дает великолепное образование, особенно по математике и естественным наукам, она демократична... А у нас — частные школы хороши, конечно, но где взять деньги на оплату обучения в них наших детей, а общественные готовят болванов, и дикий отсев, и полно функционально неграмотных... Хулиганство, преступность, наркомания, разврат, все пороки — в школах!

— Я был в России и видел: у вас нет попрошайек, бездомных, люди не роются в отбросы... Вы ликвидировали безработицу и нищету, у всех есть жилье, пусть скромное... Наше же общество такое несправедливое! Взять хотя бы ночующих на улицах бездомных, это же позор Америки!

— Алчные корпорации захватили власть в Америке, они диктуют нам свои законы, сделали из нас бездумных потребителей, выхолостили духовную жизнь. Мы можем только мечтать о таком развитии высокой культуры, как в вашей стране... А во что превратили нашу жизнь автомобильные компании? Атмосфера отравлена, вместо дикой природы — кругом автотрассы, исполосованное тело страны, машины вытесняют людей, нскуда их ставить, все время «пробки» на улицах, нет дешевого, эффективного общественного транспорта, как у вас. Вы-то взяли правильный ориентир!

Об этом говорили мне с полной убежденностью в любой аудитории люди весьма образованные. Многие в самом деле побывали у нас в стране. Они не шутили! Они в это верили!

Задолго до того, как я смог впервые увидеть США, я слышал из уст знаменитого американского экономиста Джона Кеннета Гэлбрайта такую сентенцию:

— Вы спрашиваете меня, сможет ли СССР догнать США? Отвечаю: не надо нас догонять, заклиная вас, не надо! Во что, к примеру, превратил Америку автомобиль, на какое рабство обрек, и как счастливы вы, не знающие наших бед! Пожалуйста, не догоняйте нас!

Дело происходило в Институте США и Канады, где выдающийся ученый выступал с лекцией. Хорошо пошутил экономист, зал дружно смеялся. Теперь мне не до смеха: ведь американцы действительно так думают.

Целый год я искал следы отравления окружающей среды. Воду я пил — из-под крана — замечательную, уже не говоря, что в магазине продают и родниковую, из горных источников (у себя, на московском Юго-Западе, я потребляю воду, пахнущую нефтью и половой тряпкой). Солнца в Москве почти не увидишь, а над Бостоном оно сияет все время. Из-за высоких требований стандартов на качество бензина и автомобильный воздух остается чистейшим, даже когда мимо тебя проносятся сотни, тысячи машин; у нас один лениво ползущий «Икарус» такой шлейф гари, убийственных запахов, копоги, смертельной отравы оставляет.

А какая пленительная зелень в городских парках! «Изумрудное ожерелье», парки Бостона... Да и вся группа штатов Новой Англии — ну, просто райская идиллия, страна чистая-чистая, где ничто не безобразит ни живую, дикую природу, ни рукотворную, пленительные городки и города; на сотни миль расстояния ни одного угрюмого пустыря или развалюхи, помойки или кучи отходов, все ухожено, благоустроено, ослепляет яркостью красок, побелкой старинных и новых построек...

Я, положим, видел и иное: Гарлем в Нью-Йорке и Скид-Роу в Лос-Анджелесе. Знаю, что есть промышленные районы и водоемы, где дохнет рыба и жить малоприятно; но ведь это все исключение из правил! Особенно если сравнить, во что мы превратили свою страну. Не только догнали, но и перегнали...

К сожалению или к счастью, но американцы лишены возможности сравнить свои школы, больницы, дома для престарелых (могу засвидетельствовать — это сказка) с нашими, а без этого любые сопоставления наивны. Но дело даже не в этом: если бы они могли хотя бы сравнить наши общественные учреждения для всех с теми, что обслуживают наших избранных, что осталось бы от мифа о равенстве в СССР! Они ведь не знают, что наши «лучшие из лучших» получают, скажем, те лекарства, которые не продают простым смертным в аптеках, а врачам запрещено даже называть их, выписывать на них рецепты. Вообще мы живем в уникальной стране, где боль, страдание, смерть — удел «простых», но

есть феодальные привилегии для избранных, даже не связанные с деньгами, а с сословным положением, как в средние века.

Многие в США не подозревают, что точно так же распределяются в нашем обществе жилища, продукты питания, средства транспорта, культурные ценности, возможности получения высшего образования, курортные ресурсы, все — вплоть до мест на кладбищах. Уже не говоря о главном: лишь малая часть американского общества страдает от имущественного неравенства, нуждается в социальной помощи — и эту помощь получает. В то время как у нас от такого же неравенства страдает, за малым исключением, все общество, но помощи никакой, по сути, не получает. Да и разрыв между богатством и нищетой у нас куда более вопиющий, чем в США, что убедительно показал советский экономист Александр Зайченко в своей статье, опубликованной в журнале «Горизонт». Но кто знает об этом в Америке? Там считают, что все наоборот...

«ВЫ ТАКИЕ СЧАСТЛИВЫЕ, ЧТО ТАКИЕ БЕДНЫЕ...»

ДЛЯ МЕНЯ лично теперь есть несколько символов того, насколько велико различие между нашими двумя обществами — и в какой мере наше бездушно, жестоко, несправедливо. Первое: обезболивание родов в США, практикуемое там уже много десятков лет (у нас — только для жен и дочерей избранных), да и вообще — применение обезболивающих средств при первых признаках страдания, скажем, в зубоорачебном кабинете... Наша жизнь ничего не стоит, стоит ли говорить о боли!

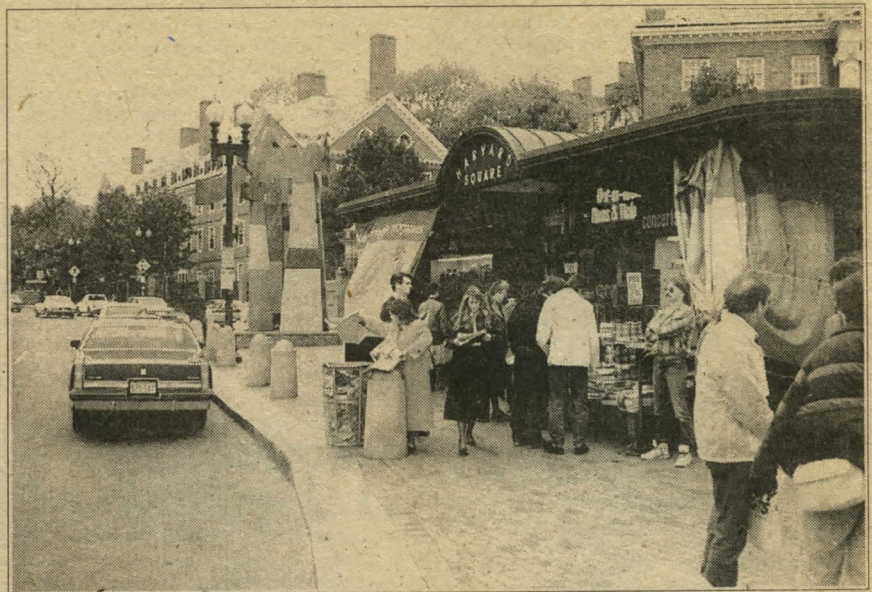
Второе: удивительная забота об инвалидах там — и жесточайшее к ним равнодушие общества здесь.

И третье: судьба коренного населения Америки. Непростая, но достаточно счастливая сегодня, если сравнить ее с судьбой коренных жителей Сибири, Севера, попросту вымирающих, совершенно беззащитных, не имеющих даже своего постоянного угла, типа тех же резерваций, которые, кстати, каждый волен покинуть, когда ему заблагорассудится, не заботясь о прописке. Однажды во время встречи с руководителями индейского движения я предложил им: давайте создадим исследовательскую группу, составленную из социологов, журналистов, медиков, общественных деятелей СССР и США, и пусть эти люди изучат жизнь коренного населения в наших двух странах, пользуясь теми же критериями, потом издадут книгу...

Уверен, что ничего подобного не произойдет, хотя эта идея вроде бы и понравилась моим собеседникам. Ведь все упирается в критерии! Да и насколько выгодно руководителям американских индейцев сравнение в свою пользу? Выходит, «страна победившего социализма» не смогла людям дать малой доли того, что дал «несправедливый» капитализм? Как им тогда его ругать?

Вот почему у меня теперь есть подозрение, что вообще узнать правду о нашем обществе в Америке кому-то оказа-

Книжный магазин на Гарвардской площади

лось бы невыгодно; куда удобнее, критикуя свою систему, ссылаться на то, что где-то есть ведь большая справедливость... Перефразируя Вольтера, даже если бы нас не было, нас следовало бы выдумать. Вот мы и существуем в сознании — не как реальность, но как мечта, идеал, светлая цель.

— Вы хоть понимаете, насколько вы богаты? — спрашиваю я.

— Что вы, какое же это богатство, если доллар так упал в цене, и нас вытесняют японцы, и вырос астрономический государственный долг, и столько бездомных, и социальные программы сокращаются...

Мы говорили на разных языках. Мы пользовались разными критериями, разными системами счета. Мы, видимо, вкладывали разный смысл в само понятие «богатство» — и не понимали друг друга... Если богатч взял золото в долг, если оно слегка обесценилось, если появился соперник... Разве это опровергает счастье от богатства и горе от нищеты?

В Америке многие думают иначе. Люди уходят в монастырь, примыкают к восточным культам, отдавая общине все, что имеют, они воспевают отказ от жадности, опрощение, возвышение духа. Я уважаю их личный пример, но не хотел бы, чтобы такое отношение к мирским соблазнам, материальному богатству стало в обществе принудительным, соблюдалось из-под палки. Нет, люди должны быть свободными в выборе, скажем, более патриархального способа бытия, когда, например, под одной крышей живут разные поколения и ответвления одной семьи, или же образа жизни более индивидуализированного, малой ячейкой. Когда американцы говорили мне, что, дескать, как хорошо, что «у вас дедушка и бабушка всегда живут с внуками, а у нас — практически никогда», я всякий раз думал, сколько же разводов и других трагедий у нас происходит лишь оттого, что люди не могут по доброй воле разъехаться, когда не способны ужиться, или из-за того, что у молодежи нет своего килья, своей жизни, самостоятельности.

Нас вообще сильно идеализируют.

Мало кто понимает противоречивость нашего характера, власть подсознательного комплекса вечного голода, закрепленного в памяти многих поколений, который мешает нам хоть один раз в жизни наесться досыта — и более не жадничать. Вот ведь не привьется, к примеру, у нас «шведский стол», когда каждый обедающий в столовой, кафе, ресторане накладывает в свою тарелку столько, сколько хочет и чего хочет, из многих предложенных блюд, причем, как говорится, «за ту же цену», потому что наш хватательный инстинкт сильнее голоса разума: раз «дают на халяву», бери столько, чтобы лопнуть.

Американцы не могут, например, понять, почему наши кооператоры часто такие жадные, хотя «разбогатеть сразу», да еще не приложив к этому руку. Они не могут также понять столь свойственную нашему обществу зависть соседей к чужому достатку, желание испортить жизнь более удачливому, угробить его, донести на него, поджечь его дом и имущество — что так мешает нынче крестьянину стать самостоятельным фермером, разбогатеть. Читая об этом в газетах, видя телефильмы (вроде телефильма Хедрика Смита «Внутри горбачевской России»), в которых честно излагаются противоречия перестройки, пороки общественного сознания, недостатки политической и нравственной культуры общества, американцы искренне изумляются, ведь у них сложилось представление о нас по великим книгам, они видят нас сквозь призму героев Льва Толстого, Чехова, Достоевского, Тургенева...

Может, кто-то был бы в восторге от этого мифа о русских, как об идеалистах, стоящих выше потребительских инстинктов, грубого материализма, всего того недоброго, просто злого, что несет капитализм.

Вот нас и пытаются уберечь от его соблазнов! Не догоняйте нас... Лучше недопотребляйте, чем перепотребляйте... А мы, из своей отравленной достатком, капитализмом страны, будем съездить к вам, в ваш заповедник, на поклон, в го-

Газеты и журналы — на всех языках.

сти, восторгаться тем, как просто вы живете, обходитесь без наших машин, без современной цивилизации, без компьютеров и бытовых приборов, без того избытка книг, фильмов, музыки, что доступно американцу...

Но хотя бы спросите нас, а мы хотим жить в этом зоопарке, в заповеднике «развитого социализма»?

У меня возникло даже подозрение, что, добейся мы серьезного успеха, «экономического чуда» (типа немецкого, японского, корейского), многие из нынешних «друзей СССР» в Америке попросту потеряют к нам интерес. Наши богатства и цивилизованность опровергли бы в этом случае миф о справедливом обществе, где все бедны, конечно, зато — поровну...

Отправляясь в Америку, я никак не мог предположить, что там найдутся люди, которые скажут мне: «Ты плохо знаешь свою страну — и потому ты не хвалишь ее, а ругаешь». Неужто они знали ее лучше? Неужто они любили ее больше? И желали добра сильнее?

На меня сердились, мне доказывали, как хорошо все у меня дома... Мне же хотелось спросить: «За что вы так не любите Америку?»

КОМУ ВЫГОДЕН МИФ?

О ДНАЖДЫ в начале лета, жарким днем, я пересекал все ту же Гарвард-сквер. На углу сидел нищий, молодой, черный, добродушный балагур. Я часто видел его на этом месте. Шедший навстречу мужчина, гарвардский интеллектуал, нес в руках две баночки ледяной «кока-колы» и, заметив попрошайку, решил поступить по-братски, протянул одну банку ему. Парень повертел банку, прочитал этикетку — и вернул: «Нет, я пью только диетическую «коку», я ведь худею...»

В тот день у меня была лекция, и я начал ее с рассказа о нищем, берегущем фигуру, сказав, что он для меня теперь и есть метафора Америки. Публика смеялась. Я, кажется, попал в цель?

Но вряд ли кто оценил бы в том же зале юмор моих рассказов о других бед-

ных, о наших, только что пересехавших на постоянное жительство в США. Один рассказал мне, что ему сосед подарил машину! Другому сосед продал машину — за 50 долларов. Третий регулярно заглядывал на площадку у мусорных ящиков, куда соседи складывают ненужное, и теперь у него стереосистема, о какой он не мог мечтать в СССР, а также цветной телевизор с большим экраном — и даже видео... Американцу мое изумление непонятно.

Американцы пережили нечто вроде шока, прочитав в газетах о том, что москвичи уносят из «Макдональдса» пластиковую посуду, ножи, ложки, вилки, то, что принято после завтрака спускать в мусор.

Меня спрашивали:

— Что же струсилось с вами? При таких щедрых почвах, бурных реках, густых лесах, богатейших, невиданных ресурсах недр, образованном рабочем классе, развитой науке, специалистах высочайшего класса — и пустые полки магазинов, паралич хозяйственной жизни? Как так?

Всякий раз я отвечал по-разному. А

присхал — и понял, что причина одна. Кто-то не хочет обидеть одну женщину. Химика. Из Ленинграда. По фамилии Андреева, звать Ниной... Вот и мучаюсь.

Это — насчет нашего богатства. Которое есть — и которого нет.

И последнее. Почему лично я заинтересован, чтобы американцы знали правду об СССР? Думаю, это подтолкнуло бы их скорее к тому, чтобы помочь нам выбраться из нищеты. Чем хуже идут у нас дела, тем реальнее угроза бунтов отчаяния, переворота, в результате которого мир вернется на круги своя — и американцам пришлось бы снова вооружаться против нас, нам против них и т. д.

А кто не заинтересован в том, чтобы мы были честны, говоря о себе и своей нищете? Кто не хочет знать правду?

Во-первых, тот в США, кто хочет внушить американцам иллюзию нашей силы. Военной, экономической, социальной... Пока американцы верили, что имеют дело с мощнейшей сверхдержавой, легко было проталкивать через конгресс миллиардные ассигнования на оборону. Потому и было выгодно правительственным экспертам, экономистам из ЦРУ, обильно цитировать цифры ЦСУ СССР, хотя наше ведомство занималось явной фальсификацией. Да и все советские ведомства, пока у кормила власти в СССР стояли «ястребы», создавали эту иллюзию процветания и силы. Интересы «ястребиных» ведомств в обеих странах совпадали.

Во-вторых, происходит трогательное единение доброхотов, лучше нас знающих, что нам нужно. С нашей стороны — Нина Андреева, пугающая нас ужасами капитализма, соблазнами богатства. С американской — в той же роли неожиданно выступила Джойс Кэрролл Оутс, известная писательница, написавшая для «Известий» статью такую, что можно перепутать, кто из них двоих ее подписал. Обе ревнительницы чистоты сердец, воительницы за социальное равенство кричат теперь хором:

— Нет, не надо догонять Америку!

Может, и в самом деле погибнем, но сохраним миф?

Фото автора

Гарвардская площадь

У ПАПЫ КАРЛО, или Секретный провиантский склад

Разговор государственного инспектора с читателем продолжает
начальник московского городского Управления госторгинспекции

Галина Борисовна БЕЛОВА.

В разгар торговли овощами овощей в Москве почти не было. Однако на том немногом количестве урожая, который все же появился на прилавке, некоторые продавцы поживились за счет покупателя. Об этом Г. Б. Белова подробно рассказала в третьем номере «Столицы».

Сегодня начальник Управления ведет разговор о ночной Москве, где впервые за долгие, долгие годы появились ночные магазины...

Московским Управлением госторгинспекции совместно с работниками УБХСС города проверены магазины, торгующие в ночное время. В Москве работает всего шесть таких магазинов. Между тем еще в феврале 1990 года решением № 161 исполком Моссовета предусмотрел «развитие сети магазинов» для ночного покупателя...

В ночном филиале магазина № 7 Кунцевского района составлен обязательный ассортимент товаров из семи наименований. Но в момент проверки в продаже было всего четыре: молоко, колбасный сыр, кофе в зернах и сигареты, «Космос».

Сливочное масло на прилавок выложено почему-то не было, тогда как в подсобном помещении его было пятнадцать монолитов (300 килограммов). Там же лежали 343 пачки махорки, 47 килограммов 700 граммов пошехонского сыра, 64 килограмма импортных гусей, 65 килограммов уток, 108 килограммов импортных кур, 482 банки абрикосового компота и 125 плавящихся сырков. Целый склад!

В связи с тем, что основной магазин закрыт на капитальный ремонт еще с сентября 1989 года и к тому же он переоборудуется в ресторан 1-й наценочной категории «У папы Карло», проверяющие удивились, для чего было получать товары, ночному магазину несвойственные, особенно птицу и импортные плодоовощные консервы? Поэтому была проведена проверка закрытого на капитальный ремонт основного магазина.

Выяснилось, что в течение года сюда систематически свозились дефицитные товары и товары повышенного спроса — сырокопченая колбаса, кофе, кондитерские изделия... Принимая во внимание ограниченность утвержденного ассортимента (напомню, в нем всего семь наименований), а также то, что основным назначением этого магазина является удовлетворение спроса населения на товары достаточного ассортимента, можно сделать вывод, что товары повышенного спроса реализовывались не по назначению, а определенному кругу лиц, неким папам Карло. Ноч-

ной магазин служил для этого прикрытием.

При проверке было установлено далее, что магазин фактически превращен в склад хранения дефицита. Контролеры насчитали 25 видов товаров на сумму 90 645 рублей. Там было пятнадцать марок коньяков, вин, различных ликеров, о существовании некоторых из них москвичи уже давно забыли. Например, о коньяке «Очень старый» (на момент проверки осталось 12 бутылок из полученных 15 июня 1990 года 1000 бутылок), коньяке «Варцихе» (от полученной тысячи осталось 40 бутылок), ликере «Рубин», никарагуанском роме... Кроме того, в подсобках громоздились 1892 бутылки шампанского, коньяк «Эгриси», коньяки трех- и пятизвездочные, виски, 740 бутылок импортного пива... Нашли там 161 банку растворимого кофе, сиропы, американское печенье, 450 пачек импортных вафель, соки, компоты, жевательную резинку...

Все указанные товары получены ранее в большом количестве. Они сюда направлялись с ведома руководства район-

ного торгового объединения.

Директор магазина объяснил, что поскольку спиртными напитками в ночном магазине торговать с некоторых пор запретили, то вот тут и шло накопление их к открытию ресторана «У папы Карло». Однако эта версия была вскоре опровергнута...

Что касается остальных пяти ночных магазинов, то не встретилось ни одного, в котором бы торговля шла честно и полностью соответствовала принятым правилам торговли. Контролеры столкнулись с разного рода обманом, сбытом алкогольных напитков с нарушением действующих норм. Но проверка показала и другое: ночные магазины Москве необходимы. Об этом лучше всего свидетельствуют многочисленные очереди к прилавкам. Конечно, вокруг магазинов, где идет торговля спиртным, собирается немало алкоголиков, но в основном в ночное время там идут те же продукты, что и днем: хлеб, сливочное масло, молоко...

Почем капуста?

— Да ни почему!

И действительно, все, что мы увидели, можно было брать абсолютно бесплатно. Настоящее изобилие! Дыни и арбузы, виноград и яблоки, лук и морковь, капуста и помидоры, даже картофель (в мешках). Бери — не хочу!.. Не захотели и мы, поскольку запах от этих «даров природы» исходил невыносимый. Озадачил и несколько странный способ хранения: овощи и фрукты были свалены в беспорядке и тщательно утрамбованы колесами грузовиков, их привозивших.

А увидели мы все это в карьере примерно в километре от подмосковной деревни Клусово, жителей которой лишь начавшиеся заморозки спасли от благоухания гниющего изобилия.

Своими впечатлениями от нечаянного открытия мы поделились с начальником Главмосплодоовощпрома Олегом Афанасьевичем Виричевым.

— Безобразия, — согласился он.

— По всем санитарным нормам даже отходы с плодовоовощных баз должны либо зарываться в землю на территории свалки (с разрешения местного Совета), либо по договоренности с совхозом или колхозом вывозиться на поля в качестве удобрений.

— А прежде бывали случаи массового уничтожения продукции? Если да, то с чем они связаны?

— Например, в августе 1989 г. в Москву поступила большая партия арбузов и дынь, которые действительно пришлось уничтожить из-за колоссального содержания в них нитратов, пестицидов и прочего. Но и тогда у нас были немалые трудности с утилизацией продукции такого рода.

— И сейчас проблема остается?

— К сожалению, да. Правда, еще в начале 80-х годов появилась идея уничтожения отходов путем их мелкого дробления и сброса в канализацию. Проверив этот вариант, санитарные службы подтвердили его рациональность: масса, полученная при дроблении отходов, разъедая жировые скопления, даже улучшала работу канализационной сети. Увы, этот метод не на-

шел широкого применения — многие базы не имеют на своей территории стоков, которые можно было бы оборудовать под сброс.

— Но почему нельзя отправлять некондицию на корм скоту?

— Не все виды нашей продукции годятся на это. А, скажем, капуста, перед тем как попасть на «коровий стол», должна пройти термическую обработку в специальных агрегатах. Но не всякое хозяйство их имеет.

— Кстати, в клусовском карьере среди капустного листа мы видели немало вполне нормальных кочанов.

— Это еще одна проблема. При сортировке появляется такая категория продукции, как «нестандарт». Представьте себе абстрактную личность — «материальщика», который получает вагоны с продукцией. После сортировки он обнаруживает большое количество этого самого нестандарта. Что с ним делать? Магазин не принимает, общепит тоже. Остается, вписать нестандарт в категорию отходов, а после уничтожить. Есть, конечно, примеры цивилизованного решения этой

проблемы. Но не у нас, а, скажем, в Японии, где утилизация, безотходное производство налажены почти на все 100%.

— А как же материальная ответственность за большие потери продукции?

— Если наш «материальщик» имеет на плечах голову и умеет думать, то учесть его практически невозможно. А вот найти оправдание — несложно. Можно сослаться, допустим, на плохо работающие холодильные установки, и он окажется ни при чем.

...Минувшей осенью москвичи, отчасти по сознательности, отчасти из желания запастись на зиму, ездили на поля — помогать колхозам. И в поощрение, заплатив всего по 60 коп. за мешок, счастливые, увозили домой картошку. А может быть, им имело смысл, прихватив несколько авосек, договариваться у ворот ОРПО о сходной цене на «НЕСТАНДАРТ»? Между прочим, нам так и не удалось выяснить, какие овощехранилища столицы пополняли карьерное изобилие. Детектив, да и только.

В. КУЗНЕЦОВ

Фото автора

Московские бани потрясла серьезная проверка. Нет-нет, голые мужчины и женщины не выскакивали с визгом на улицу, проверка прошла без эксцессов. То была хорошая проверка...

Из Главного контрольно-ревизионного управления Мосгорисполкома сообщают, что из 63 бань в городе работают лишь 44. Остальные на нескончаемом ремонте. Между тем, говорится в документе КРУ, «по данным ГорСЭС, в последнее время обострилась проблема борьбы с педикулезом, то есть завшивленностью». Из каждых ста тысяч человек в нынешнем году завшивело на 74,4 процента больше, чем в 1988 году. Вот и считайте.

«За последние два десятилетия, — говорится в «справке» КРУ, — в городе построена лишь одна баня».

Затем дается краткая история вопроса. В 1975 году Москва обзавелась еще одним солидным учреждением — «Мосгорразнобытом». Оно возглавило банное дело. Пока «Мосгорразнобыт» не взялся за работу, в московских банях в год бывало до 13 миллионов посетителей, и о вшах в городе слыхом не слыхивали. В 1990 году, к пятнадцатой годовщине царствования «Мосгорразнобыта», от 13 400 мокрых мест в банях осталось чуть больше 6000. Проверка установила, что «Мосгорразнобыт» уже свыше десяти лет использует древние московские бани (Астраханские, Рочдельские, Воронцовские и другие) отнюдь не для гигиенических целей: он передает их в аренду кому угодно и подо что угодно, даже под «производство картонажных и бумажных изделий».

Делается это, скорее всего, потому, что даже если бы работали все 63 бани, то и их бы не хватило, чтобы платить зарплату аппарату «Мосгорразнобыта». Там начальников так же много, как с колхозе. А по названиям должностей его перепутаешь с крупным заводом: «Мосгорразнобыт» возглавляет генеральный директор, у которого есть замы, секретарь, плановый отдел, отдел производственный... Вы с «Мосгорразнобытом» не шутите! И вот вся эта толпа начальников нашла в банях источник денег на свое собственное содержание. А вовсе не учреждения, где простой водой добиваются чистоты тела.

В банях ввели сеансы, какие бывают только в кинотеатрах. Пусть в бане есть свободные места, много свободных мест, но человек, который пришел искупаться, войти в баню права не имеет: он сперва должен дожидаться окончания «сеанса», потом переждать перерыв, пока баню, знаете ли, проверят, а уж затем его так и быть допустят до тазика. Но при этом ему позволяют побыть в баньке не столько времени, сколько ему требуется, а лишь полтора часа. Ну, как в настоящем кино! Оттого-то и завшивела Москва на пороге III тысячелетия.

Мысль о недоступности бань ревизоры КРУ выразили такими словами: «Население недополучило услуг на 43 300 рублей».

Мыться разрешено реже, а платить за помывку нужно гораздо больше. Раньше баня стоила не дороже 20 копеек — и сиди в ней, сколько хочешь, а теперь в иные бани записываются в очередь, там введены абонементы, как в Большой зал Московской консерватории, а самая дешевая теперь та, куда пускают за полтинник.

Деньг с посетителей «Мосгорразнобыт» получает в десятки раз больше, чем прежде, а городу они все равно убыточны. В отчете

Мокрое место

фото Е. Суворова

КРУ сказано, что до 1 июля 1990 года «Мосгорразнобыт» уплатил одних штрафов «за бесхозяйственное расходование питьевой воды» 47 600 рублей.

С присущей нашим контролерам деликатностью в столь деликатном вопросе, как борьба с педикулезом, они пишут: «Существующий хозяйственный механизм и организация управления названной отраслью требуют коренной перестройки». Да нет, о пере-

стройке в «названной отрасли» говорили еще в начале перестройки, а на пятом году перестройки говорить о перестройке уже поздно! Нужно немедленно закрыть «Мосгорразнобыт», который закрывает бани, открывает бани и пускать туда всех желающих. Вшивых — без билета.

Отдел социально-бытовых проблем

НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ — ЧЕСТЬ МУНДИРА

На его, мундира, чистоту посягают ныне не в меру охочие до разоблачений журналисты. Скажем, собрались провести пленум по выдвижению кандидата в народные депутаты СССР — вместо выбывшего. Чтобы собрать воедино побольше «активистов движения», в местные комитеты разослали телеграммы о предстоящей поездке в Японию. По пути на Восток и слетелись делегаты на пленум и на круиз одновременно. А журналисты докапываются: за чей счет и почему в заманчивых несветских краях

разряжают международную напряженность члены Советского комитета защиты мира?

Кворум, правда, все равно получился с натяжкой. Зато прозвучала информация к размышлению: в Министерство морского флота отправлено письмо с просьбой дать инструкции капитану теплохода «Русь»... не допускать на борт заморские красавицы-«Тойоты», которые, вопреки нравственному запрету руководства СКЗМ, могут быть приобретены митротворцами на тихоокеанском берегу.

И если раньше «корабли мира» финишировали у отечественных причалов с обычным грузом в две сотни машин иномарок, то сегодня из Токио «приплыли» всего навсего 26 «Тойот». Прогресс очевиден. Организаторы круиза, однако, жаловались из океана в Москву по

рации: «Программа рейса мира выполнена... Вместе с тем, несмотря на предварительную договоренность о запретах... капитан, ссылаясь на отсутствие юридических оснований для отказа, погрузил... 26 автомобилей представителей комитетов защиты мира Казахстана, Литвы, Латвии, Армении, Грузии, Молдовы, Украины, Узбекистана, Бурятии... Наше обращение за поддержкой в посольство СССР в Токио положительного результата не дало».

А в остальном — «программа выполнена». Семь дней «защищали мир» на берегу, двенадцать — боролись за него между собой, покачиваясь на волнах. В Токио, правда, от всей японской общественности корабль посетила лишь одна миролюбивая старушка. Особых встреч запланировать не успели, поэтому, упор

сделали на туризм. Чтобы всерьез оправдать путешествие, изменили курс и заплывали в Пекин, где добросовестно пообщались со «Всекитайской ассоциацией за мир и разоружение».

И, между прочим, пора прекратить газетно-бульварные разговоры, будто все эти круизы — за народный счет. В духе перемен СКЗМ научается делать деньги по-новому — сам. Пускает под свою крышу кооперативы. По производству губной помады, например. С выездом, разумеется, «за рубеж» по линии мира и разоружения. Открывает у себя на проспекте Мира вместо «рублевой» столовой валютный советско-итальянский ресторан. Доблестно отстаивает сегодня Комитет защиты мира свое «фирменное» достоинство.

Эзлита ЕФИМОВА

КУДА УЕДЕТ ХВОРОСТОВСКИЙ

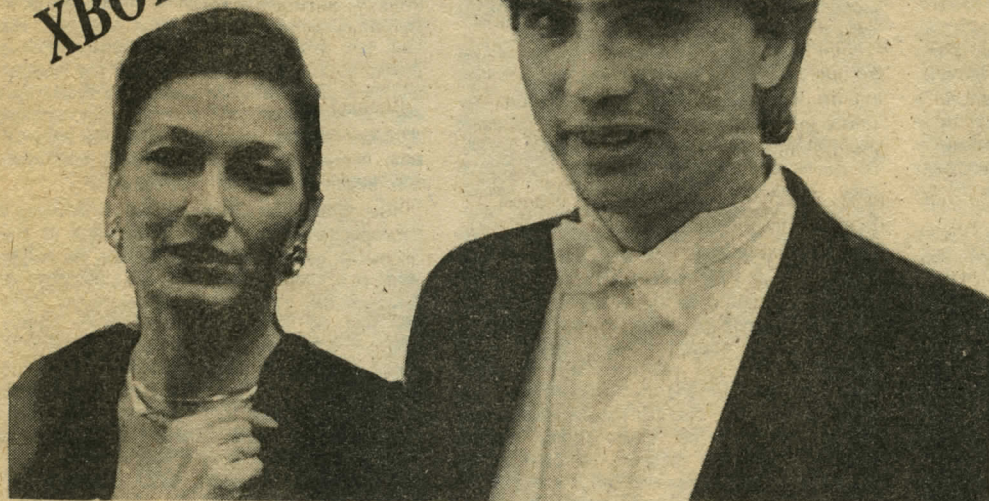

Фото В. Ахломовы

Несчастье было так близко, так возможно! Его соблазнили Соединенные Штаты умопомрачительным контрактом и квартирой в Нью-Йорке. Его заманивала Ита-

лия, суля собственный дом в Неаполе. Его называли первым баритоном мира, а он жил, как и принято неприкаянно жить советскому артисту, в гостинице «Минск», в номере с тараканами. И жена его разрыва-

лась между Москвой и Красноярском, где оставалась дочь. Но все же на этот раз потери национального достоинства не случилось. Отъезда из страны уникального оперного певца Дмитрия Хворостовского не допусти-

ли новые люди и новые власти.

Моссовет, пожалуй, теперь дает квартиры «в виде исключения» действительно исключительным личностям, а не обслуге аппаратных кабинетов. После первого и пока единственного концерта Хворостовского в Большом театре С. Станкевича «захватил», не отходя от кресел, депутат Моссовета от Свердловского района, покровитель «высокого искусства», генеральный директор НТЦ «Технология» А. Павленко. Неужели, сказал он, из-за житейских проблем мы не сумеем удержать при себе нашу оперную гордость? Меценаты, они всегда железо коуют, пока горячо. И вот появилась виза Станкевича на прописку и на жилье в столице нашей родины Дмитрия Хворостовского. И потому не в Америку, не в Париж, не в Неаполь переедет он, а просто из «Минска» — на улицу Достоевского, где Совет Министров достраивает кирпичный дом и отдает Моссовету 50 процентов его квартир. Из них еще 50 процентов отводится Свердловскому району, и в этой-то «полполовине» две комнаты станут, наконец, постоянным адресом Дмитрия Хворостовского.

А. Г.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ — МОСКВИЧ

МИКРОКЛИМАТ

Из окон «Столицы» виден двор, ведущий к школе, в которой я учился, потому есть резон начать эти заметки с детских воспоминаний. Не таких уж благодетельных, как вы сейчас убедитесь.

Году в сорок девятом или пятидесятом (думаю, что во времена пресловутой борьбы с космополитизмом) руководство нашей в общем-то вполне либеральной школы вдруг озаботилось национальным составом ее учащихся. В каждом классе, в том числе и в нашем третьем или четвертом «А», была устроена особая комната переключки. Особенность ее заключалась в том, что каждый выкликнутый классным руководителем ученик обязан был громко, как говорится всему миру, сообщить, к какой нации он принадлежит. Не приходится удивляться, что почти все мои одноклассники назывались русскими. В сочетании с некоторыми фамилиями такая саморекомендация вызывала смех аудитории. Не то чтобы ехидный, но, во всяком случае, малоодобренный.

По прошествии долгих лет полагаю, что именно тогда, в нежном возрасте, впервые столкнулся с существованием мало мне понятного, однако для чего-то необходимого взрослому национального вопроса. Можно предположить, что как раз в тот день население родного моего города предстало передо мной во всем разнообразии языков и наречий.

Словно дополнительную подозрительную зоркость обрели мои глаза, и вот уже в одном из дворовых своих приятелей я стал распознавать армянина, в двореком шеголе и балагуре Жене безошибочно разглядел татарина Джафара, к какому племени принадлежал бывший хозяин всей нашей квартиры знаменитый доктор Шенфельд, также не нуждалось в особых комментариях.

Городская жизнь подбрасывала и более экзотические образцы людского разнообразия.

На каждом углу в будках, увешанных гирляндами шурков, в окружении разнообразнейших стелек, сапожных щеток разного калибра и жестянок с разноцветной ваксой сидели смуглые горбоносые люди, в просторечии молва окрестила их армянами, хотя известно было, что это айсоры, потомки неведомых и загадочных цивилизаций.

А время от времени пацаны нашего двора гурьбой вываливались на улицу «позырить», как степенной походкой, в длиннополом пальто и в мягкой широкополой шляпе шагает к своему парадному Вейланд Родд, чернокожий артист, едва ли не единственный в те годы негр в Москве. Про гравера, имевшего в Столешникове крохотную мастерскую, не более полутора квадратных метров, было известно, что он француз. Бог знает, какими ве-

трами занесенный в наше отечество, должно быть, теми же, что покровительствовали некогда его компатриотам, открывавшим на Кузнецком модные лавки, парикмахерские и кафе.

(Уже в зрелом возрасте в редакционной библиотеке «Известий» я обнаружил предреволюционную адресно-телефонную книгу Москвы и подивился тому, сколько же их было в древней столице, магазинов и заведений самых прославленных мировых фирм: французских, немецких, американских — «Жак», «Ундервуд», «Генрих Юлий Циммерман», подозреваю, что ни франков, ни долларов, ни другой иностранной валюты у москвичей там не имели обыкновения требовать.)

Году в пятьдесят третьем в нашем классе появился очкарик в вязаном пестром джемпере и в диковинных на шестикласснике коротких заграничных штанах, он оказался поляком, мы очень с ним подружились, ему я обязан любовью к польскому кино, которое, по моему ощущению, выразило и наше российское послевоенное поколение и вообще чрезвычайно украсило бедную мою юность интересом к этой, такой похоже-непохожей, ближней загранице.

А после слияния нашей мужской школы с соседней женской в соседнем классе возникла черноокая красавица с романтически звучащим, словно бы пятикратным, испанским именем, до сих пор оно отзывается в моем сердце как-то сокровенным трепетом.

Кого еще забыл упомянуть? Уж не немцев ли, они остались в памяти пленными в ботинках на деревянных подошвах-стукалках, тащающими тяжеленные корзины с овощной перевалбазы, расположенной в нашем дворе. За три-четыре послевоенных года они сделали привычной принадлежностью московской обыденности, как бы отделенной течением жизни от той великой беды, какой они послужили причиной. Так или иначе, но враждебных чувств по отношению к ним я не замечал и сам при всем своем сиротстве не испытывал. Скорее уж любопытство, совмещенное с особой корректностью, свойственной победителям. А вот уже кому могу по-прежнему засвидетельствовать повсеместное дворовое сочувствие, так это нашим московским немцам, которым во время войны немало пришлось хлебнуть горького за свое якобы вражеское происхождение. Была у нас в домоуправлении некая Нина Карловна, благовоспитанная седая дама со строгим и одновременно добрым лицом, так вот на коммунальной нашей кухне ее вездливой деловитости и отзывчивости неизменно воздавалось должное. С особым чуть слышным вздохом и внятным даже постороннему поджатию губ.

Я нарочито, осознанно ограничиваю тему московского многоязычия кругом собственных

почти лирических впечатлений. Не трудно было бы, сославшись на исторические источники, припомнить о едва ли не в средневековой Москве сложившейся Немецкой (то есть иноземной) слободе, о Маросейке, которая не что иное, как Малороссийка, район поселения выходцев с Украины, о Грузинах, обширном московском районе, памятном, естественно, посольством грузинского царя и прочими посадами иверийских переселенцев. И свидетельства из новейшей истории о латышском театре-студии, об уникальном еврейском издательстве, об Университете трудящихся Востока ничего не стоило привести, но то-то и оно, что хочется показать, как самая обыкновенная мальчишеская судьба пересекалась ежедневно и обыденно самыми притотливыми линиями многонационального существования.

Как всякий великий город, Москва, естественно, органически сложилась как многонациональная община. Думаю, что разнообразие людских типов, «языцей» и рас и есть первый и несомненный признак «мировой столицы», города именно великого. Как это случается, благодаря каким историческим обстоятельствам тот или иной город притягивает к себе представителей дальних и ближних племен и народов, размышлять об этом завораживающе интересно. Конечно же, соображения государственной политики приходят на ум, последствия перекройки карт, перемещение целых народов, завоевательных походов и мирных договоров. Экономические нужды тоже надо принять во внимание, спрос и предложение лучше любого наркомата регулировали национальную политику, возможность прокормиться и поставить на ноги семью, рынок рабочих рук, талантов, идей и замыслов манили людей, пересиливали в их психологии привязанность к родным обычаям и отчуждали к краю. Нельзя не вспомнить и о том, что русские монархи вполне сознательно приглашали в свои пределы мастеровитых, тароватых иностранцев, мудро, не видя в этом никакого ущерба национальному достоинству. Вот и Советская власть некоторое время, пока не овладели ею бдительности бесы национальной спеси и ограниченности, охотно привлекала иностранных «спецов». Все так, все экономически и социально обоснованно, но хочется верить, что не все укладывается в рациональную схему, что существует еще неосознанное, но властно действующее духовное притяжение, бог ведь чем излучаемое: бытом ли, нравами, поэзией или музыкой, национальным ли характером...

Мои девяти-десятилетние одноклассники с неправославно звучащими фамилиями не глали, когда называли себя русскими, не подлаживались простодушно под воцарившуюся по высочайшему повелению официальную конъюнктуру, не стремились показаться лучше, чем они есть. Они и впрямь искренне и естественно ощущали себя русскими. А кем они могли себя ощущать, если первое услышанное ими и первое ими произнесенное слово было русским, если читать они учились по русскому букварю, если стихи и песни, которые они знали наизусть, были русскими песнями и стихами.

Не знаю, одобряют ли меня нынешние борники всякой национальной чистоты, я полагаю, что данная, если можно так выразиться, русификация была неизбежной, естественной и добровольно воспринятой, не властью она осуществлялась, не железной рукой законов и регламентаций, а просто течением жизни, обаянием великой истории и великой

культуры. Мои товарищи — евреи, татары, поляки, украинцы, греки, даже те, у кого дома поддерживалась идея национального очага, все без исключения были большие русские патриоты. Не оттого, что русский приоритет во всех науках и искусствах усердно насаждался тогда пропагандой («Россия родина слонов»), а, что называется, силою вещей, отрадно было разделить и русскую беду, и русскую славу, несравненным нормальным, естественным счастьем было сознавать свою причастность к Пушкину, к Чехову, к Чайковскому, к русской музыке и к русской судьбе; к строкам «Выхожу один я на дорогу...» и «Ты жива еще, моя старушка...».

Способность привлекать сердца, очаровывать языком, музыкой, душевным размахом, талантом, даже недостатками своими — опять же естественнейшее свойство здорового народа. Можно сказать, что признак этого нравственного здоровья, жизнеспособности, созидательной активности. Нынешним ревнителям расовых теорий стоило бы над этим задуматься («что вряд ли», как говорил Зоценко). Не отрешившись бы надо от «инородца» — да простит мне этот великодержавный термин, — ставшего великим русским поэтом, замечательным ученым, выдающимся государственным мужем, а гордиться тем, что духовный потенциал твоего народа содержит некую драгоценную общечеловеческую субстанцию, что магнетизм его чрезвычайно притягателен, что русская культура оказалась той благодатной почвой, на которой произрастают злаки поразительной человеческой одаренности.

Уже в зрелом возрасте нашёл у Василия Розанова чуть растерянное наблюдение: если в семье папаша охотно занимается с детьми чтением книг по русской истории, то почти наверняка семья эта немецкая или еврейская.

Не угадываю, с какими чувствами приметил это знаменитый скептик — умиления или же досады, могу лишь подтвердить, что в отрочестве и в юности моей к родной истории, к поэзии, к русскому образному поразительному слову приобщили меня и приохотили иной раз люди отнюдь не с типичными русскими фамилиями. Другое дело, что в те годы эти самые фамилии не имели для меня ровным счетом никакого значения — в том смысле, что Кофман, Юнисов или Самуцевич звучали для меня не менее привычно, нежели Иванов или Сидоров.

Не хочется ностальгически приукрашивать действительность — люди есть люди, подначивать друг друга с некоторым уклоном в национальное происхождение, вышучивать друг друга и рассказывать друг про друга анекдоты они будут всегда; не стану уверять, что грязные клички и оскорбительные прозвища, метящие в принадлежность к тому или иному народу, никогда не достигали моего слуха, при всем при том жили дружно — неоригинальность данного свидетельства подкрепляется его справедливостью. То есть идеальной, стерильно деликатной дружбы народов, может, и не было, зато была нормальная дружба людей, натуральная человеческая сплоченность и в горе, и в беде, причувствывая судить человека по его качествам, а не по цвету волос и не по форме носа. Распространены были квартирные конфликты (еще бы их не было в городе, где девяносто процентов населения проживало в коммуналах), вспыхивали порой дворовые стычки — переулочек на переулочек, улица на улице, никаких

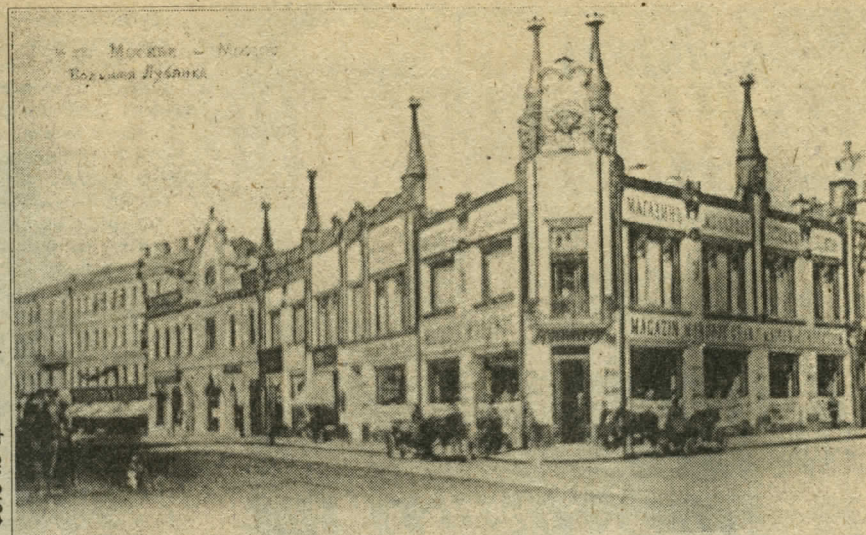

Фото из архива Паркеса И. М.

раздоров по национальному признаку не было никогда. «Наши», то есть обитающие в некоем ареале, узнавались по месту жительства, по признанию того или иного дворового авторитета, никакие другие качества и признаки значения не имели.

В посмертной книге Юрия Визбора наткнулся на балладу о волейболе в сретенском дворе. В свойственной ему романтической манере автор, ничуть об этом не беспокоясь, дал точнейший срез национального состава послевоенной Москвы. Бог знает во что одетая, полуголодная, подвально-барачная, блатной мифологией плененная, «воронкам» привыкшая не удивляться, она не запятнала себя ни разу заразой национальной розни или вражды, высокомерия или пренебрежения.

Бабелевский герой мечтал об интернационале добрых людей. Не поручусь, что был свидетелем этой великой утопии, во всяком случае, житейское свое воспитание я получил во вполне реальной интернациональной общности ничем не выдающихся, земных и грешных, тяжёлым трудом живущих людей. И потому при всей несалонной терпимости к резкостям языка, никогда вопреки собственным вкусам и привычкам, наперекор собственным какой угодно карьеры и постулатам любой влиятельной идеологии не поверю в непопозноченность, греховность и злокозненность какого бы то ни было народа.

...Русская столица, собирательница российских земель, Москва по-прежнему остается новым Вавилоном, средоточием самых разных языков и культур. Достаточно пройти беспечно прогулочным шагом по неповторимо кризис (несмотря на все государственные усилия) улицам центра. Неоднородна, разномастна московская толпа, до полуденной яркостью обжигающая, то умиротворяющая степной азиатской невозмутимостью, то пленяющая иконописным северным ликом. Между прочим, гостя в странах однородного этноса, я безотчетно начинал тяготиться единообразием генетического типа на улицах, глазу моему не хватало московского смешения красок, пород, внешних проявлений.

И сама собою приходит на ум мысль, что утрата такого многообразия не только уличной живописности наносит урон, но некоему существованию таинству человеческого бытия. Исчезновение одной какой-нибудь травки означает начало болезни, грозящей огромному

лесу. Может ли живое, пульсирующее человеческое сообщество не пострадать, не понести ущерба, когда от него отторгается хотя бы один жизнеспособный его элемент.

Нет в современной Москве китайских прачечных, немецких аптек, французских модных лавок... Я никогда их не видел, весьма смутно имею представление о том, как они выглядели, но чувствую, что с их исчезновением родная моя Москва утратила нечто, даже и в русском своем облике. Потому что без сравнения, без сопоставления, без соседства и «филипповская» булочная, славная на весь мир московскими калачами, сайками и баранками, превратилась в безликий магазин «хлебобулочных изделий», и великолепный изобильный «елисейский» превратился в «гастроном номер один», симбиоз станционного буфета и «блатного» распределителя, и знаменитые Сандуны тонут в грязи и разрухе.

«Патриоты» возмущаются процветанием «Макдональдса». Хотя скорбеть надо было бы по отсутствию рядом процветающего тестовского трактира, по абсолютному исчезновению славных на всю страну московских чайных (даже для нищих существовала своя водогрейня), хотя удивляться надо бы тому, что на десятиллионный город существует только два грузинских ресторана, что в отличие от других великих городов он лишен и национального, и интернационального своеобразия, казенный внеациональный ранжир определяет его облик.

И это при всей его распаханности в мир, при поразительном любопытстве к миру, при каком-то простодушном гостеприимстве и умении ладить с людьми.

...Давно замечено, какое значительное место занимает в русском сознании Кавказ, например, — все совсем иное, но в то же время свое, слишком долго жили вместе, и если, не приведи Бог, суждено будет резать, то окажется, что по самому живому. Потому не приемлю озлобленного вопля: «Понаехали!», другой вздох перехватывает горло: «Уезжают!»

...Возвращаясь к школьной переключке... Недавно один приятель рассказал, что в школе его одиннадцатилетнего сына впервые в жизни попросили заполнить анкету. В графе «национальность» мальчик без всякой задней мысли написал: москвич.

Что я могу добавить к этой святой уверенности?

Татьяна ЕРОХИНА,
солистка Москонцерта

АРТИСТ С ПРОТЯНУТЫМ СТАКАНОМ

Жизнь артиста — сплошной праздник: танцы, куплеты... Яркий свет театральных фонарей, смех зала, шумные аплодисменты, букеты цветов... Все это видят умиленные зрители. Хорошо живется артисту!

Правда, очень часто сами артисты, те, которые танцуют и поют, играют на всех мыслимых инструментах, читают проникновенные строки великих поэтов, а особенно те, кто висит вниз головой на трапедии или показывает фокусы, — так вот, очень часто сами артисты отдаются искусству отнюдь не из любви к искусству, но лишь для того, чтобы согреться.

Я не имею в виду артистов столичных театров, которые добираются до своих утепленных очагов культуры автобусом, метро, трамваем, а иногда даже просто перейдя с одной стороны улицы на другую. Я говорю об артистах, чья дорога к сцене лежит вдоль и поперек Советского Союза, через разные климатические и часовые пояса. Их трудовая книжка лежит в филармонии...

Вы знаете, что такое советская филармония? Филармония — это очень красивое слово, которое скрывает ужасающее содержание.

Слово «филармония» означает вовсе не любовь к гармонии, как это объясняет словарь иностранных слов, а, наоборот, полную дисгармонию артиста с окружающей средой. Она начинается в общем вагоне поезда, когда артисту не достался билет в вагон купейный или хотя бы плацкартный, в ночном самолете, не всякий из которых представляет собой образец комфорта, каким мозолит глаза аэрофлотовская реклама. Однажды я летела из Мурманска с одним виолончелистом в рыболовецкий совхоз. Летчик отказался впустить музыканта в свой вертолет. Без «арфы», говорит, посажу, а с «арфой» не влезете... Артисты плывут на пароходах и лодках, разъезжают на попутных баржах и оленях, иногда (вероятно, ради пущего разнообразия их скудной жизни) их везут на концерт в тюремном «воронке». Меня два раза сажали в «воронки».

Артисту никогда или почти никогда не находится места в вагоне «СВ» или в каюте «люкс». Это места для зрителей. Но артист не жалуется. Он знает: у филармонии на артиста «нет средств». Самые большие убытки филармония терпит как раз от артистов.

Излюбленным транспортом советской филармонии из-за хронического безденежья является недорогой автобус марки «Кубань», который сменил хрупкую, тонкостенную «Ниву». В «Кубани» нет печки — для зимних переездов и вентиляции — для летних. Зимой — это морозильник, летом — душегубка. Поездки на «Кубани» занимают часов пять—шесть. Если «выезд» часа на полтора пути — это

среди артистов считается вовсе и не «выезд». Просторы нашей родины необъятны, их невозможно представить, глядя на простую географическую карту, где город лепится к городу, а области вокруг больших городов прямо-таки обступают свой центр. Ничего подобного! По одной Свердловской области можно ехать часами. Поезд от Свердловска до края своей собственной области идет чуть не сутки! Представляете, что должна испытывать артистка в автобусе, температура в котором ниже 30, 40, 50 градусов? Всегда ниже той, что за бортом. Зимой в автобусе вспоминается лето. А летом почему-то зима: в автобусе, в котором не открываются окна, но чудесным образом туда проникает дорожная пыль, не раз пассажирам становится дурно. Но ведь автобус не остановишь: театр — искусство коллективное, нас еще в институте приучили к тому, чтобы не задерживать коллектив, не «тянуть на себя одеяло». И вот натянешь на себя гостиничное одеяло, взятое из номера по секрету от горничной, укутаешься в него лютый зимой — и едет, едет «Кубань»-морозилка час, два, три... Надешь одеяло — вроде возле лица тепло. Въезжает автобус в город под утро, подъезжает к гостинице, а встать с сиденья не можешь: околели ноги, руки, не чувствуешь лица... Ну, словом, выходишь из автобуса без всякого темперамента.

Когда артист еще едет на концерт, то его изнутри подогревает творческое волнение. Поэтому по приезде в клуб он из автобуса выскакивает. Как приедет в клуб, в очаг культуры, где народ уже ждался и стучит в нетерпении валенками об пол и сотней ртов согревает дощатое помещение к приезду таланта, так он, артист-то, бегом туда из «Кубани» бежит.

И выйдет на сцену в черном фраке, белой сорочке, черной бабочке — как будто лето. Только непослушные пальцы, которыми станет перебирать струны гитары, напомнят зрителям о лютый зиме. Чуть севшим голосом он запоем о своей любви к вечной гармонии. И выйдет следом за ним женщина в длинном черном платье-декольте. Как будто лето. И она прочтет задушевные стихи Лермонтова. И никто из зрителей не догадается, что под платьем у чтицы ее московское пальто. Подруги помогли ей так сдвинуть воротник с шеи, чтобы публика не догадалась, что под платьем пальто...

Артисты советской филармонии выносливы. Они могут, пролетев семь тысяч километров, прямо из аэропорта отправиться на «Кубани» километров за сто пятьдесят поиграть на рояле без нескольких клавиш и без одной педали. Потом на той же «Кубани» снова преодолеть сто пятьдесят километров и приехать, наконец, в гостиницу. В ней артист даже не обратит внимания на тараканов, скорее всего отчаеется от того, что буфет не работает, поест nasкоро всухомытку и уснет усталым, но, как и предусмотрено системой Станиславского, счастливым от «контакта со зрителем», от их редких, но бурных хлопков.

Наутро артист обнаружит, что в городе продукты дают по талонам. Настоящего артиста этим не испугаешь. Настоящие артисты вообще по магазинам уже не ходят, а всю кухню везут с собой. Даже если эти артисты — скрипачи или виолончелисты, у которых одна рука всегда занята инструментом. Даже если это драматические артистки, как я, которые везут в чемодане костюм, концертные туфли и у которых нет сил тащить второй чемодан. Мы не можем тащить, но ведь у нас есть еще плечо, на которое можно повесить сумку с кастрюлькой, кипятильником, мисочкой, пакетами крупы... Настоящего артиста пугает всегда одно и то же: что в гостиничном номере может не оказаться ни холодной, ни горячей воды. Обнаружив, что нет воды и нечем смыть с лица грим, не вскипятить чаю, настоящий артист филармонии остаётся артистом и продолжает упорно работать над собой.

В Магнитогорске молоденькая администраторша уговаривала меня не падать в обморок. А я и не думала падать!

— Это у вас не звездочки в глазах, — торопливо шептала она, — и в обморок вы не упадете! Это у нас на комбинате пыль такая, графитная, она на солнце блестит. А голос к вам потом вернется, вот с завода выйдем, он и вернется!

И правда, вернулся, как только я уехала, а мои зрители остались, припорошенные графитной пылью.

Каждый артист филармонии с годами узнает, что концерт в жизни — не главное. Самое важное — доехать, доплыть, долететь, не попасть в аварию, не застрять в пути с отвалившимся от «Кубани» колесом, не простоять в степи часов во-

семь, дожидаясь попутки. И не заболеть. Помню, как зимой мы застряли где-то под городом Шевченко. Была страшная пурга. Мы просидели в тонкостенном автобусе, который никогда не надьшишь, всю ночь. Потом выяснилось, что в городе знали, что должна начаться пурга, но нас все-таки на концерт послали. Оказавшись опять в Шевченко, среди людей, мы хотели узнать, за что нас подвергли смертельной опасности, нас, носителей культуры, как нас иной раз торжественно называют с высокой трибуны. Хотя мы и артисты, но ведь мы тоже люди. На нас смотрели удивленно: автобус испортился — ну и что? Автобусы для того и ездят, чтобы портиться.

Меня поражает равнодушие иных административных работников культуры к судьбе артиста. Может быть, это объясняется тем, что филармонический администратор за организацию концерта получает всего несколько рублей — то ли три, то ли пять? И подыскать на такую работу человека душевного и образованного невозможно? Они равнодушны к судьбе артиста, которого засылают то в степь, то в лесные дебри, но и засылают-то редко по назначению. Скажем, приезжает артист с программой И. С. Баха. Администратор направляет его... в детский сад. Приезжаю я с «Кентервильским привидением» О. Уайльда — спектаклем глубоким, философским, — меня направляют на завод, в обеденный перерыв, который длится 45 минут. В цехе рабочие едят, сидят кто на чем, а я им зачем-то Уайльда — кусочками. Рабочий поел, встал и пошел покурить. За ним — почти все. До конца обеда минут десять... А я стою посреди цеха и ищу, на каком бы месте закончить, чтобы не стыдно было перед автотом и перед самой собой. Не оборвешь же текст на полуслове.

Прекрасную пианистку Г. А., ученицу Л. Оборина, случайный администратор запросто посылает в общежитие заводского ПТУ поднимать культурный уровень его обитателей. Послал — и забыл, что в том очаге бескультурья нет инструмента. Иногда оказывается, что инструмент есть, но, к сожалению, без струн. И вот стоит прекрасная пианистка Г. А., перелетев половину Советского Союза, перед останками инструмента, смотрит на них и говорит:

— Извините, концерта не будет.

— Как это не будет? — спрашивает местная воспитательница. — Вы что, без роляя ничего не можете?

— Нет, не могу.

— Мы просили, чтобы артистов прислали, песни, пляски, а присылают, господи... Может, спляшете? Ребятам очень понравится! Вас так ждали...

— Я пианистка.

— А сплясать не можете?.. Артистка называется!..

Плясать предлагали мне, плясать предлагают всем. Почему-то считается, что пляска — высший вид искусства, это мнение держится упорно

Несколько лет назад по всем концертным организациям страны прокатилась волна проверки: было устроено прослушивание артистов. На языке людей, которые занимаются высоким искусством, это называется «тарификацией». Высшее «культурное» начальство прослушивало артистов из всех филармоний, чтобы выяснить, кто чего стоит, соответствует ли артист своей нищенской ставке или ее пора снизить? А может, артиста попросту уволить — и за счет сокращенных, уволенных, проуженных на пенсию увеличить фонд заработной платы оставшимся? Естественно, прошли такие прослушивания и в Москве.

Артисты волновались, как дети, репетировали, некоторые не спали ночами... Работники культуры сидели на «экзаменах» в строгих костюмах, рассматривали своих подопечных с пристрастием. На этих строгих людей государством была возложена ответственная миссия: оценить таланты. Там должно было решиться, достоин ли артист С., закончивший Московскую консерваторию по классу вокала, петь в обеденный перерыв в булочной № 126 под аккомпанемент баяна или не достоин? Может быть, он еще для булочной не созрел? Так сказать, еще не спелся?

Правда, здесь, на экзаменационной сцене, петь под баян ему не разрешалось. Это могло бы шокировать утонченных и непомерно требовательных министерских дам. А когда другой свец по наивности попробовал все-таки выйти на сцену со своим другом-баянистом, работницы министерства культуры очень рассердились и чуть не сократили его. С трудом удалось убедить их, что это не хулиганская выходка, а просто за

двадцать лет он уже привык петь классические арии и романсы под аккомпанемент баяна. А от фоно отвык...

Мы, к сожалению, богаты артистическими талантами. Я знакома с лауреатами разных международных конкурсов, для которых сцена Большого зала Московской консерватории никогда не бывает свободна. А жить-то им надо. Вот и приходится давать сольные концерты в рабочих общежитиях: строительных, шоферских, заводских... Страшно не то, что в рабочих, а то, что в общежитиях.

«Зрители» и «слушатели» сидят в красном уголке в майках, женщины — в халатах и шлепанцах на босу ногу. Дети бегают по красному уголку, и воспитатель (воспитатель есть и в семейном общежитии!) цыкает на них, чтобы они не мешали дяде петь, а тете кувыркатся: не ровен час — тетя в стену врежется. Страшно, что искусство принадлежит народу из общежитий прямо в общежитии. Концерт можно устроить в парке, на площади — но это все равно что в общежитии. Только на площади просторно, а в общежитии тесно и воняет щами. Но момент театра должен у зрителя возникнуть. Одного артиста, который долго релетирует, работает над собой, который волнуется перед выходом, в этом деле недостаточен. Никакое актерское перевоплощение не сделает из общежития концертного зала. Филармонические концерты должны идти в концертном зале. Однако такая высокая требовательность оставит нас без работы: залов в стране мало, даже в Москве их фактически нет...

На концерте в общежитии шоферов я встретила нашего замечательного скрипача О. К., который, выйдя со «сцены» (в красном уголке — типовой комнате — конечно, никакой сцены не было, на десяти стульях сидели трое мужчин в майках), так вот, выйдя из комнаты, О. К. взволнованно спросил меня:

— Ну, как?

Я ответила, что он играл Паганини гениально. Он сказал:

— Сегодня я в первый раз сыграл. Работал четыре месяца.

Я его поздравила с премьерой.

Композитор и гитарист Н. К., лауреат международного конкурса композиторов-гитаристов, чьи произведения издаются и исполняются в Англии, Японии, Финляндии, Франции, Испании, ходил по столовым города Куйбышева с протянутым стаканом и просил подать ему немного заварки. То была не прихоть великого человека: просто наши гастроли с ним шли уже целый месяц и ему надоело пить вместо чая кипяток.

Мы объездили с ним несколько, как теперь говорят, «регионов нашей страны», и ни в одной филармонии не знают и не хотят знать, кто же такой Н. К. и чем же он знаменит. Не до него! Надо на нем деньги делать. На нем можно было бы делать миллионы — но нас за ради Христа посылали в ПТУ, в заводской цех в обеденный перерыв, в школьный класс на тридцать минут, чтобы дети не переутомились, на кухню городского кафе-пельменной... Выезжая за пределы СССР, Н. К., как и многие другие исполнители и авторы, с удивлением замечает, что его там знают и прямо-таки любят. Он там вдруг начинает чувствовать себя артистом. Его всюду ждут! Концертные залы заполнены любителями гитарной музыки, телевидением, радио. Гитарист на сцене поклонился, сел — многотысячный зал затих, готов внимать его мелодиям. Его осыпают цветами, им неподдельно восхищаются, смотрят на него, стараясь запомнить взгляд, черты лица гениального человека, просят автограф... После концерта отвозят в гостиницу, где его ждет номер (с горячей водой!). Он едет по городу и повсюду видит афиши, извещающие о приезде Н. К. — замечательного гитариста XX века. Так было в Хельсинки, Париже — в любом городе «заграницы». Вот вы по инициалам сможете догадаться, о ком я говорю? А в Париже могут.

У нас афиши стараются не расклеивать. Потому что — поди порасклеивай. Клея нету, и тот, кто клеит, на работу почему-то сегодня не вышел. Или он, знаете, заболел. Не расклеивают даже в Москве. Афиши, которые вы иногда встречаете, извещают лишь о части концертной жизни столицы. Десятки концертов проходят без афиш — с тремя сестрами и дядей Ваней в зале. И наши артисты тайком, боясь, что какой-нибудь ночной милиционер их неправильно поймет, ходят под покровом ночи с бутылочкой клея и развешивают на покосившихся заборах афиши на свой солидный

концерт. Не верите? Да я сама сколько своих афиш развешивала.

Артисты за свой счет отсылают по почте рекламу в разные филармонии, где реклама лежит на складе и желтеет. Потому что расклеить некому. Знаете, «он» на работу не вышел. Заболел, наверно. Да и зачем расклеивать — и так, как придет, тот придет, а кто не придет, того никакая афиша не зазовет. Вот такая «администраторская» философия.

Филармония артиста просто не любит. Словно бы не мы, артисты с чемоданами, собираем полные залы зрителей, каждый из которых уплатил за билет. Куда же идут все эти деньги? Мы, артисты, этого не знаем. Это члены партии могут платить взносы и не интересоваться, на что они идут. Артист должен знать, НА КОГО ОН РАБОТАЕТ, потому что это тяжелый труд. Над артистами высятся массивная надстройка из административных работников, и у них так много какой-то своей работы, что им не до нас. Они пишут разные бумаги, стоят в очередь к кабинету за высокой подписью, а афиши тем временем печатаем мы сами, концерты устраиваем тоже сами, и даже билеты не всякая филармоническая кассирша согласится продавать. Мне приходилось просить своих подруг (если играю в Москве), и они стоят за билетеров.

Зато надстройке повысили оклады. В отделах культуры, в министерствах, всем, кто перестал помогать артистам выходить на публику. Раньше артистам помогали хотя бы партийные работники — у них была «установка» на пропаганду культуры в массах. Теперь нет и такой помощи. Речь не только о питании артистов в чужом городе, не о хорошей гостинице и даже не об удобном автобусе — хотя все это и составляет самую обычную жизнь. Я говорю еще о том, что наши филармонии нищи. «Забота» партии о филармонических залах была показной всегда, и теперь, когда «заботы» из райкомовского или обкомовского кабинета не дожدهшься, это стало видно особенно. Филармонии не на что купить рояль. Есть концертные площадки, где нет стула, стола! О пианино я уже не говорю, поскольку оно не внушает никакого уважения местным жителям и его почему-то всегда ломают.

Некоторые филармонии остались без транспорта. Испортилась «Кубань» — конец шествию культуры по целой области. Сами филармонии, как учреждения совершенно ненужные (они же не производят материальных ценностей), ютятся, куда их пристроят. В Перми, Ижевске, Липецке, Тольятти, Набережных Челнах, Мурманске и где только еще филармония своего помещения просто не имеют или арендуют у местных предприятий. Партийная забота была показной, она держалась на приказах, телефонных звонках, устных «указаниях». Ни копейки в культуру партия так и не вложила. Была культура бедной, а стала нищей. Было артистов жалко, а теперь о нас вовсе забыли.

И тут оказалось, что без скрипача и виолончелиста, певца и драматического артиста прекрасно можно обойтись. Наши «натуральные» голоса заглушил микрофонный бум. Именно такую иллюзию пытаются создать телевидение, будучи само искусством чисто «электрическим». Но, когда оказываешься на сцене деревенского клуба или престижного московского концертного зала, видишь лица зрителей, всякий раз понимаешь, что живого артиста не заменит никто и ничто. Артисты зрителям нужны, их приезда ждут, их мастерству удивляются — но наши «культурные» начальники на концерты обычно не ходят. У них своих дел невпроворот.

Ради зрителей артист и терпит неустройство своей жизни. Это не красивые слова, а просто «в жизни» все так и есть. Поезжайте в ночной аэропорт, на вокзал, посмотрите, кто прилетает и прибывает поездом в Москву, — вот идет молодой человек, одетый не по-московски тепло, со своим грузом виолончелью. Вот по перрону идет девушка со скрипкой. Они вернулись домой с гастролей. Ночь. На метро опоздали, такси не достанешь. Их никто не встречает, не довозит до дома. В филармонии даже никто в голову не берет, что дорога входит в рабочее время артиста и в это время за артистом тоже нужно поухаживать, создать ему максимум удобств.

С самолетов и с поездов сходят не только музыканты, но и мы, драматические артисты, которых не выделишь в толпе пассажиров. Но если вы увидите женщину, которая тащит чемодан и сумку, знаете: это, может быть, артистка. В чемодане она несет свой концертный костюм, а в сумке — свою походную кухню. Для зрителей праздник начинается тогда, когда артистка выходит на сцену, а для нее — когда она возвращается домой живая.

ОТ УДАРА лбом в стену брызнула, потекла по лицу кровь. Медленно оседаю на пол. Сейчас чекисты бросятся ко мне, подхватят под руки и, оглашая комнату руганью, потащат к дверям. Но это — в следующем кадре, для которого гример Джанетто де Росси наклеит мне из пластилина ужасающий шрам, разрисует чем-то красным да еще польет «кровью» — так, чтобы она расплзлась по всему лицу. А пока — съемка спецэффекта. Бьюсь лбом в стену. Стена фальшивая, поролоновая, но лоб все-таки настоящий, свой. Дубль первый, второй, третий, четвертый... «Стоп, — слышу голос режиссера. — Снято».

Итак, как говорится, журналист сменил профессию. Уже пятый день я — актер. Снимаюсь в «Киномеханике» у Андрея Михалкова-Кончаловского. Играю Губельмана, соседа главного героя. Сажу за свадебным столом с кино-механиком Ваней Саньшиным (он же Том Хольц — Моцарт из фильма Милоша Формана «Амадей») и его молодой женой Настей (американская актриса Лолита Давидович). Саша Гарин, играющий милиционера Морду, Оля Анохина, «его жена», Люба Матюшина, «моя жена», по-товарищески обучают меня маленьким хитростям профессии. Мы пьем за здоровье товарища Сталина, нашего вождя, отца, бога...

Очень мне нравится сценарий самого фильма, хотя и жаль, что снимается он на английском (ничего не поделаешь, диктует рынок: фильм без денег не снимешь, а деньги без международного проката не вернешь). Пропадают оттенки «советского новояза», аналогов которых ни в каком другом языке нет. Разве переведешь на английский: «Отправившись, падла, канал копать?»

ТОМ ХОЛЬЦ, в перерывах между съемками обученный нами кое-каким, не самым крепким российским ругательством, со вкусом повторяет: «Падла!» Вживается в советскую действительность.

РАЗГОВОР С АМЕРИКАНЦЕМ

Расспрашиваю Тома Хольца, как возникла идея пригласить его на роль кино-механика Сталина, как он понимает своего героя.

— Андрей собирался ставить в Америке чеховскую «Чайку», мы обсуждали этот замысел, и в разговорах возникла идея, чтобы я сыграл Ваню Саньшина. Для меня это очень интересно, тем более, что я не знаю ни этого мира, ни этого времени, ни страну, ни ее людей. Мне хочется понять механику поведения человека с хорошим, добрым сердцем, совершающего поступки вроде бы из лучших побуждений, но поступки, которые приносят другим беды и боль. И

Я И КИНО-МЕХАНИК Сталина

когда в финале мы увидим его, опустившегося, озлобленного на всех, то поймем, что таким его сделала система.

— Какой вам представлялась Россия прежде и какой вы узнали ее по ходу этой работы?

— Я думал, что трудной будет повседневная жизнь, но зато интересная работа, а это, конечно, главное. Мне казалось, что все мое время в Москве будет поглощено работой и только работой. Но, как ни удивительно, оказалось, что повседневная жизнь вполне о'кей, а вот с работой постоянные трудности. Ежедневно мы теряем по три часа, поскольку павильон занимают рабочие и строят декорацию кремлевских интерьеров для следующих сцен фильма. На Западе мы привыкли к другому: как только возникает какая-то проблема, немедленно изыскиваются деньги, если надо — колоссальные деньги, и проблема исчезает. Не знаю почему, но здесь подобного не делают, проблемы остаются нерешенными...

(...Бедный Том! Он не подозревает, что снимается на лучшей студии СССР, в самой престижной, высшей квалификации группе, руководимой асами московской администрации...)

— ...С самого начала работы в фильме я пытался найти, кто отвечает за все, но очень скоро убедился, что такого человека нет вообще. И, пожалуй, главное, что я вынес из своего моско-

вского опыта: если что-то случается, защиты искать негде, гарантии безопасности — никакой, нет никого, кому можно было бы полностью довериться.

Еще осложняет работу то, что все разговаривают на разных языках: звукооператоры — французы, операторы и гримеры — итальянцы, студийные работники — русские, большинство актеров — тоже русские. Работать с русскими актерами — большое удовольствие, но мешает языковой барьер.

— Как вам работаете с Кончаловским?

— Снимаясь у него, я часто вспоминаю Милоша Формана. Оба принадлежат единой восточноевропейской традиции, много общего в манере их работы с актером. Для меня участие в этой картине — ежедневная битва за то, чтобы найти верный тон, контакт, взаимодействие, взаимопонимание.

— Сколько лет вы работаете в кино?

— Четырнадцать. Снялся примерно в дюжине фильмов и все время продолжал работать в театре. Два фильма, которые считаю лучшими, — «Амадей» и «Доминик и Юджин».

— Каковы ваши ближайшие планы?

— Пока не знаю, чем буду заниматься дальше: нужно время, чтобы осмотреться. Хочется просто пожить своей жизнью.

Том Хольц в ролях Ивана Свьяшина и Моцарта (Фото Ю. Штукина и кадр из фильма «Амадей»)

— А что это значит?

— Мой дом в Сиэтле, где практически я не бываю. Моя семья живет в Мичигане. Большую часть времени провожу в Лос-Анджелесе, где снимаюсь, много времени — в Нью-Йорке, где играю в театре. Работа забирает меня целиком и потому в перерывах хочется тихой обывательской жизни: есть, спать, работать в саду, смотреть телевизор...

ИНТЕРВЬЮ С АВТОРОМ «КИНОМЕХАНИКА»

ОТЫСКИВАЮ режиссера Михалкова-Кончаловского, в этот момент занятого изучением грима Сталина. Сталин, одетый в привычный военный френч и менее привычные джинсы, сидел в кресле у гримера, и не так-то просто было узнать в нем актера Александра Збруева.

— Мы думали, самым трудным будет найти актеров, способных говорить по-английски, — сказал Михалков-Кончаловский. — Это, действительно, чудовищно трудная задача. Но еще труднее оказалось найти похожих «членов Политбюро». Берию (его играет английский актер Боб Хоскинс — двое наших наотрез отказались). Молотова, Микояна, Кагановича. Их помнят, они должны иметь портретное сходство. А все они, я бы сказал, с немалыми аномалиями. У Молотова коротенькие ручки, едва ниже пояса. Легко нашелся только один, на роль Калинина.

— Кто?

— Не скажу, увидите на экране.

— В наши перестроечные времена все хотят найти виноватого. Кто, если судить по вашему фильму, виноват в том, что произошло за по-

следние 70 лет: Сталин, Берия, кинемеханик Ваня, еврей Губельман, еще кто-нибудь?

— Вы хотите, чтобы я взял и выложил то, ради чего надо смотреть картину. Да и кто знает ответ? Наш фильм не воссоздание реальной истории, а скорее попытка исследовать определенную философскую проблему. Если бы события относились к XVII веку, было бы проще — помогала бы дистанция времени. А у нас действие завершается в 1953-м. Еще живы люди, хорошо помнящие те годы. Представьте, что вы пишете пьесу о Макбете через десяток лет после его смерти.

— Да. Нужно время, чтобы могла родиться легенда, чтобы потом утвердить ее или разбить.

— Мне очень хотелось снять фильм о Сталине. Да и странно не хотеть этого. Всех мучает вопрос: почему? Кто дал Сталину такое могущество? Мы помним письмо Булгакова Сталину, помним попытки многих одаренных и достаточно пронизательных людей найти в Сталине логику, а в сталинизме смысл. «Все мы были околдованы магией», — писала жена Булгакова. Ну, наверное, не все, но очень многие. Это как пропасть, которая манит к себе, хоть и страшно в нее заглянуть.

Страх — сложный феномен. Сегодня не трудно танцевать на гробе Сталина или Ленина. Для меня это лишь проявление рабских инстинктов. Чувство места — чувство раба. Чувство вины — чувство господина. Это мысль Бердяева, и я с ней целиком согласен. Искать виноватых неинтересно.

Мы всегда валили ответственность на тех, кто наверху. Дали, не дали, запретили, накормили, посадили. ОНИ за все отвечают. ОНИ во всем виноваты.

А вот Герцен сказал: «Рабовладелец настолько рабовладелец, насколько его раб позволяет ему таковым быть». Сегодняшняя ситуация в стране невольно заставляет вспомнить притчу о рабе, который, получив свободу, первым делом убил своего освободителя. Так уже случилось у нас в прошлом веке, так может произойти и сегодня.

Вот какие мысли занимают меня. Их и хочется проследить на судьбах простых, милых, честных, открытых, истово верящих в правоту существующего порядка людей.

— Не уверен, что ваш подход вызовет всеобщий восторг.

— Мне это уже привычно. Любая из моих картин кого-то чем-то не устраивала. Про «Первого учителя» говорили, что это слишком сталинистский, ортодоксальный фильм. Про «Асю Клячину» — что картину сделал агент ЦРУ, по заявлению, если не изменяет память, Семичастного. «Дворянское гнездо» прославляет, как сказал Евтушенко, помещичий строй. «Сибиряда» — конъюнктурный фильм о рабочем классе. Интересно, что придумают на этот раз? Наверное, скажут: «Имитация России, торговля за валюту национальной историей».

Ну, что ж. Не я первый, кому доставалось от критики. Спорить бессмысленно. Буду делать свое дело, как умею...

НА ЭТОМ закончилось интервью с голливудским режиссером Андреем Михалковым-Кончаловским, снимающим на итальянские деньги фильм на английском языке о русском кинемеханике, русской истории, русских бедах. Бедах, как не нужно объяснять, неокончившихся..

КТО БЫЛ НИЧЕМ — ТЕПЕРЬ ХОЗЯИН

КИНОТЕАТР «Буревестник» давно и глухо закрыт на ремонт. Спешащие к метро «Добрынинская» москвичи и не предполагают, что скоро они увидят в этом старом здании прославленные фильмы из всех стран мира. Здесь пройдут фестивали, первый из которых — «Шедевры европейского кино, неизвестные в СССР» — должен состояться уже в январе. Впрочем, москвичи правильно делают, что об этом не думают. Ибо, скорее всего, ничего подобного не будет.

Дело в том, что в августе этого года «Буревестник» поменял хозяев. Его взяла в аренду на десять лет Ассоциация советских киноинициатив (в прошлом АСК — Американско-советская киноинициатива). Арендаторы заключили договор со строительной фирмой о начале ремонта. Но когда строители пришли в кинотеатр, их оттуда выгнали, а всю их технику просто выбросили на улицу.

Кончилось лето, кончилась осень. Арендаторы по-прежнему ходят вокруг своего приобретения, но так и не могут обосноваться внутри. Кто же их не пускает? Рассказывает заместитель генерального директора Ассоциации Григорий Амнуэль:

— Думаете, речь пойдет о происках бюрократии? Спротивлению административно-командной системы? У нас — все наоборот. На нашем арендном договоре стоят визы председателя райисполкома и председателя районного депутатского Совета. Добро дали и законодательная, и исполнительная власть, на нашей стороне Москворецкий Совет народных депутатов. Мало того — нам предложили взять в аренду прилегающую к «Буревестнику» территорию и создать Кинокультурный центр. Этот проект сейчас разрабатывается. И при всех наших блестящих теоретических перспективах в действительности мы и шагу ступить не можем.

«Буревестник» давно закрыт. Но это не значит, что всякая жизнь внутри прекратилась: когда кинотеатр закрывают на ремонт, оставляют нескольких его сотрудников. В нашем случае их пятеро: главный администратор, сторож, два кино-механика и уборщица.

Когда кинотеатр был сдан в аренду, их предупредили, что в соответствии со статьей КЗОТа они уволены в связи с закрытием предприятия. Все пятеро получили компенсацию. Мы, со своей стороны, предложили: можете работать теперь

у нас. Единственное условие — принимать новых сотрудников мы будем на конкурсной основе. Не пройдете — не обижайтесь! А они заявляют, что Ассоциация выбрасывает их на улицу, никуда не уходят и нас не пускают.

Это не единственные обитатели кинотеатра. В «Буревестнике» обосновалось еще и культурное общество «Тхия» («Возрождение»). Как я заметил, там занимаются в основном распространением разных анкет и таможенных деклараций для тех, кто уезжает в Израиль. Дело вполне законное, для многих сейчас нужное. Но почему в кинотеатре? А искать себе другое помещение «Тхия» не собирается.

Нами приобретены стройматериалы, заказан архитектурный проект. Мы несем убытки. Убытки несет и государство. Неужели строители должны врваться в здание силой? Пробовали опечатывать двери — «Тхия» спокойно срезает пломбы. Председатель райисполкома звонит в отделение милиции, просит принять меры. Но никто не хочет связываться. Боятся обвинений в антисемитизме. Только мы не боимся. Ведь именно мы организовали этой весной фестиваль еврейского кино, который, кстати, едва не сорвался именно из-за того, что у нас не было своего кинотеатра. К тому же пятерка из «Буревестника» грозит объявить голодовку, если их начнут выселять, и, значит, будет большой скандал.

Вот что такое наше народовластие: несколько человек легко свели на нет все решения властей! Никто ничего не может с ними поделать. А еще говорят, что у нас диктатура аппарата, который, дескать, всемогущ!

Недавно в Союзе кинематографистов состоялось заседание Ассоциации независимых кинотеатров Москвы. Активисты движения — все та же пятерка из «Буревестника». В том, что они говорят, много дельного и умного. Но с одним я решительно не согласен. Они заявляют: «Дайте нам кинотеатр, и мы его сделаем рентабельным». И что предлагают? Печь там пирожки, поставить игральные автоматы, не знаю, что еще. Выгодно ли это? Безусловно. Но если Большой театр отдать фирме «Макдональдс» для торговли гамбургерами, это тоже будет чрезвычайно выгодно. Однако стоит ли делать бизнес таким вот образом? Пусть лучше «Макдональдсу» отдадут бывшее кафе, в Большом ставят спектакли, а мы в кинотеатре «Буревестник» будем фильмы показывать.

Е. ГОНЧАРЕНКО

Фото Ю. Шуккина

ЭТО ВАМ НЕ РОК-ШОУ!

СОПЕРОЙ в СССР все в порядке. В общественном сознании она как бы уже не существует. Ну, кучка снобов еще интересуется. Но советские mass media ориентированы, естественно, на mass. Пенальти в ворота «Спартака» они будут обсуждать долго и подробно. Но первый в СССР крупный оперный фестиваль прошел незамеченным. В зале Большого театра не было ни теле-, ни кинокамер. Газеты молчали. Нинель Шахова интервьюировала заехавших китайцев. Театры из Кишинева, Свердловска, Минска и Ленинграда никому не были нужны.

Кроме кучки снобов. Кучка толпилась у Большого, клянча билетик. Кучка заполняла партер и ярусы до самой люстры. Правда, торжественной пустотой сияла правительственная ложа, но это понятно: вышшему руководству по зубам только «Лебединое озеро», остальное — «сумбур вместо музыки». Да и не до оперы сейчас...

Кучка снобов восторженно встречала прекрасных дирижеров — Е. Бражника (овации), М. Сечкина (овации), В. Гергиева (овации). Звезд Кировского, замечательные оркестр и хор Свердловского, храбрые попытки раздвинуть рамки оперной режиссуры в спектаклях А. Тителя, Э. Константиновой, самого А. Тарковского, почтившего своим гением великий, но хиреющий у нас вид искусства.

Событие?

Какое, к черту, событие! Это ж вам не конкурс красоты, не «ступень к Парнасу», не рок-шоу. Законодатель мод — ТВ — от оперы отворачивается как черт от ладана. Что опера! Аналогичный фестиваль оперетты, демократический, феерический и праздничный, случившийся не так давно в Одессе, не был удостоен даже сюжетика в быстротекущем «Времени», не то что трансляции.

Между тем перед счастливыми, попавшими в Большой, предстал пейзаж переднего края оперного искусства, той непрерывно скудеющей у нас зоны, где люди экспериментируют, волнуются, ищут, находят, теряют дыхание, но сверхтоят прорывы в нечто удивительно захватывающее. Где опера живет и развивается.

И зрителю-слушателю здесь не нужно сидеть в почтительном оценивании. Нужно спорить, зажигаться новыми идеями, сомневаться. Увлечательный, знаете, это процесс — когда искусство живо и зритель — еще жив.

Лиричнейшая, камерная, сказочная «Иоланта» Чайковского разыгрывалась театром из Молдовы в антураже почти галактическом. Тема прозрения трактовалась художниками, склонными к философии, к обобщению, к мышлению «космическому». Сказка пыталась стать притчей, условность ее подчеркивалась, лирика игралась в толпе статистов — странно, спорно, занятно, несомненно талантливо. И все же не было у авторов спектакля самого главного союзника — музыки. Чайковский писал явно о другом, он оставался в рамках чистой поэзии — он и победил к финалу, тем более, что поют артисты из Молдовы прекрасно.

Свердловчане рисковали больше других, показав пятичасовую, и сегодня трудную для слушателя, «Катерину Измайлову» Шостаковича. А затем, подряд, уже совершенно экспериментальную «Антигону» В. Лобанова на либретто А. Парина (естественно, по мотивам Софокла). К концу третьего вечера страшно хотелось чего-нибудь из Верди. Во многих из нас укоренился консерватизм, жажда протеренного; вкус к новизне (в том числе к новым звучаниям) почти атрофирован, и это нехорошо. Провозгласив себя впередсмотрящими, мы жутко боимся трудного. И наслаждаясь трудным, непривычным; как правило, не умеем. Я не сопоставляю слушание оперы с покорением Гималаев. Просто это — наши, а не Шостаковича, проблемы. Чтобы вернуться в цивилизованный мир, придется развивать не только железнодорожную сеть, но и вернуть идею развития искусства. А заодно — и нашим художественным вкусам. В массах, непременно в массах.

Пять часов «Катерины» прошли, однако, как миг. Спектакль покорила именно развитием — бурным, драматическим. Единым потоком сценического действия — и музыки, которая продолжала действие и тогда, когда закрывался занавес. Оркестр был вдохновенен, дирижер Е. Бражник — главным действующим лицом обрушившейся на нас драмы.

«Катерина» — стопроцентно русская опера. Чувства в ней не выплескиваются, они глухо, грозно kloкочут в душах героев, они отмечены печатью рока. Здесь очень кстати режиссура А. Тителя — истинный психологический театр: перед нами не маски, но характеры, и

несомненна заслуга постановщика в том, что он вернул оперному певцу достоинство артиста.

С «Антигоной», на мой вкус, сложнее, и мне решительно непонятно, где рецензент «Советской культуры» отыскал в этой опере «яркую мелодичность». Музыка достаточно умозрительна, лабораторна и, за исключением некоторых действительно ярких фрагментов, статична. Слух тщетно ищет опоры, душа — контакта с происходящим, но звуковая стена словно отгораживает сцену от зала, отчуждает. Сценические решения между тем впечатляющи: прекрасно использованы огромные пространства, где сложно, трагично переплетены движения людских масс и где музыкальным акцентом — фигуры Антигоны, Кронта, Исмены... В обоих спектаклях активнейшее «действующее лицо» — свет, возможностями которого режиссер владеет безупречно. Оба спектакля сильно проигрывают из-за необъяснимо скверной дикции артистов. Оба — демонстрируют преимущества театра, где нет и, будем надеяться, уже не будет пошлой борьбы за первенство между дирижером и режиссером, а есть — редчайший творческий союз равноправно крупных художников, верных театру солистов, сильных, творчески зрелых хора и оркестра. На этом пути тоже возможны взлеты и спады, но он — единственно плодотворный для современной музыкальной сцены.

Не повезло минской «Кармен» — ее оптом «закупил» проходивший, на беду, съезд профсоюзов. Из публики в этот вечер, судя по всему, мало кто бывал в театре и уж почти никто — в опере. Облегченно аплодировали каждой паузе в увертюре, радовались знакомым по «Маяку» шлагерам, тосковали в речитативах, принимали антракт за конец спектакля... Но фестиваль, такой редкий, такой уникальный, — все-таки не ликбез. А тут шли явно не по велению души и сердца — а лишь потому, что «давали» билеты, и интересно знать, по какому принципу — кому партер, а кому галерка. Во всяком случае, к финалу свидетелей убийства ветреной Кармен могло быть и побольше.

Поставил спектакль В. Цюпа, блеснувший несколько лет назад принципиально новым подходом к «легкому» жанру оперетты. Его музыкальность, его фантазия, его умение отыскать в привычных коллизиях nascвозь знакомых либретто мотивы глубокие, мудрые, вечно актуальные — заставляют и здесь, в «Кармен», предвкушать новые открытия. Но, как не раз уж случалось на сцене, вольный авторский замысел создателей спектакля разбился о реальность конкретной музыки, конкретной театральной труппы, актерских индивидуальностей. Спектакль вышел нарядным, интригующим необычностью мизансцен — но одновременно тяжеловесным. Музыка выглядела сопровождением, а исполнители, послушно следуя форме, даже и не пытались измениться внутренне, были все теми же певцами традиционной оперы — штампы от этого лишь разительней.

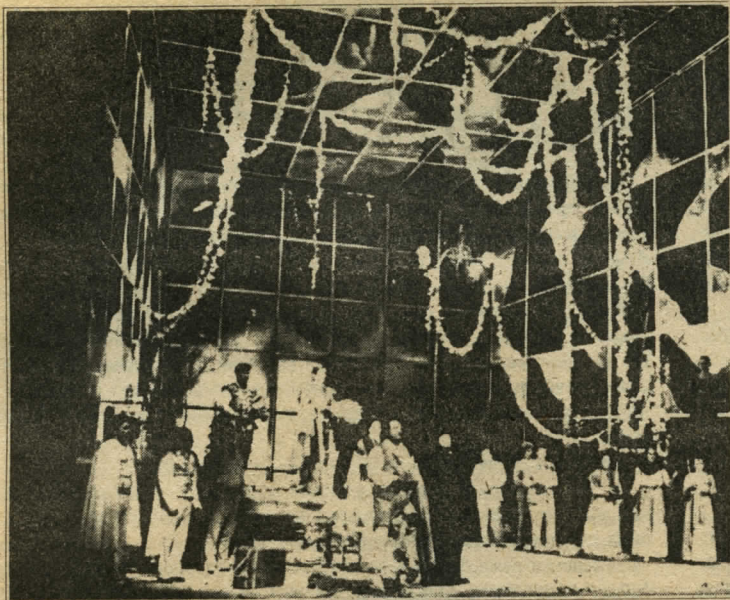
Активная режиссура, как показала Панорама, случится в двери оперных театров. Но успех не в сокрушении всех канонов. Еще свежи впечатления от «Макбета» прославленной лондонской труппы — Шекспир и Верди явственно смахивали на Тренева с «Любовью Яровой». Режиссура захватывала смелостью. И мужеством идти поперек музыки...

Панорама закрылась «Борисом Годуновым», скалькированным в Ленинграде с лондонского спектакля. На афише имя А. Тарковского. Отсюда интерес, отсюда то печальное обстоятельство, что этот не лучший спектакль Панорамы стал единственным, привлечшим внимание широкой прессы. Калька, по-видимому, просто не способна нести живое дыхание премьеры, задуманной в другой стране, для другого зрителя, с другой труппой, обладающей иными сценическими традициями. Не смею поэтому судить о великом режиссере по этому спектаклю Кировского театра. Желающих адресую к многочисленным рецензиям, лишь подтверждающим рабскую нашу привычку сначала затравить художника, а потом сделать из него божество.

Заключу вот чем. Театр Дружбы народов, организовавший Оперную панораму в столь трудный для страны год, обнаружил волю противостоять общему распаду. Он, не поддержанный практически никем, сделал огромное дело. И еще раз доказал: все в руке человека. Можно со знаменами тонуть в болоте. Можно отринуть окружающую суету и думать — о прекрасном. И создать прекрасное.

Потому что жизнь — продолжается.

Валерий КИЧИН

Вот какой странный павильон выстроен в театре из Молдовы для «Иоланты».

«Задрипанный мужичонка» (С. Майструк) из спектакля свердловчан «Катерина Измайлова».

Марина Мнишек —
О. Бородина, Рангони —
С. Лейферкус («Борис Годунов», Ленинград).

Традиционные персонажи нетрадиционного спектакля (Кармен — Н. Руднева, Эскамильо — А. Савченко, Минск).

В РУЖЬЕ!

Яркими красками осеннего изобилия радуется нынче рынок! Куда ни глянь — всюду щедрые золотистые россыпи патронов, сверкающие гирлянды пулеметных лент, серые, с благородным отливом тушки артиллерийских снарядов. Непередаваемо волнующим ароматом смазочных масел тянет от рядов, где расположились минометы, гаубицы, пусковые установки.

Всюду возле продавцов толпятся покупатели. Оживление, споры, щелканье пробных выстрелов, призывные крики продавцов:

- А вот кому патрончики к Калашникову! Свеженькие, нелетаные!
- Гранаты, гранаты! Лимончики пупырчатые, кому?
- Почем гранаты, бабуся?
- Сто рублей штука, милоч.
- Дорого.
- А ты иди в лес, пособирай сам, потом говори — дорого.

Что ж, права бабуся: надо знать заповедные места в глухомани, покинутые воинскими частями, надо по едва уловимым признакам угадать, где под травой и листьями брошены боеприпасы... Даже и в нынешний урожайный год нелегкий это труд — сбор даров леса.

Вот мужчина, утирая пот, с улыбкой на лице катит могучую красавицу-гаубицу.

- Вы довольны покупкой?
- Да. Семья давно мечтала о такой вещи на садовом участке. Особенно будут рады дети.

Вот молодой человек набивает рюкзак шашками тола.

- На рыбалку?
- Нет. В Швецию.

НЕТ СЛОВ!

ЭНСК. Здесь, как известно, вторую неделю продолжается забастовка партработников. Тихо и пустынно в коридорах и кабинетах горкома и райкомов. Не трещат пишущие машинки, не заливаются телефонные звонки. Замерло производство мудрого партийного слова, столь нужного всем горожанам.

Скажу откровенно: непросто определить свое отношение к забастовке. Споры нет, тяжел и неблагоприятен труд партработника. Несмотря на широкообещательные обещания механизировать и автоматизировать партийную работу, вот уже много лет единственными инструментами райкомовца или горкомовца остаются зычный голос да твердый кулак.

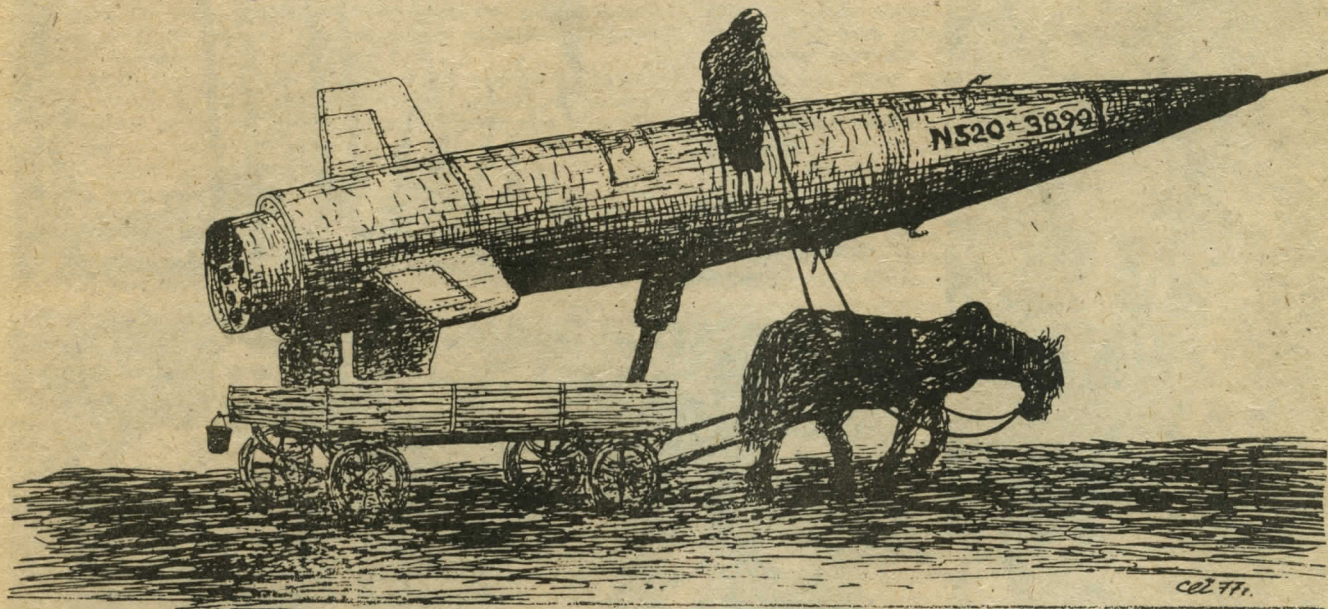
Беседую с бастующими на площади перед горкомом.

— Вот некоторые говорят: кабинетная работа, — с обидой говорит мне один из них. — А ты посмотри на меня, когда я со смены иду: глаза слезятся, голос сорван, на пальцах ссадины.

— Еще говорят: что у вас за работа — слова, слова... — вступает в беседу его товарищ. — Но ведь за каждым нашим словом стоит бессонный труд, ночные заседания и дневные блдения. Прежде чем выдать партийное слово людям, сколько его приходится ковать, чеканить, шлифовать!

— Но самое трудное, — подхватывает тему третий забастовщик, — сделать его живым, посеять его в людские души.

Что тут скажешь: правы товарищи. Более того, есть в их производстве и нелегкий психологический момент: не всякий сеющий партийное слово увидит его живительные всходы — не каждому хватит для этого жизни.

- Пешком?
 - Что вы! Конечно, на самолете.
- А вот веселая ватага смуглых юношей загружает ракеты «земля — земля» в кузов «КАМАЗа».

— Куда вам столько, ребята?

Ребята смущенно переглядываются, лукаво улыбаются. Один из них озорно подмигивает мне и говорит:

— Суверэнытэт!

Да, впереди зима, и люди спешат запастись на рынке самым необходимым для спокойной жизни в своем регионе. Урожайный выдался год! Каким-то будет следующий?

Не из этого ли, прямо скажем, драматического обстоятельства выросли требования забастовщиков? Действительно, если им не дано увидеть результаты воздействия их слов на других людей, то уж хотя бы отдачу от этого производства лично для себя могут они иметь при своей жизни? Тем более, что они не требуют ничего сверхъестественного: учитывая особую вредность аппаратной работы, улучшить питание и медицинское обслуживание. Ликвидировать уравниловку в оплате труда. Ведь как сейчас? Один инструктор может подготовить за день черновики трех, а то и четырех постановлений, другой — только одного. Один способен за неделю проверить десяток низовых организаций, другой в первой же застревает на месяц. А получают оба один и

тот же оклад... И, наконец, бастующие требуют, чтобы жилье распределялось строго по очереди: если сдастся новый дом, то первым в него переезжает первый секретарь, вторым — второй и так далее.

Что ж, требования бастующих справедливы. Но правильно ли добиваться их выполнения остановкой работы? Не вернее ли, наоборот, повысить производительность труда, улучшить качество отделки докладов, инструкций, призывов? Будет больше качественных призывов — больше будет новых добротных жилищ, полнее станут магазинные полки, богаче — больницы.

Меж тем время идет. Бастующие задолжали горожанам миллионы партийных слов самого разного назначения — призывных и увещательных, разоблачительных и конструктивных, разносных и поздравительных. Близится зима. Раньше, в самые лютые холода, когда, как повелось в этих краях, кончается уголь в котельных, согревало жителей Энска горячее партийное слово. А как будет теперь?

Конечно, страна не оставила Энск в беде. Телефоном и телеграфом, в газетах и телепередачах перебрасываются сюда партийные слова, срочно изготовленные в других, не бастующих регионах. Но запас их не бесконечен, и скоро их нехватка начнет сказываться в самых разных местах.

В самом же Энске, пользуясь отсутствием настоящих партийных слов, активизировали свою деятельность съезжие политические спекулянты. Их неформальные словечки, сляпанные наспех из первых попавшихся под руку теорий, конечно, по качеству не идут ни в какое сравнение с граненым и кованым партийным словом. Но что остаётся людям? Они вынуждены брать то, что есть — эрзац, халтуру, — и засорять мозги, портить мировоззрение.

Таков подлинный итог амбициозной забастовки энских партийных работников.

ЗДРАВСТВУЙ, СТОЛИЦА!

На днях сельский школьник из Подмьюсковья Сидоров Н. И., угрожая гранатой, угнал автобус, следовавший по маршруту Сосновка — райцентр, в Москву и попросил в Моссовете политического убежища. Ведомство Г. Попова изучает ситуацию. В случае если будет доказано, что в сосновской сельской школе Сидоров Н. И. подвергался преследованиям за свои политические убеждения, убежище будет ему предоставлено.

Сосновский сельсовет между тем предложил Моссовету заключить соглашение о взаимной выдаче угонщиков любых транспортных средств, вплоть до гужевых, чтобы в будущем избежать обострения отношений между сосновцами и москвичами.

В то же время дирекция сосновской сельской школы направила в Моссовет телеграмму, в которой выражена сильная озабоченность в связи с возможностью насильственного возвращения Сидорова Н. И. Дирекция подтвердила, что Сидоров Н. И. преследовался ею как идейный анархист, и выразила надежду, что он получит политическое убежище в столице и никогда более не появится в стенах сосновской школы.

В целом ситуация осложнена тем, что вместе с Сидоровым Н. И. убежище в Москве попросили все остальные пассажиры угнанного автобуса, а также водитель. В кругах сосновской общественности предполагают, что у их земляков произошла утечка мозгов.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЛЕМИКИ

Загадочное событие произошло в доме № 32 по Перестроечному проспекту. В середине дня в одном из подъездов, на втором этаже, где расположены почтовые ящики, внезапно раздались крики и шум ожесточенной драки. Сбежавшие жильцы с изумлением обнаружили, что на лестничной площадке никого нет, а звуки доносятся из ящика, принадлежащего жильцу Н. Дверца дергается, а из щели время от времени вылетают бумажные клочки.

Загадка разъяснилась лишь к вечеру, когда Н. вернулся с работы и отпер дверцу. Оказывается, в его ящике подрались свежие номера «Огонька» и «Молодой гвардии». При этом сильно пострадали ни в чем не повинные «Реклама» и «Сад и огород».

Так неожиданно поплатился Н. за свою излишнюю приверженность плюрализму.

ВЕСЕЛАЯ ПУТАНИЦА

Забавные истории ежедневно разыгрываются в близлежащих городах Энска и Эмска. Хвосты очередей за вином и водкой выступают так далеко за пределы городской черты, что жители Эмска порою ошибочно встают в энскую очередь, а жители Энска — в эмскую. Недоразумение выясняется только у прилавка, где требуется показать паспорт с местной пропиской.

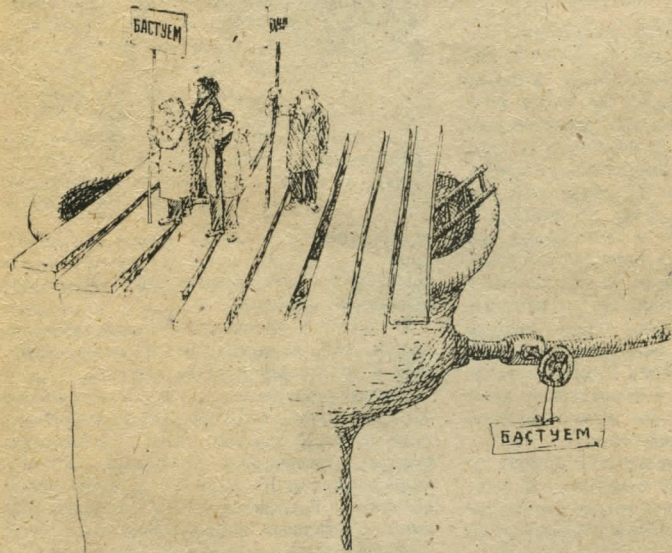
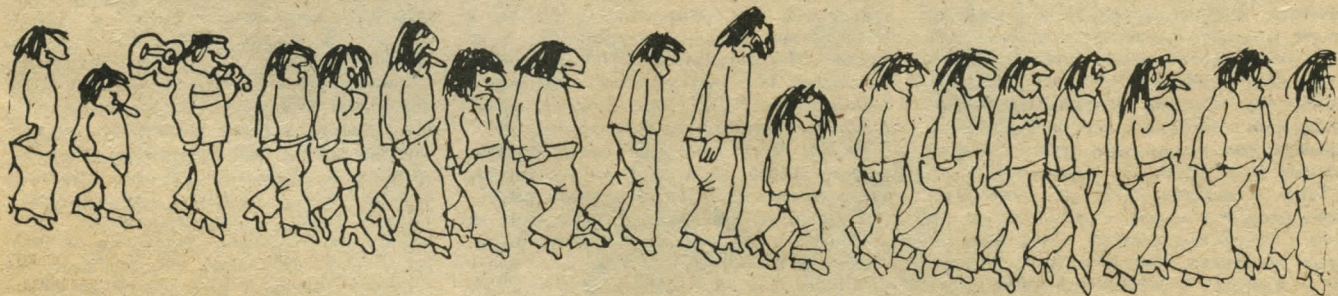

Рис. В. Сысова

«АВТОПОРТРЕТ С ШЕСТЬЮ ГЛАЗАМИ»

...1974 год. Сентябрь. Воскресенье. Мы выходим из метро, идем по тротуару, потом длинной тропинкой в гору. Мы — это Рубашкин, я и Леонид Ефимович Пинский, известный шекспировед. Накануне нам сообщили, что в воскресенье на пустыре около станции метро «Беляево» под открытым небом состоится выставка московских художников-авангардистов. Моссовет как будто бы разрешил.

Погода для такого ошеломительного по тем временам мероприятия выдалась неподходящая. Небо низкое, и сеет мелкий, мелкий дождь. Мы идем мимо длинных домов. Пинский саркастически приговаривает: «Да-а-с... Выставка авангардистов... Дожили...» Но вот дома кончаются. На другой стороне улицы действительно пустырь, отделенный канавой. Мы переходим дорогу, перелезаем через канаву и видим художников с картинами в руках. Картины художники держат перед собой, как щиты или иконы. Мимо прохаживаются зрители. Тут же со скужающими лицами слоняются какие-то люди в одинаковых коричневых плащах-болоньях. Все ведут себя как-то неопределенно, словно в неотрепетированном любительском спектакле, когда актеры плохо помнят роли и не знают, куда девать руки. Впечатление театральности происходящего усиливают дождевая дымка и присутствие зрителей на балконах дома напротив.

Тише. Переговариваются почему-то шепотом. Распространяется слух, что Моссовет передушил и сегодня здесь будет воскресник.

В глубине пустыря — так и хочется сказать «сцены» — действительно появляется грузовик с саженцами. Откуда-то возникает тетка с плакатом «Все на воскресник!». Неожиданно, как по команде, люди в коричневых плащах разблачаются и оказываются в одинаковых ярких тренировочных костюмах. Они изображают студентов-физкультурников, прибывших для устройства парка. «Студенты» начинают как-то нехотя, даже лениво теснить художников и зрителей. Вот у кого-то отнята картина. Слышен треск разорванного полотна. Завязывается потасовка. Страсти накаляются, но по-прежнему шума нет и сеет дождь.

Справа, «из-за кулис», выезжают два бульдозера. Водители медленно ведут машины в сторону толпы. Кто-то из художников цепляется за передний нож бульдозера. Бульдозер останавливается.

Синие тренировочные костюмы, обретя уверенность, начинают теснить толпу к краю пустыря, к канаве. Рыжая глина размокла, липнет к ногам. Кто-то, поскользнувшись, падает.

На шоссе появляются легковые машины с жажущими сенсацией иностранными корреспондентами... Щелкают кино- и фотокамеры. Какой-то даме выкручивают руки и отнимают аппарат. Визг. Крики. Гул усиливается.

Тетку с плакатом «Все на воскресник!» опрокидывают в канаву, и оттуда торчат две ноги в фиолетовых реикузах. Подъезжает милицйская машина. Кого-то хватают, запикивают в «воронок». В глубине пустыря раскладывают костер и сжигают несколько картин.

Апофеоз. На «сцену» въезжает поливальная машина и пускает в ход водометы.

Что было дальше, не знаю. Мы уходим. А дождь все сеет и сеет на размокшую рыжую «сцену», на этот плохо задуманный и неудачно сыгранный спектакль.

Рубашкин назвал работу, посвященную этим событиям, «Картинки с выставки». В левом нижнем углу он изобразил себя, зонтиком защищающего жену от струи водомета.

Сейчас работа находится в музее имени И. В. Савицкого в Нукусе. Игорь Витальевич Савицкий сам купил ее для музея и переименовал в «Праздник весны в парке». Иначе нельзя было оформить покупку в бухгалтерии...

...22 июля 1975 года Рубашкина не стало. По-прежнему, только теперь уже без него, жили в доме его картины. У каждой — свой путь, своя судьба. Многим из них предстояли дальние странствия. Но тогда, в 75–76-м, они еще не разбрелись по свету и приняли участие в нескольких знаменательных событиях... Расскажу по порядку...

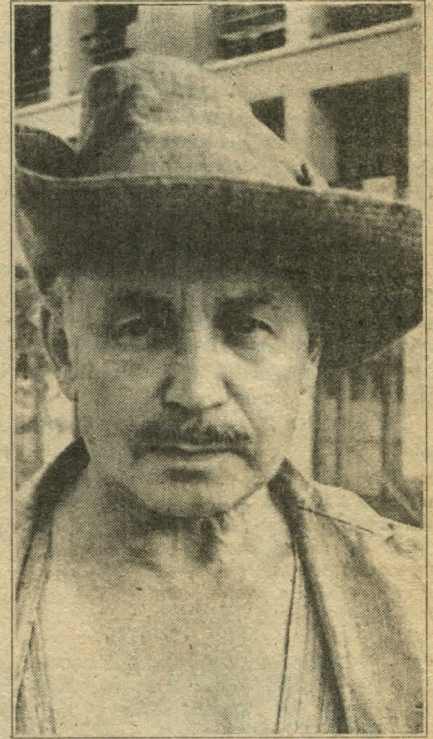
Теперь, пожалуй, трудно представить, что происходило тогда, в какой ситуации находились художники. Художественная культура того времени разделилась на два лагеря: официальный и так называемый диссидентский. Официальных художников принимали в творческий Союз, им раздавали премии и награды, их работы выставлялись на грандиозных выставках в Манеже и в Доме художника... А неофициальные ютились в нелегальных мастерских на чердаках и в подвалах, выставлялись на частных квартирах. О них писали в газетах скандальные статьи, где их называли «нонконформистами», и это, кстати, служило отличной рекламой для покупателей-иностранцев. «Диссидентские» работы беспрепятственно вывозились за границу, в Министерстве культуры охотно ставили на них штамп: «Художественной ценности не представляет».

Новый авангард складывался в группы со своими лидерами, хорошо известными за рубежом. Но и на Родине они хотели чего-то добиться и пытались легализовать свои выставки.

Первая в Москве, на пустыре близ метро «Беляево», окончилась плачевно и вошла в историю советского авангарда под названием «бульдозерной». Потом с разрешения властей прошли еще две: четырехчасовая выставка в Измайловском парке и десятидневная — в павильоне «Пчеловодство» на ВДНХ. И наконец, в сентябре 1975 года состоялась выставка в Доме культуры ВДНХ. Здесь я решила попробовать выставить работы Рубашкина.

Условия были объявлены самые демократичные: любой желающий мог предложить для экспозиции несколько живописных работ.

В мастерской художника М. Одноралова на Остоженке и еще в нескольких местах открыли пункты приема картин. Художники приносили работы, и каждый записывал в специальный реестр фамилию, имя, отчество, адрес.

С. Рубашкин

Наконец-то власти получили список почти всех московских авангардистов!...

Я отнесла в мастерскую Одноралова шесть картин: пять из цикла «Вспышки воспоминаний» и «Автопортрет на фоне окна».

Накануне вернисажа, солнечным осенним днем, я поехала на ВДНХ. Дом культуры оказался далеко от главного входа, в глубине территории. Обшарпанное двухэтажное здание в ложноклассическом стиле — с портиками и колоннами. Разыскивая его, я так долго шла мимо чудовищных позолоченных сооружений сталинской эпохи, так устала, что почувствовала облегчение, попав в это заброшенное место.

Тишина. Дверь в Дом культуры, как мне показалось, приветливо открыта. Вдруг вижу: в ступеньках прогуливается человек с красной повязкой на рукаве. Хочу войти в дом, а «красная повязка» не пускает. Настаиваю. Объясняю, что я — участница выставки и мне необходимо посмотреть, как разрешены картины... Тщетно. Человек загораживает дверь и, злое щедро глядя в упор, произносит: «Вход воспрещен». Я возмущаюсь. На шум появляется высокая молодая женщина. Представляется: «Таня Колодзей. Делаю экспозицию». Узнав, что я вдова Рубашкина, говорит, что его работы ей очень понравились, что разрешены они в главном вестибюле на хорах. «В строку» — как Таня выразилась... «Не удивляйтесь, — ус-

покоила она. — Вас не пускают внутрь, а нам не разрешают выйти. Вот так... Приходите завтра — на открытие».

На следующий день, в начале одиннадцатого, я опять на ВДНХ у дома с колоннами. В несколько рядов он оцеплен железными барьерами. Такими обычно пользуется милиция, отгораживая очередь за дефицитом. Сбоку — группа военных в белых шлемах, в крагах и с мотоциклами.

Стрелки часов приближаются к одиннадцати. Барьеры не раздвигаются. Появляется милиционер и сообщает: «Всех будут пускать через боковую дверь. В порядке общей очереди...» Пристраиваюсь к длинному хвосту, далеко от желанного входа.

Впускают небольшими группами. Те, кто уже побывал в здании, возбужденно рассказывают, что экспозиция зияет дырами. Очевидно, ночью по ней прошлась рука цензора. Что-то убрали. Картины Рубашкина — в том числе.

Из очереди слышится призыв: «В знак протеста снимайте свои работы, когда попадете на выставку!»

Так и произошло... Многие художники, разыскав свои холсты, срывали их и ставили на пол лицом к стене...

Забегали люди с красными повязками. Зал закрыли для посетителей. Художников выгнали из здания...

Окруженные барьерами и милицией, мы стоим на маленькой площадке около Дома культуры. Скамеек нет. Уставшие садятся прямо на траву. Проходит несколько часов. Тревога охватывает всех. Что будет дальше?..

Наступает вечер. К подъезду Дома культуры подъезжает машина, из нее выходит человек в штатском — как говорят, генерал КГБ — и быстро исчезает в здании.

Вскоре выясняется, что некоторые картины «высочайшую» цензуру не прошли. Меня просят перевести с иврита надписи на картинах Рубашкина и возвращают холсты в экспозицию.

Выставка длится десять дней. Участникам выдают пропуска и значки. При входе и выходе из здания у нас проверяют паспорта. За соблюдением «режима» тщательно следит начальник охраны...

Каждый день — конфликты: то выставку закрывают на два часа для уборки, то на полдня — под предлогом, что лестница в аварийном состоянии. Художники держатся мужественно. На каждую провокацию отвечают протестом, грозят дать интервью иностранным корреспондентам. Двери выставки снова распахиваются.

Теперь, через столько лет, служебное рвение чиновников кажется смешным. Ну, в самом деле, какие государственные устои могут поколебать куски холста или картона, покрытые краской?.. А тогда не только чины, но и часть зрителей искренне верила, что любое непривычное, не сразу понятное художественное решение — это попытка очернить «наши идеалы». Что же представляла собой эта выставка, если отвлечься от окружавшего ее ажиотажа?.. По тем временам — беспрецедентное зрелище. В ней участвовали 144 художника разных направлений, разных уровней мастерства. Огромные живописные композиции на религиозные темы, а рядом — гнездо из прутьев. Желавшим предлагалось высидеть... Идеи, наверное?.. Наряду с откровенно конъюнктурными — в расчете на интерес иностранцев — работами встречалось немало по-

настоящему глубоких философских произведений...

В 1976 году Самуилу Яковлевичу исполнилось бы 70 лет. Мне захотелось отметить его юбилей персональной выставкой. Осуществить желание помогла все та же Тая Колодзей. Великая ей благодарность. Она работала тогда в Московском Доме художественной самодеятельности. А так как Рубашкина после выставки на ВДНХ зачислили в «примитивисты», появился предлог устроить выставку именно там.

Организационная часть прошла удивительно легко. Препятствий со стороны администрации ДХС не было. Заведующей отделом изобразительного искусства работы Рубашкина понравились, и она дала добро. Правда, попросила картины еврейского цикла не выставлять. Но Тая ее не послушалась.

Мы отобрали тридцать шесть живописных и восемнадцать графических работ. Экспозицию делали Тая Колодзей и кинорежиссер, художник Витя Крючков.

Выставка органично вписалась в интерьер зрительного зала ДХС. Стены, обшитые внизу коричневыми деревянными панелями, кресла такого же дерева с серо-голубой бархатной обивкой... Спокойный фон для картин... Работы Рубашкина протянули над панелями по всему периметру зала цветной переливающейся лентой. Они гармонично сочетались друг с другом — чистотой тона, мягкостью красок, матовой поверхностью.

Накануне открытия приходили художники, и по их лицам я видела, что выставка удалась.

В день вернисажа, 16 июня, с самого утра зарядил дождь, а к полудню он разразился теплым летним ливнем. Вода сплошным потоком текла вниз по Большой Бронной в сторону Малой, где на углу, в глубине двора, находился Дом художественной самодеятельности. Народу из-за непогоды собралось меньше, чем я предполагала. В зале стояла грустная тишина. Ну, ничего, думалось мне, впереди еще две недели выставки...

Однако события развернулись совершенно неожиданно.

В день вернисажа вскоре после открытия приехали иностранцы и среди них — Катя Кухинка. Мы были уже знакомы — она купила зимой две работы Рубашкина. Француженка, которая была вместе с ней, заинтересовалась

необычными сюжетами и надписями на картинах цикла «Вспышки воспоминаний». Я, как смогла, объяснила их смысл и значение. Во время нашего разговора постоянно чувствовалось за спиной что-то чужое, недоброе присутствие.

На следующий день, войдя в ДХС, я обнаружила, что дверь зала закрыта. У двери стоял стул, на нем сидела уборщица и объявляла всем, что пускать сюда «не велено». Пришлось пройти на выставку с другой стороны.

По залу прохаживались мужчина и женщина. Они осматривали экспозицию. Мужчина останавливался у каждой картины и время от времени оборачивался к женщине. Она услужливо что-то ему шептала.

Потом они удалились. На смену им появились рабочие. Они сняли картины и составили их за сценой. «Сейдер», «Праздник Торы» и остальные работы цикла «Вспышки воспоминаний» вообще куда-то унесли. Зачем?.. Куда?.. На все мои вопросы рабочие отвечали: «Распоряжение директора...»

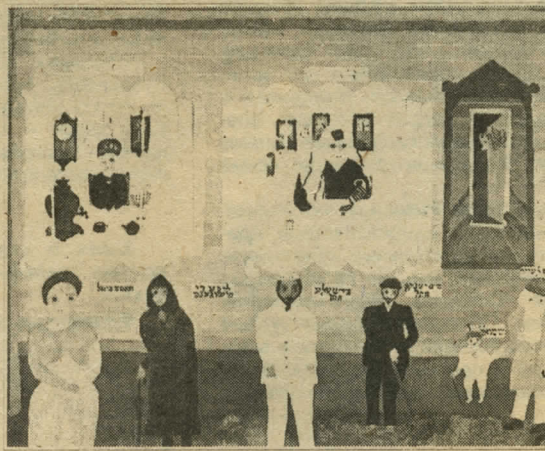
Впоследствии выяснилось, что в тот момент, когда мы разговаривали с француженкой, за моей спиной стояла заместитель директора ДХС, она же — секретарь партбюро. Заместитель директора «сигнализировала» куда следует. Вот и появился на выставке сотрудник КГБ... Он распорядился закрыть выставку — как мне сказали, «за пропаганду сионизма»...

Злополучные картины Рубашкина стояли теперь в кабинете директора. Не глядя на меня, он сказал: «Забирайте их, да побыстрее, пока не увезли куда-нибудь подальше...» Симпатичным, порядочным человеком оказался директор ДХС. За свою порядочность он, видимо, и поплатился: с работы его уволили.

Мы с Таней оперативно перенесли опальные картины к моим друзьям Александру и Римме Кажданам — они жили по соседству с Домом художественной самодеятельности.

На следующий день усилиями Тани собралась комиссия искусствоведов во главе с Н. С. Шкаровской. Работы произвели впечатление. Меня попросили показать еврейский цикл. Я повела членов комиссии к Кажданам.

В результате к экспозиции рекомендовали 32 работы. Конечно, без «Вспышек воспоминаний». Но мы с Таней решили не испытывать судьбу и увезли картины домой. Слава Богу, все они были в целости и сохранности...

1972 г. «Моя семья» —
х. м. 66x81 см.
Собственность семьи
художника

«Вызывается Самуил-сын Якова»

«Рубашкин родился в 1906 году в Витебске. Как и Шагал... Быть может, в самой атмосфере этого города сгустилась когда-то энергия творчества?.. В самом деле. В Витебске в 20-х годах работали Малевич, Добужинский, Лисицкий... Рубашкин разминусул с великими. Его Витебск — тихая провинция начала века, где, соблюдая обычаи предков, жила еврейская община...» — так начинаются воспоминания Ирины Александровны Меснянкиной (вдовы художника Самуила Яковлевича Рубашкина), которые будут опубликованы в книге «Автопортрет с шестью глазами».

Своему детству Рубашкин посвятил цикл картин «Вспышки воспоминаний». Он пишет дом деда («Моя семья»), пишет отца, мать, сестер за праздничным столом («Седер» — пасхальный ужин), пишет себя в синагоге («Бар-Мицва» — конфирмация, обряд совершеннолетия). Вот он, тринадцатилетним мальчиком, впервые читает Тору в синагоге. Стеной окружают подростка мужчины в белых талесах. Женщины — наверху, на балконе. Слева — арон-акадеш (место для хранения Торы), справа — кресло для раввина. И надпись на иврите по холсту: «Вызывается Самуил — сын Якова»...

Работы цикла «Вспышки воспоминаний» известны любителям примитива по «Всемирной энциклопедии наивного искусства». Казалось бы, их «наивность» вполне очевидна: та же, свойственная наивам, повествовательность, та же «детскость» рисования... Но откуда столь сложный колорит, откуда ощущение, что за внешним простодушием живописного рассказа скрыт некий подтекст? Сомнения в неискусственности автора так и останутся неразрешенными, если судить о творчестве Самуила Рубашкина лишь по «Вспышкам воспоминаний».

Работы Рубашкина «Портрет кресла», «Павшино. Голубое кладбище», его многочисленные портреты, автопортреты, пейзажи и натюрморты открывают нам как будто другого художника. Иные сюжеты, иная манера письма... «Академизм» здесь тоже отсутствует. Но явно не по причине недосягаемости. Отчётливость образов, завершенность композиций свидетельствуют о высоком уровне мастерства. Быть может, к наивам Самуил Яковлевич причислен по формальному признаку? Ведь специального художественного образования он не получил. И действительно, его судьба во многом схожа с судьбами большинства «воскресных» художников. Писать картины он начал поздно — в возрасте пятидесяти трех лет. Занимаясь живописью, не оставляя свою основную профессию (Рубашкин был кинооператором), работал на киностудиях всю жизнь. Им сняты фильмы «Парень из нашего города», «Сказка о потерянном времени», «Мост перейти нельзя», «Последний дюйм»... Что было главным: кино или живопись? И то, и другое захватывало его целиком, сливаясь в нечто единое и непрерывное. Найденная в живописи пластика оживала вдруг в кадрах кинолента, операторская тренированность глаза, профессиональное умение увидеть явление искусства в обыденном рождали ясные образы в живописи.

Законы изобразительного искусства Рубашкин не изучал. Все, что создано им, — длинная цепь самостоятельно сделанных открытий. В отличие от самодеятельных художников он не пытался усвоить академические азы, но прокладывая собственный путь, интуитивно пользуясь теми приемами, которые отвечали его замыслам. По воспоминаниям друзей Самуила Яковлевича, еще в воображении его будущая вещь содержала готовое пластическое и цветовое решение. Взавшись за кисть, он, словно фокусник, неизвестно откуда

вытаскивал на чистую поверхность картона или холста яркие, точные образы.

В кино Рубашкин зависел от воли сценаристов, режиссеров, актеров. Изобразительное искусство предоставляло ему неограниченную свободу в выборе темы, в выборе средств для ее воплощения. В живописи он высказывал самое сокровенное: собственное отношение к действительности, к волновавшим его проблемам и событиям.

О славе художника Рубашкин не помышлял, показывать свои картины на выставках не стремился. Однако какая-то неведомая сила постоянно толкала его вперед и вперед. Он начал писать маслом, потом увлекся графикой. Рисовал много, каждую свободную минуту. На чем придется — на тетрадных обложках, обрывках картона, клочках бумаги. В 1959 году весь его творческий опыт — маленькие, робкие этюды — пейзажи и натюрморты, написанные с натуры. В 63-м он уже создает большие законченные композиции. Нащупывая необходимый прием, Рубашкин неизменно ставил перед собой новые и новые нравственные, пластические, колористические задачи. Освоив «натурное» рисование, он двигался дальше, подчиняя себе цвет, испытывая его возможности. В своей «Белой» серии («Лунный пейзаж», «Аккорд», «Портрет жены») он пишет белым на белом. Изображение на холсте получается за счет едва различимых оттенков, за счет фактуры и направления мазка.

Интуитивность художественного мышления, конечно, сближает Рубашкина с истинными примитивами. Но завершенность замысла, духовная глубина задач, экспериментаторство уводят его от них на значительное расстояние. Работы он писал сразу, не переделывая. Однако неудовлетворенность, желание совершенствоваться прочитываются хотя бы в том, что на одну тему он создавал, как правило, целые циклы картин (портретная серия «Люди атомного века», цикл социальных работ «Мнимый мир»...). И в каждой серии — свой пластический язык.

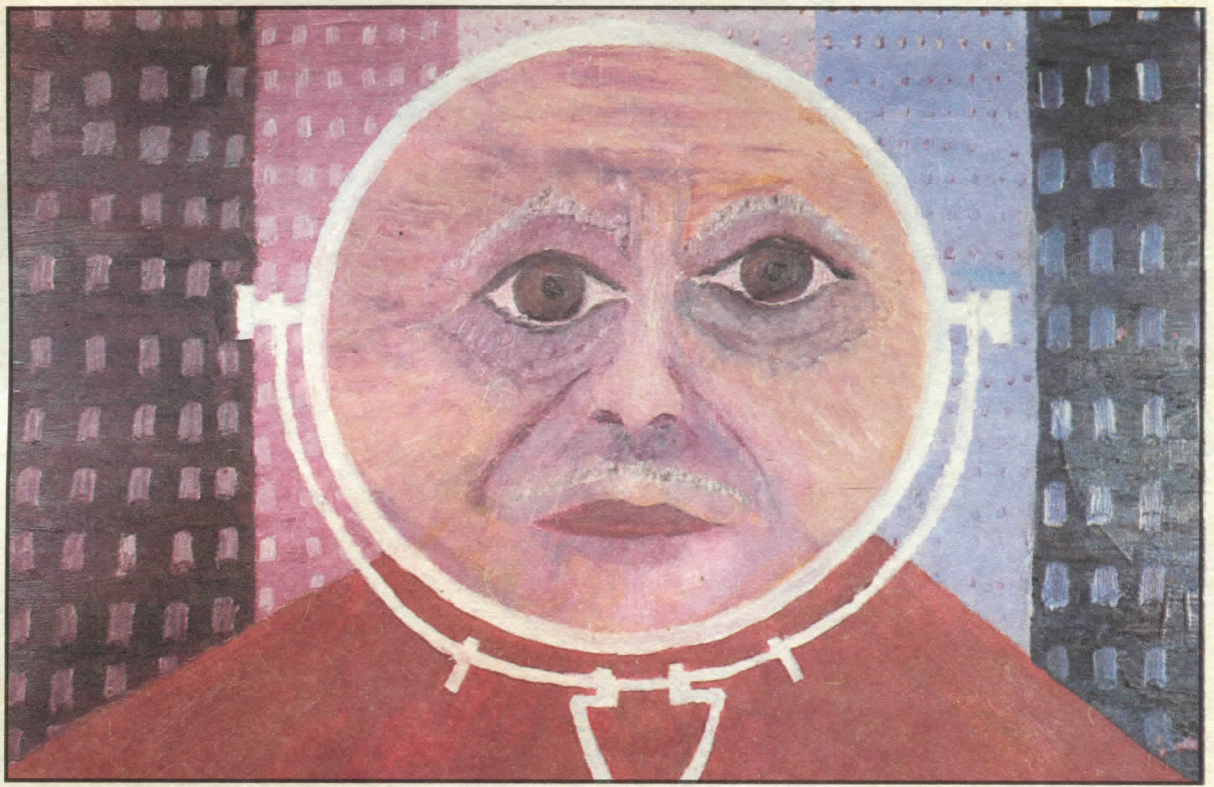
Тема «мнимого мира» занимала художника много лет. Он то прекращал работу над ней, то снова к ней возвращался. Но и ранние произведения этого цикла («Равновесие», «Рукоделие»), и более поздние («Автопортрет на фоне окна», «Публичное одиночество»), и последние («Новая пьеса», «Штумпы», «У портрета Петра I») отличает единый изобразительный стиль — лаконичные обобщенные формы, крупные цветовые поверхности. Поводами для создания картин обычно служили конкретные жизненные впечатления. Однако нарастающая условность изображения поднимает их на уровень общечеловеческих проблем, на уровень высокого размышления над формулами земного существования.

«Вспышки воспоминаний» — предпоследний цикл работ Рубашкина. Теперь, когда мы представляем себе, сколько до этого пройдено им, не трудно понять, что язык примитива здесь — только прием, который с поразительной точностью воспроизводит атмосферу провинциального еврейского местечка начала XX века.

С. МОРГЕНШТЕРН

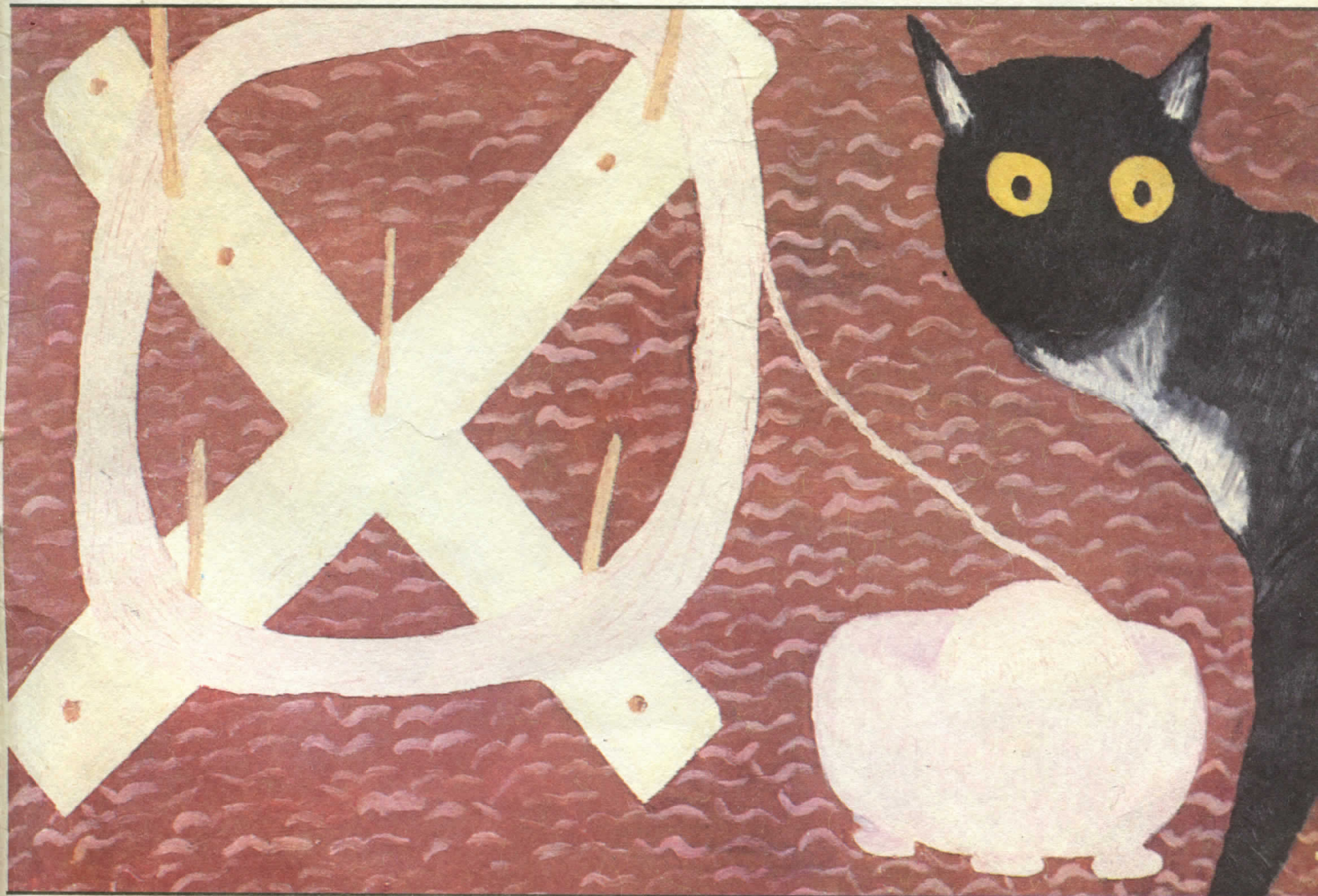
Книга о художнике Самуиле Рубашкине «Автопортрет с шестью глазами» готовится к печати в издательстве «Интерпракс».

Фрагменты книги — на с. 62—63.

«Автопортрет в зеркале д/бритья» карт.м. 34—49 см. 1965 г.

«Феня работает» карт.м. 35—50 см. 1966.

«Картинки с выставки» (бульдозерная выставка) X. М. 90—122,5 см. 1974 г.